ИСТОРІЯ
РУССКАГО ПРАВА.

«Не хвално нам в нѣмцѣхъ искат правду
у нас правда по закону свату,
ю-же принесеху отци наши».

(Судъ Любуши)

СОЧИНЕНІЕ

Ѳ. ЛЕОНТОВИЧА.

(изданіе Императорскаго Новороссійскаго Университета).

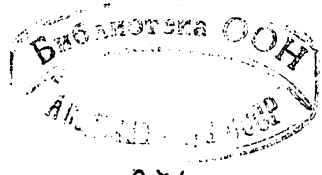
Выпускъ I.

(Введеніе. Часть I Внѣшняя исторія русскаго права. Отдѣлъ I Доклассическій періодъ. Обычное право древнихъ Славянъ вообще и русскихъ въ особенности. Приложеніе I Геродотъ, Тацитъ, Іорнандъ и др. Прилож. II Судъ Любуши и отрывки другихъ старославянскихъ пѣсенъ).

ОДЕССА,
ВЪ ТИП. ГИП. СОД АЛЕКСОМАТИ.
1869.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета, 9-го октября 1869 года.

Секретарь Совѣта *Орловъ*.



071
41

Исторія русскаго права въ недавнее лишь время сдѣлалась предметомъ научныхъ изслѣдованій. Въ прошломъ столѣтіи не могло быть и рѣчи о строгомъ историческомъ знаніи юридической жизни русскаго народа. Кромѣ скудости научнаго матеріала, историко-юридическимъ работамъ не благопріятствовало реформаторское настроеніе русскаго общества XVIII столѣтія. По поводу открытыхъ Татищевымъ Русской Правды и Судебника долго было въ ходу воззрѣніе на изданіе и изученіе памятниковъ старины, какъ на дѣло «поносное», какъ на «вредъ и поношеніе, нежели на пользу и честь». Только въ текущемъ столѣтіи постепенно сознана потребность въ научной разработкѣ исторіи русскаго права. Въ теченіи послѣднихъ четырехъ десятилѣтій открыто много законодательныхъ памятниковъ, принадлежащихъ различнымъ историческимъ эпохамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ накопилась значительная масса историко-юридическихъ изслѣдованій. Теперь главнѣйшіе вопросы науки болѣе или менѣе разрѣшены и выяснены. На очереди стоятъ новые вопросы; являются новыя изслѣдованія, обогащающія науку важными открытіями, болѣе и болѣе выясняющія историческое развитіе русскаго права. Но работы по отдѣльнымъ вопросамъ далеко не обнимаютъ всей науки. Она доселѣ представляетъ множество пробѣловъ и нетронутыхъ вопросовъ. Въ особенности ощутителенъ недостатокъ въ общемъ курсѣ, столь необходимомъ при факультетскомъ преподаваніи науки. Настоящей статьей мы и открываемъ рядъ очерковъ по исторіи русскаго права, въ видахъ хоть прибли-

зительнаго удовлетворенія потребности въ общемъ курсѣ по этой важной отрасли историко-юридическихъ наукъ. Единственная цѣль нашихъ очерковъ—доставить приступающимъ къ изученію исторіи русскаго права сколько нибудь пригодное руководство, въ которомъ бы указаны были главные источники для основательнаго ознакомленія съ предметомъ и изложены были необходимыя свѣдѣнія по крайней мѣрѣ по существеннымъ вопросамъ науки.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніе.

I. *Предметъ исторіи русскаго права* 5

II. *Внѣшняя и внутренняя исторія русскаго права* . 6—8

III. *Раздѣленіе исторіи русскаго права на періоды* . . 9—13

1) *Цѣлесообразность* дѣленія внѣшней исторіи на періоды . . . . . 9—10

2) *Древняя* и *новая* исторія . . . . . 10—13

a) Мнѣніе Рождественскаго, Сперанскаго и другихъ . . . . . 10—11

b) Мнѣніе Неволина 11

c) Доводы въ пользу послѣдняго мнѣнія . . 12—13

3) Методы дѣленія на *періоды* 13

a) Дѣленіе на періоды по *времени изданія сборниковъ законовъ* . . . . . 13—16

b) Дѣленіе на періоды по *главнымъ направленіямъ* законодательства . . . . . 16—21

aa) Дѣленіе на періоды по различію внѣшнихъ вліяній и элементовъ . . . . 16—17

bb) Дѣленіе Кавелина . . . . . 18—19

cc) Дѣленіе Морошкина 19

dd) Дѣленіе Неклюдова . . . . . 19—20

c) Дѣленіе на періоды по *политическимъ событіямъ* . . . . . 21—24

aa) Дѣленіе Рейца . . . . . 21—22

bb) Дѣленіе Неволина . . . . . 22—24

cc) Дѣленіе Рождественскаго 24

dd) Дѣленіе Сперанскаго 24

d) Дѣленіе на періоды по *различію источниковъ права* . . . . . 24—25
4) Обозрѣніе отдѣльныхъ періодовъ . . . . 26—31
a) Періодъ докняжескій—*обычнаго права* . 26
b) Періодъ призванія князей — *Русской Правды* . . . . . 26—27
c) Періодъ образованія княжествъ — *мѣстныхъ законовъ* . . . . . 27—28
d) Періодъ *московскихъ законовъ* XVI и XVII ст. 28—29
e) Періодъ *реформъ* XVIII и первой четверти текущаго столѣтія . . . . . 29—30
f) Періодъ *Свода Законовъ* . . . . . 30—31

IV. *Источники исторіи русскаго права* . . . . . 31—46
Общія замѣчанія . . . . . 31—33
a) Общіе сборники . . . . . 33—37
b) Источники періода Русской Правды . . 37—38
c) Источники періода мѣстныхъ законовъ . 38—39
d) Источники періода московскихъ законовъ . 39—40
e) Источники законодательства XVIII и XIX ст. 41
f) Источники церковнаго законодательства . 41—43
g) Памятники судебно-административные и юридическіе акты . . . . . 43—44
h) Вспомогательные источники . . . . . 44—46

V. *Научная обработка и литература исторіи русскаго права* . . . . . 46—65
Общія замѣчанія . . . . . 46—48
a) *Методы изслѣдованія* . . . . . 48—55
1) Нѣмецкая школа . . . . . 49—50
2) Византійская и археологическая школа . 49—50
3) Сравнительно-историческій методъ изученія русскаго права, параллельно съ исторіей славянскихъ законодательствъ. 50—54
4) Методъ изученія русскаго права, сравнительно съ правомъ народовъ неславянскаго происхожденія . . . . . 54—55
b) *Разработка внѣшней исторіи* русскаго права 55—58

c) *Разработка внутренней исторіи* русскаго права . . . . . 58—60
d) *Перечень* главнѣйшихъ сочиненій по исторіи русскаго права вообще . . . . . 60—65
Часть первая. Внѣшняя исторія русскаго права.
Планъ изложенія . . . . . 67—69
Отдѣлъ I. Докняжескій періодъ. Обычное право древнихъ Славянъ вообще и русскихъ въ особенности (до призванія князей).
1) Источники . . . . . 70—75
2) Замѣтка объ исторической судьбѣ Славянъ . 76—78
3) Самостоятельное значеніе славянскаго права . 78—80
4) Главные вопросы по внѣшней исторіи обычнаго права Славянъ . . . . . 80—81
5) Юридическое значеніе *правды*, *закона* и *обычая* у древнихъ Славянъ . . . . . 81—83
6) Сходство правды Славянъ съ древнѣйшимъ правомъ другихъ народовъ . . . . . 83—84
7) Партикулярное направленіе обычнаго права Славянъ . . . . . 84—87
a) Мѣстные обычаи Славянъ . . . . . 84—85
b) Племенные обычаи Славянъ . . . . . 85—86
c) Развитіе идеи права во внутреннихъ отношеніяхъ общинъ и отрицаніе ея въ отношеніяхъ междусоюзныхъ . . . . 86—87
8) Консервативный характеръ обычнаго права Славянъ 88
9) Формы проявленія обычнаго права Славянъ . 88—102
a) Юридическіе символы и обряды 89
b) Юридическія пословицы и формулы . . . 89—90
c) Пѣсни, сказанія, вѣщбы . . . . . 90—100
aa) Общія замѣчанія . . . . . 90—93
bb) Судъ Любуши, Снемъ и пр. . . . . 93—100
d) Доски и книги (вопросъ объ общеславянскомъ кодексѣ законовъ) . . . . 100—101
e) Общая замѣтка о формахъ обычнаго права Славянъ 021

10) Внутреннія основы и мотивы древняго права Славянъ . . . . . 102 – 105
a) Религіозно-нравственный элементъ въ старославянскомъ правѣ . . . . . 103 – 104
b) Общинный характеръ права древнихъ Славянъ . . . . . 104 – 105
11) Судьба обычнаго права восточныхъ и югозападныхъ Славянъ въ позднѣйшія эпохи исторической ихъ жизни . . . . 105 – 107
Приложеніе I. Главнѣйшія свѣдѣнія о бытѣ древнихъ Славянъ, извлеченныя изъ лѣтописей и другихъ источниковъ
I. Геродотъ . . . . . 109 – 111
II. Тацитъ . . . . . 111 – 112
III. Іорнандъ . . . . . 112 – 114
IV. Прокопій . . . . . 114 – 115
V. Маврикій . . . . . 115 – 119
VI. Левъ Философъ . . . . . 119 – 121
VII. Константинъ Порфирородный . . . . . 121 – 123
VIII. Титмаръ Мерзебургскій . . . . . 123 – 125
IX. Адамъ Бременскій . . . . . 125 – 126
X. Масуди . . . . . 126 – 129
XI. XII. XIII. Эдризи, Ибрагимъ, Якутъ . . . . . 129 – 130
XIV. Казвини . . . . . 130 – 132
XV. Габбибъ-Уллахъ 132
XVI. XVII. Димешки, Бакуви 133
XVIII. Ибнъ-Фодланъ . . . . . 134 – 136
XIX. XX. Мукаддеси, Миркондъ 136
XXI. Абу-Эль-Кассимъ . . . . . 137 – 138
XXII. Ибнъ-Дастъ . . . . . 138 – 141
XXIII. Несторъ . . . . . 141 – 142
Приложеніе II.
I. Судъ Любуши . . . . . 143 – 147
II. Zaboj, Slavoj, Ludiek . . . . . 147 – 148
III. Отрывки старосербскихъ пѣсень . . . . . 148 – 151

ВВЕДЕНІЕ.

I. Предметъ исторіи русскаго права.

Научная разработка отечественнаго права въ историческомъ его развитіи—главный предметъ науки исторіи русскаго права. Ее можно назвать *наукою о постепенномъ развитіи правилъ, опредѣлявшихъ юридическія отношенія, и формъ ихъ установленія въ Россіи.*

Задача науки исторіи русскаго права, по самому ея существу, состоитъ въ раскрытіи:

во-первыхъ, *формъ*, въ которыхъ юридическія правила и установленія осуществлялись у насъ въ ту или иную историческую эпоху, и

во-вторыхъ *сущности* юридическихъ правилъ, составлявшихъ содержаніе законодательныхъ памятниковъ.

Раскрывая формы развитія юридическихъ правилъ, наука показываетъ причины появленія памятниковъ законодательства, время и порядокъ изданія, внѣшній составъ и содержаніе законодательныхъ памятниковъ, издававшихся у насъ въ различное время. Имѣя дѣло съ сущностью юридическихъ правилъ, наука показываетъ, что́ признавалось у насъ въ отношеніяхъ совмѣстной жизни правомѣрнымъ и неправомѣрнымъ, — что́ въ силу такого признанія становилось въ разное время юридически-обязательнымъ правиломъ или институтомъ права.

II. Внѣшняя и внутренняя исторія русскаго права.

Изъ двоякой задачи науки исторіи русскаго права вытекаетъ само собою раздѣленіе ея на двѣ главныя части: исторію внѣшнюю, или такъ назыв. исторію источниковъ, и исторію внутреннюю, или исторію отдѣльныхъ юридическихъ правилъ и установленій.

Внѣшняя исторія состоитъ въ научной разработкѣ памятниковъ законодательства, въ цѣломъ ихъ составѣ, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ и оканчивая новѣйшими. Она даетъ полное и наглядное знакомство съ каждымъ памятникомъ въ отдѣльности и съ цѣлой совокупностью памятниковъ той или другой исторической эпохи, доставляя этимъ прочные матеріалы для всесторонняго изученія внутренней исторіи законодательства.

При разработкѣ памятниковъ подлежатъ разсмотрѣнію слѣдующіе основные вопросы:

α) Исторія каждаго памятника въ отдѣльности. Здѣсь необходимо указать: причины изданія памятника — мотивы и цѣли, руководившія законодателемъ при изданіи памятники; элементы, легшіе въ основаніе памятника, или его источники; редакцію памятника, т. е. какъ онъ составленъ, въ какое время, при участіи какихъ лицъ, учрежденій и вообще органовъ законодательной власти; дальнѣйшую судьбу памятника — силу и дѣйствіе его въ послѣдующія эпохи развитія законодательства; наконецъ научную обработку и литературу памятника.

β) Система и содержаніе памятниковъ. Изслѣдованіе ихъ со стороны формы можетъ состоять въ указаніи внѣшнихъ особенностей — по языку, системѣ, порядку образованія и распредѣленія отдѣльныхъ постановленій памятниковъ. Само содержаніе ихъ на столько можетъ быть предметомъ изслѣдованія въ этой части науки, на сколько это необходимо для общаго знакомства съ памятниками.

7) Необходимо наконецъ показать общее значеніе каждаго памятника въ цѣлой системѣ современнаго законодательства, чтобы такимъ образомъ яснѣе опредѣлить общее направленіе законодательства данной эпохи.

Внѣшняя исторія, сама по себѣ, еще не достаточна для полнаго знакомства съ постепеннымъ ходомъ развитія законодательства. Ограничившись одной внѣшней исторіей, т. е. обозрѣніемъ памятниковъ законодательства, мы не получимъ полнаго понятія о развитіи отдѣльныхъ постановленій памятниковъ; для насъ останется безсвязной исторія отдѣльныхъ отраслей законодательства—гражданскаго, уголовнаго и т. д. Необходимо, поэтому, обратиться къ изученію самыхъ постановленій памятниковъ, что̀ составляетъ предметъ внутренней исторіи законодательства.

Внутренняя исторія имѣетъ дѣло съ правилами и установленіями, опредѣлявшими юридическія отношенія, выясняетъ развитіе отдѣльныхъ отраслей законодательства съ древнѣйшихъ эпохъ до новѣйшаго временн. Наука раскрываетъ главные мотивы и вліянія, при которыхъ установлялись у насъ юридическія правила,—раскрываетъ сущность, внутреннюю связь и послѣдовательность такихъ правилъ по отдѣльнымъ памятникамъ и эпохамъ развитія законодательства. Если исторія внѣшняя объясняетъ памятники законодательства, то исторія внутренняя касается развитія государственнаго и юридическаго быта русскаго народа, имѣетъ дѣло съ послѣдовательнымъ развитіемъ самыхъ постановленій, внутренняго содержанія памятниковъ. Послѣдняя часть науки можетъ, по частямъ, входить въ курсы другихъ юридическихъ наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ отдѣльныя отрасли русскаго законодательства. Самые памятники не составляютъ главнаго предмета такихъ наукъ. Напримѣръ, наука государственнаго права только извлекаетъ изъ

памятниковъ историческія данныя, оставляя въ сторонѣ самые памятники. Спеціальное изученіе послѣднихъ можетъ, поэтому, вызывать особенную науку. Въ этомъ отношеніи и понимаютъ иногда исторію русскаго законодательства въ значеніи исторіи внѣшней, направленной на изученіе законодательныхъ памятниковъ.

Такое понятіе науки слишкомъ односторонне. Разработка памятниковъ — главная цѣль внѣшней исторіи — только подготовляетъ изученіе исторіи отдѣльныхъ отраслей законодательства. Всестороннее изученіе внутренней исторіи, возможное только послѣ основательной критической оцѣнки памятниковъ по ихъ формѣ и содержанію, составляетъ существенную задачу исторіи русскаго права. Отсюда же видно, что изложеніе внѣшней исторіи должно предшествовать внутренней. Объ исторіи отдѣльныхъ постановленій памятниковъ едва ли можно съ основательностію говорить, пока мы предварительно не познакомимся съ самыми памятниками, не подвергнемъ ихъ тщательному критическому анализу, не разложимъ ихъ на составные элементы и проч. Только подъ этимъ условіемъ и возможно обстоятельное изученіе внутренней исторіи.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе, чтобы точнѣе опредѣлить связь между обѣими частями науки. Содержаніе памятниковъ — общій предметъ изслѣдованій внѣшней и внутренней исторіи. Дѣло въ томъ, что внѣшняя исторія, какъ уже замѣчено, на столько касается содержанія памятниковъ, на сколько это необходимо для полнаго знакомства съ памятниками. Внѣшняя исторія касается отдѣльныхъ постановленій памятниковъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ формулируютъ самые памятники, и при томъ-только въ существенныхъ чертахъ, опредѣляющихъ общую физіономію памятниковъ. Внутренней исторіи принадлежитъ спеціальное изслѣдованіе самой сущности постановленій, въ исторической ихъ послѣдовательности и связи по отдѣльнымъ памятникамъ и эпохамъ народной жизни.

III. Раздѣленіе исторіи русскаго права на періоды.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ вопросу о раздѣленіи исторіи русскаго права по времени на отдѣльные *періоды*, скажемъ сначала нѣсколько словъ вообще о цѣлесообразности такого дѣленія, чтобы болѣе оріентироваться при самой группировкѣ явленій по періодамъ.

Въ послѣднее время явилось мнѣніе о безполезности дѣленія исторіи на періоды. Жизнь народа, говорятъ, не дробится на искуственныя подраздѣленія,—подобно всему живому, органическому, она всегда и вездѣ имѣетъ цѣльный характеръ. Ее и нужно изучать въ такомъ цѣльномъ видѣ, безъ искуственнаго дробленія на части, по эпохамъ, періодамъ. Наука должна только подмѣчать и анализировать новыя явленія и элементы народной жизни, слѣдить за медленнымъ историческимъ ея движеніемъ, указывать на постепенную преемственность и мѣну формъ и направленій жизни. Мнѣніе это, въ сущности совершенно вѣрное, можетъ однакожъ найти свое оправданіе только въ отношеніи къ внутренней исторіи законодательства. Здѣсь наука имѣетъ дѣло съ юридической жизнью народа, развивающейся цѣльно, органически, безъ перерывовъ по времени и мѣсту. Ее и нужно изучать безъ дробленія по періодамъ, только извращающаго естественный ходъ развитія народной жизни. Болѣе раціональнымъ можно считать изложеніе внутренней исторіи по отдѣльнымъ отраслямъ русскаго законодательства (государственнаго, гражданскаго и пр.) Но не то нужно сказать объ исторіи внѣшней. Здѣсь едва ли умѣстно возраженіе о безполезности дѣленія исторіи на періоды: изучать памятники необходимо въ томъ порядкѣ, въ какомъ они сами являются въ исторіи. Въ исторіи всѣхъ законодательствъ замѣчается, что каждая историческая эпоха вызываетъ памятники законодательства съ особенными типическими чертами.

Они обыкновенно являются группами, располагаются по эпохамъ. Въ каждой эпохѣ всегда можно указать одинъ или нѣсколько памятниковъ, къ которымъ примыкаютъ по своему направленію другіе памятники той же эпохи, обнимая всю систему современнаго законодательства. Подобное явленіе высказывается самымъ наглядньмъ образомъ въ исторіи нашего законодательства, особенно древняго, допетровскаго. Эпоха Русской Правды представляетъ цѣлую группу памятниковъ, проникнутыхъ одинаковымъ характеромъ. XIV-й и XV-й вѣка, въ свою очередь, развили нѣсколько самостоятельныхъ системъ законодательства (мѣстнаго); въ каждой системѣ является болѣе или менѣе сложная группа памятниковъ. Точно также періодъ XVI-го и XVII-го столѣтій представляетъ рядъ однородныхъ уставовъ; къ каждому изъ нихъ тянетъ группа другихъ памятниковъ, въ значеніи дополнительныхъ уставовъ и статей. Такія же явленія повторяются въ теченіи новой исторіи. Всѣ памятники одной эпохи, вообще говоря, проникаются однимъ и тѣмъ же направленіемъ, взаимно восполняютъ и объясняютъ себя. Въ порядкѣ историческаго появленія памятниковъ и слѣдуетъ изучать внѣшнюю исторію, группируя памятники по періодамъ, сообразно съ временемъ появленія ихъ въ ту или другую эпоху. Подобный методъ облегчаетъ изученіе отдѣльныхъ памятниковъ, даетъ полную возможность опредѣлить съ большею точностію общій характеръ законодательства каждой эпохи.

Исторію русскаго права можно дѣлить на два большихъ періода—*древнюю и новую исторію*, съ подраздѣленіемъ ихъ на нѣсколько меньшихъ періодовъ, принимая за основаніе дѣленія различныя начала. Большинство историковъ принимаетъ Уложеніе 1649 года за предѣлъ древней и начало новой исторіи. По мнѣнію Рождественскаго, Сперанскаго и другихъ, законы, изданные до Уложенія, потеряли въ настоящее время всякое практическое значеніе,—ихъ и нужно относить къ древней исторіи. Уложе-

ніе и законоположенія послѣдующаго времени, напротивъ, доселѣ сохраняютъ силу дѣйствующихъ законовъ или служатъ ихъ источниками и потому принадлежатъ къ новой исторіи. [1]) Другое мнѣніе высказано Неволинымъ [2]) Онъ говоритъ, что принимать Уложеніе за начало новой исторіи можно только въ практическомъ отношеніи. Впрочемъ, и здѣсь Уложеніе потеряло силу со времени изданія Свода Законовъ: постановленія эпохи Уложенія «въ настоящее время могутъ быть прилагаемы только по тѣмъ дѣламъ, по которымъ доселѣ еще не составлено Свода Законовъ»; но по такимъ-то именно дѣламъ Уложеніе едва ли содержитъ въ себѣ что нибудь дѣйствующаго, по крайней мѣрѣ такого, что не было бы подтверждено, или опредѣлено точнѣе законодательствомъ Петра Великаго. Поэтому, послѣднее и въ практическомъ отношеніи можетъ быть принято за начало новой исторіи. Неволинъ указываетъ также на теоретическую необходимость принимать за начало новой исторіи не Уложеніе, но петровскія реформы. «До Петра Великаго русскій народъ, живя въ непосредственномъ единствѣ съ природою, вырабатывалъ себя преимущественно изъ себя самаго, хотя подъ вліяніемъ началъ восточнаго міра [3]), и въ незначительной степени подъ вліяніемъ началъ міра западнаго». Съ Петра является преобладающее вліяніе Запада. Петръ внесъ въ народную жизнь новое движущее начало и этимъ положилъ твердую границу между древнимъ и новымъ міромъ [4]).

---

[1]) См. Рождественскаго—обозрѣніе внѣшней исторіи рос. законодательства; Неволина—исторія Рос. гражд. законовъ, т. I, введеніе.

[2]) Введеніе къ исторіи рос. гражданскихъ законовъ, стр. 11—13.

[3]) Здѣсь Неволинъ говоритъ о вліяніи византійской цивилизаціи.

[4]) Точно также изъ изслѣдованій Кавелина видно, что и онъ оканчиваетъ древнюю исторію петровскими реформами, когда вмѣсто стараго патріархальнаго быта началась новая государственная жизнь русскаго народа. См. Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи, въ сочиненіяхъ Кавелина, I, стр. 305—379. Ср. также, ib. IV, стр. 82 и др.

Воззрѣніе Неволина нужно считать болѣе вѣрнымъ. Уложеніе мало вяжется съ законодательствомъ XVIII-го и XIX-го столѣтій. Въ немъ только собраны, приведены въ систему и развиты результаты, до какихъ дошла древняя наша жизнь въ сферѣ права, или, говоря словами Рейца, Уложеніе «есть только *заключеніе* древняго права,—оно по большей части есть сборникъ изъ древнѣйшихъ законовъ, или сводъ, составленный по *духу* древняго права» [1]). Уложеніе только полнѣе выяснило, отчасти обобщило то, что прежде высказывалось отрывочно, неясно; оно не измѣнило, но только окончательно формулировало основныя положенія древняго русскаго права, не вводя никакихъ новыхъ началъ въ русскій юридическій бытъ. Положеніе о долговременной практической силѣ Уложенія Неволинъ справедливо считаетъ невѣрнымъ. Отмѣна отдѣльныхъ положеній Уложенія является уже вскорѣ послѣ его изданія. Актами такой отмѣны были сначала новоуказныя статьи, начавшія издаваться почти вслѣдъ за Уложеніемъ, потомъ разные памятники петровской эпохи. Правда, въ 1714 году статьи, изданныя въ отмѣну Уложенія, были уничтожены, и Уложеніе возстановлено въ первоначальной силѣ; но вскорѣ по всѣмъ отраслямъ законодательства развились реформы, повлекшія къ полному отрицанію юридическаго порядка, установленнаго Уложеніемъ. Законодательство періода петровскихъ реформъ представляетъ, вообще говоря, всѣ признаки новаго направленія. Если оно и возникло на почвѣ древняго законодательства, то тѣмъ не менѣе отнеслось къ нему съ полнымъ отрицаніемъ. Госу-

---

[1]) Опытъ исторіи росс. государственнаго и гражданскаго права, въ переводѣ Морошкина, введеніе, стр. XXV. Впрочемъ, Рейцъ не ясно высказывается по вопросу о древней и новой исторіи. Онъ имѣлъ въ виду разсмотрѣть содержаніе Уложенія, съ тѣмъ, „чтобы показать положенія онаго въ связи съ идеями древняго права", полагая также, что съ Уложенія „всѣ постановленія верховной власти до сихъ поръ имѣютъ силу закона".

дарственное начало, выработанное такъ сказать безсознательно древнею жизнію, возводится петровскими реформами въ начало теоретическое; на немъ построяется вся система законодательства, рѣзко расходящаяся съ системой законодательства допетровскаго. Петровскія реформы наконецъ рѣшительно потрясли старое, національное направленіе нашего законодательства, въ силу отрицанія обычнаго права, игравшаго очень важную роль въ допетровское время. Во вниманіе ко всему вышеизложенному слѣдуетъ принимать петровскія реформы за предѣлъ между древнею и новою исторіею русскаго права: законодательство петровское, произведя коренныя измѣненія въ общественной жизни Россіи, послужило главнымъ основаніемъ и источникомъ законодательства настоящаго столѣтія.

Переходя къ отдѣльнымъ періодамъ древней и новой исторіи, скажемъ сначала о тѣхъ началахъ, которыя можно принимать за основаніе дѣленія исторіи на періоды. Къ такимъ началамъ обыкновенно относятъ:

изданіе кодексовъ законовъ;

различіе въ направленіяхъ законодательства въ разное время;

политическія событія, сопровождавшіяся важными перемѣнами въ народной жизни;

различіе источниковъ права, преобладавшихъ въ различныя эпохи.

Мы скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ началъ и посмотримъ, какой методъ нужно считать наиболѣе цѣлесообразнымъ.

а) Всего естественнѣе и ближе къ дѣлу было бы дѣлить исторію законодательства на періоды по *времени изданія сборниковъ законовъ:* въ нихъ законодательство приводится къ единству и больше всего проявляется общее направленіе современнаго законодательства. Но такой методъ непримѣнимъ

къ нашему законодательству. Въ старое время у насъ вообще не было кодексовъ, которые обнимали бы все законодательство данной эпохи. Древніе наши кодексы допускали на ряду съ собой дѣйствіе законоположеній партикулярныхъ, часто изданныхъ до появленія кодексовъ [1]). Можно даже указать на цѣлыя эпохи, когда у насъ на первомъ планѣ стояла дробная система, или мѣстныхъ, партикулярныхъ законовъ (XIV-го и XV-го столѣтій), или отдѣльныхъ законоположеній, регламентовъ и пр. (XVIII-го и начала XIX-го вѣка), при весьма маломъ значеніи кодексовъ. Слѣдуя методу дѣленія по кодексамъ, пришлось бы соединять большія эпохи, различныя по своимъ направленіямъ, и дробить на части періоды съ одинаковымъ направленіемъ. Это въ особенности нужно сказать о періодѣ мѣстныхъ законовъ XIV-го и XV-го столѣтій и періодѣ московскихъ законовъ XVI-го и XVII-го столѣтій. Законодательство XIV-го и XV-го столѣтій, съ его системой законовъ партикулярныхъ, нужно, по этому методу, пріурочивать, или къ періоду Русской Правды, какъ это сдѣлалъ Неклюдовъ [2]), или къ періоду московскихъ законовъ, какъ это мы видимъ въ изслѣдованіи Чебышева-Дмитріева [3]). Но

---

[1]) См. Введеніе въ ист. рос. гражд. зак. Неволина, стр. 14 — 15.

[2]) Въ очеркѣ исторіи русскаго уголовнаго права, помѣщ. въ прибавлен. къ учебнику угол. права Бернера, стр. 166—182. Впрочемъ, Неклюдовъ вовсе пропустилъ періодъ мѣстныхъ законовъ, обошелъ молчаніемъ Псковскую судную грамоту и другіе памятники XIV и XV стол., а въ нихъ — то и нужно искать корни новыхъ порядковъ, возникшихъ у насъ во время Судебниковъ. Изъ очерка Неклюдова каждый въ правѣ заключать, что система уголовнаго права Судебниковъ непосредственно связывается съ системой Р. Правды. Подобное заключеніе рѣшительно не вѣрно. Да и вообще очеркъ Неклюдова изобилуетъ множествомъ гипотезъ и положеній, которыя трудно доказать или вовсе не умѣстны въ учебникѣ. Очерку не достаетъ существеннаго свойства всякаго руководства (а таково назначеніе Очерка) — доказательности и элементарности сообщаемыхъ свѣдѣній.

[3]) О преступномъ дѣйствіи по русскому допетровскому праву, стр. 94 и слѣд.

въ обоихъ случаяхъ, сводя въ одно мѣсто явленія самыя разнородныя, изслѣдователь поступаетъ совершенно произвольно. Дѣло въ томъ, что русское законодательство, въ теченіи XIV-го и XV-го столѣтій, развивалось далеко не при тѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, въ какихъ оно находилось прежде, въ эпоху Правды, и въ какихъ очутилось въ XVI-мъ столѣтіи, въ эпоху Судебниковъ. Сильное развитіе областной автономіи и розни между отдѣльными частями Руси въ XIII-XV-мъ столѣтіяхъ вызвало дробную систему мѣстныхъ законовъ, различно дѣйствовавшихъ въ отдѣльныхъ областяхъ,—систему, мало или даже вовсе неизвѣстную во время Правды, а потомъ въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ ослабленную и наконецъ вовсе уничтоженную законодательствомъ московскимъ. Законодательство XIV-го и XV-го столѣтій, съ его своеобразнымъ направленіемъ и началами, представляетъ совершенно самостоятельное явленіе древней исторіи русскаго права. Его нельзя пріурочивать, ни къ предъидущему, ни къ послѣдующему законодательству, не нарушая тѣмъ самымъ естественнаго порядка развитія русскаго законодательства.

Тоже самое нужно сказать и о московскомъ законодательствѣ XVI-го и XVII-го столѣтій. По системѣ дѣленія періодовъ по кодексамъ, слѣдуетъ оба Судебника и Уложеніе принимать за начало новыхъ періодовъ [1]). Но это нисколько не оправдывается внутреннимъ характеромъ этихъ памятниковъ. Они проникнуты одинаковымъ направленіемъ. Судебникъ царскій—только послѣдовательное развитіе стараго Судебника, какъ и Уложеніе, въ существѣ вещи, представляетъ тотъ же распространенный Судебникъ. Самая суть институтовъ одинакова во всѣхъ

---

[1]) Мы не говоримъ еще о недошедшемъ до насъ Судебникѣ или Уложеніи Василія Ивановича, также о сводномъ Судебникѣ, имѣвшемъ на практикѣ значеніе самостоятельнаго кодекса.

трехъ памятникахъ; разница почти только въ большей или меньшей полнотѣ и системѣ памятниковъ.

б) Еще бо́льшія неудобства встрѣчаемъ при раздѣленіи исторіи русскаго права на періоды, по *главнымъ направленіямъ законодательства*, какъ это дѣлаетъ Кавелинъ и нѣкоторые другіе историки. Всѣ подобныя дѣленія неизбѣжно ведутъ къ обобщенію и односторонности. Въ исторіи нашего законодательства, въ особенности древняго, нельзя указать ни одного момента, когда бы исключительно господствовало одно какое нибудь направленіе. Новыя движенія зарождались въ законодательствѣ при полномъ господствѣ старыхъ, утвердившихся началъ. Часто шли рука объ руку нѣсколько направленій, не только въ цѣлой системѣ законодательства, но и въ отдѣльныхъ его отрасляхъ [1]). Характеризуя извѣстный періодъ однимъ изъ такихъ направленій, мы необходимо впадаемъ въ неточность, даемъ поводъ невѣрному пониманію духа законодательства въ данный періодъ времени.

Чтобы нагляднѣе показать неудобства этого метода, разсмотримъ главныя его основанія, развитыя въ изслѣдованіяхъ Кавелина и другихъ историковъ.

Прежде всего скажемъ о раздѣленіи исторіи рускаго права на періоды по различію элементовъ, втекавшихъ въ жизнь

[1]) Для полноты нашей мысли, приведемъ очень вѣрное замѣчаніе о томъ же предметѣ одного изъ нашихъ криминалистовъ. „Въ исторіи права нельзя установить рѣзкой границы между двумя періодами и, такъ сказать, отрѣзать одинъ отъ другаго. Каждый послѣдующій періодъ подготовляется предъидущимъ. Начало явленій, происходящихъ во второмъ періодѣ, глубоко лежитъ въ первомъ; въ свою очередь, начала, характеризующія первый періодъ, заходятъ далеко во второй. Какъ иногда новое явленіе не выходитъ на свѣтъ въ полной своей силѣ и зрѣлости, такъ иногда отживающее начало не погибаетъ вдругъ и разомъ. Старое уступаетъ вполнѣ свое мѣсто новому только тогда, когда, послѣ долгой борьбы, окружаемое и подавляемое цѣлой атмосферой давнихъ, но нѣкогда слабыхъ, а потомъ болѣе и болѣе крѣпнущихъ явленій и новыхъ, вновь зарождающихся началъ,—старое обезсилитъ окончательно.“ См, Чебышева—Дмитріева—о преступномъ дѣйствіи, стр. 95.

русскаго народа и измѣнявшихъ характеръ общественной жизни и законодательства. Говорятъ, напримѣръ, о вліяніи варяго—русскомъ, византійскомъ, монгольскомъ, литовскомъ, западно—европейскомъ, различая періоды норманскій, монгольскій и т. д. Нельзя отрицать, конечно, внѣшнихъ вліяній въ исторіи русскаго права. Тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ сказать, что не они были главными движущими началами въ развитіи нашего законодательства, и потому нѣтъ надобности характеризовать отдѣльные періоды внѣшними вліяніями и началами. Въ особенности древнее русское законодательство было строго національнымъ: изстаринные русскіе обычаи, твердо державшіеся въ народной жизни, были главнымъ источникомъ національнаго направленія древне-русскаго права. Въ народныхъ обычаяхъ законодательство находило главный оплотъ противъ господства и вліянія чуждыхъ элементовъ. О такихъ вліяніяхъ можно говорить, только переходя къ новой исторіи: русское законодательство съ Петра Великаго дѣйствительно подчиняется вліянію законодательствъ западно-европейскихъ — черта, до извѣстной степени отличающая новое русское законодательство отъ древняго, допетровскаго [1]).

---

[1]) Говоримъ — до извѣстной степени, потому что, какъ справедливо говоритъ Кавелинъ (Соч. I стр. 374), уже „московское государство посягнуло на нашу народность, въ тѣсномъ, непосредственномъ значеніи слова". Уже московскій періодъ представляетъ явленія, изъ которыхъ можно заключать о вліяніи чуждыхъ началъ на русскую общественную жизнь; впрочемъ вліянія такія были весьма слабы, особенно мало замѣтны въ законодательствѣ (вліяніе Литовскаго Статута нельзя считать чуждымъ, — Статутъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ памятниковъ древне-русскаго законодательства). Съ другой стороны, петровскія реформы не были „стремленіемъ лишить русскій народъ его національности" Не смотря на новыя европейскія формы, на дѣлѣ еще долго держатся обычаи и порядки московскаго государства. Оттого и въ періодъ реформъ можно подмѣтить дѣйствіе началъ, преемственно наслѣдованныхъ отъ прежняго времени: государственныя воззрѣнія въ особенности первоначальныхъ петровскихъ реформъ коренятся цѣликомъ въ воззрѣніяхъ періода московскаго.

Кавелинъ принимаетъ внутренніе элементы и начала за исходныя точки разграниченія отдѣльныхъ эпохъ, допуская отчасти и вліянія внѣшнія (дружинныя, феодальныя начала при первыхъ князьяхъ и пр.) [1]). По мнѣнію Кавелина, родовой бытъ до самаго конца XVII-го столѣтія былъ общимъ фономъ, на которомъ развивались движенія въ политической жизни русскаго народа, заправлявшія всей исторіей русскаго законодательства. На этомъ основаніи Кавелинъ различаетъ слѣдующія пять эпохъ древней исторіи: a) до половины IX-го столѣтія — періодъ исключительно патріархальнаго, родоваго быта; b) до Ярослава 1-го — пер. господства дружинныхъ (феодальныхъ) началъ; c) до Боголюбскаго — пер. родовыхъ междукняжескихъ отношеній (начала родоваго быта охватываютъ и политическую жизнь); d) до Ивана III-го—пер. господства вотчинныхъ началъ; e) съ Ивана III-го—пер. зарожденія началъ государственныхъ. Время петровскихъ реформъ Кавелинъ принимаетъ за начало новой исторіи,—съ Петра вполнѣ развилась государственная жизнь русскаго народа, вмѣстѣ съ полнымъ отрицаніемъ старыхъ на чалъ кровнаго быта. Не входя въ подробный разборъ положеній Кавелина, замѣтимъ только, что онъ преувеличиваетъ значеніе роДоваго быта, вообще ставитъ на ложную почву вопросъ о направленіи древняго русскаго права, допуская вліяніе началъ родовыхъ, феодальныхъ, вотчинныхъ, принадлежащихъ къ наиболѣе спорнымъ и недоказаннымъ вопросамъ въ наукѣ. Нельзя также не замѣтить, что у Кавелина нѣтъ большой разницы между періодомъ докняжескимъ и періодомъ съ Ярослава 1-го, — оба представляютъ полное господство кровнаго быта. Да и вообще въ теченіи всей древней исторіи, по Кавелину, мало замѣтно движенія въ народной жизни, неизмѣнно державшейся началъ родовыхъ, изчезающихъ только съ Петра В.

[1]) См. Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи. Сочиненія Кавелина, I стр. 305 — 379.

Словомъ, начала, принятыя Кавелинымъ за основаніе разграниченія отдѣльныхъ эпохъ, не совсѣмъ вѣрно опредѣляютъ внутреннее направленіе законодательства въ разныя эпохи его развитія.

Обобщеніе, доведенное до крайней степени, мы видимъ въ системѣ *Морошкина* [1]). По его мнѣнію, первый періодъ (до Ивана III-го) представляетъ господство родоваго быта, отношеній грубой, матеріальной силы; съ Ивана III-го начался второй періодъ—гражданскаго быта, преобладанія формы надъ идеей. Третій періодъ собственно государственнаго быта еще не насталъ въ жизни русскаго народа. Изъ словъ Морошкина выходитъ, что государственная идея еще намъ неизвѣстна, что общественность наша, не только до Ивана III-го, но и теперь, представляетъ что-то среднее между бытомъ дикарей и государствомъ. Нечего говорить, что подобное положеніе не находитъ никакого оправданія въ исторіи, представляетъ плодъ субъективныхъ воззрѣній, лишенныхъ самаго поверхностнаго знакомства съ явленіями дѣйствительности.

Не меньше оригинальна система *Неклюдова* [2]). Принимая три главные періода въ исторіи русскаго права (до Уложенія, до Свода и до нашего времени), Неклюдовъ дѣлитъ каждый изъ нихъ на нѣсколько меньшихъ періодовъ: а) время до Русской Правды—періодъ патріархальнаго права; b) время отъ Р. Правды до Судебниковъ—періодъ права писаннаго или господства интересовъ частныхъ; с) время Судебниковъ—періодъ вліянія общественнаго элемента и церковныхъ воззрѣній и т. д. По Неклюдову, Русская Правда преслѣдуетъ только интересы частныхъ лицъ, Судебники—интересы земства, Уло-

---

[1]) См. Проспектъ исторіи русскаго законодательства, помѣщ. въ Юридич. Вѣстникѣ 1863 г., № 5.

[2]) См. Очеркъ ист. рус. уголовнаго права, въ учебн. Бернера, стр. 159—160. 166 и др.

женіе—интересы цѣлаго государства. Повѣривъ Неклюдову, можно думать, что въ періодъ Правды о земствѣ, общинахъ, не было и рѣчи, какъ и по Судебникамъ община была учрежденіемъ, къ которому все возводилось въ современномъ законодательствѣ. Подобныя заключенія положительно не вѣрны. Не говоря о Русской Правдѣ, уже преслѣдовавшей идею общаго блага и пропитанной, такъ сказать, интересами земскими, общинными, укажемъ на Псковскую или Новгородскую судныя грамоты—памятники вѣчеваго законодательства, въ которыхъ, какъ и въ Правдѣ, если и говорится объ интересахъ частныхъ (даже въ уголовномъ правѣ), то почти на столько, на сколько отдѣльное лицо было членомъ общины. Съ другой стороны, время Судебниковъ нужно считать эпохой не господства и процвѣтанія интересовъ земства, но ихъ упадка. Общины эпохи Судебниковъ мало заявляютъ самостоятельной жизни, дѣйствуютъ только по призыву государства, какъ простые органы общей власти. Борьба законодательства съ «общественными язвами» (характерная черта Судебниковъ, по мнѣнію Неклюдова) начинается гораздо раньше Судебниковъ. Начало такой борьбы можно прослѣдить еще въ эпоху Правды, трактующей во многихъ статьяхъ о разбойникахъ и татяхъ; древнѣйшая Правда и ограничивается, главнымъ образомъ, статьями о преступленіяхъ и наказаніяхъ [1]).

Изъ сказаннаго видно, что нельзя назвать удовлетворительнымъ ни одинъ изъ опытовъ раздѣленія исторіи русскаго права на періоды по главнымъ его направленіямъ. Иначе впрочемъ и не можетъ быть. Исторія внутренняго быта нашихъ

---

[1]) Неклюдовъ, какъ мы видѣли, пропустилъ мѣстные законы XIV-го и XV-го столѣтій. Изъ нихъ онъ увидѣлъ бы, что преслѣдованіе лихихъ людей не принадлежитъ только иниціативѣ Судебниковъ, но является гораздо раньше. Точно также статьи Судебниковъ о посулахъ не новы: запрещеніе посуловъ встрѣчаемъ уже въ Псков. суд. грамотѣ и другихъ памятникахъ мѣстныхъ законовъ.

предковъ еще мало разработана, — внутреннія направленія, господствовавшія въ законодательствѣ, еще такъ не ясны для насъ, что невозможно разграничивать по нимъ отдѣльныя историческія эпохи.

c) Нужно считать болѣе правильнымъ общепринятое дѣленіе на періоды по *политическимъ событіямъ*. За эпохи принимаютъ обыкновенно такія событія, которыя сопровождались важными перемѣнами въ общественной жизни и давали начало новымъ системамъ законодательства. Исходная точка этого метода—не различія въ направленіяхъ законодательства, но перемѣны въ цѣлой народной жизни, отражавшіяся и въ законодательствѣ. Впрочемъ и здѣсь не установился еще точный методъ. Каждый историкъ дѣлитъ эпохи, не всегда соображаясь съ общимъ ходомъ исторіи.

Первый опытъ дѣленія исторіи по событіямъ встрѣчаемъ у *Рейца*. Касаясь только древней исторіи, онъ принимаетъ слѣдующіе періоды: a) періодъ основанія государства до перваго начертанія закона (отъ половины IX-го до половины XI-го в.); b) пер. образованія княжествъ до введенія монархіи (отъ половины XI до половины XVI ст.); c)—періодъ образованія монархіи (1550—1649) [1]. Рейцъ вполнѣ вѣрно принимаетъ за эпохи время призванія князей, образованія княжествъ и послѣдовавшаго за тѣмъ объединенія государства. Событія, указываемыя Рейцомъ, представляютъ очень важные моменты въ русской исторіи. За то Рейцъ совершенно произвольно комбинируетъ историческія явленія по принятымъ имъ періодамъ. Онъ почти вовсе не касается времени, предшествовавшаго призванію князей. Нельзя же допустить, чтобы юридическій порядокъ возникъ у насъ только съ князьями, а до того вре-

[1]) Опытъ исторіи рос. государ. и гражд зак., введ., стр. XXV. Къ изложенію древней исторіи Рейцъ присоединилъ еще обзоръ Уложенія, какъ памятника, служащаго переходомъ отъ древняго къ новому русскому законодательству.

мени господствовалъ слѣпой случай, отсутствіе всякихъ порядковъ и нормъ права. Рейцу какъ будто неизвѣстно, что русскій юридическій бытъ, какимъ онъ является при князьяхъ, глубоко коренится въ обычномъ правѣ Славянъ докняжескаго времени. Изслѣдователь не можетъ оставить безъ вниманія древнѣйшую пору обычнаго права Славянъ. Рейцъ далѣе произвольно разграничиваетъ Ярославову Правду отъ Правды позднѣйшей, относя первую къ періоду основанія государства, вторую — къ періоду образованія княжествъ. Дѣло въ томъ, что самый вопросъ о Правдѣ и теперь (а тѣмъ болѣе во время Рейца) нельзя считать окончательно порѣшеннымъ. Вспомнимъ мнѣніе Каченовскаго, Калачова и др. о Правдѣ, какъ частномъ сборникѣ, или мнѣніе Карамзина и Дубенскаго о пространной Правдѣ, какъ памятникѣ, изданномъ при Ярославѣ. Судя по самому характеру памятниковъ, мы не видимъ никакихъ основаній относить Правду пространную къ періоду образованія княжествъ. Она вся цѣликомъ принадлежитъ къ одной эпохѣ съ краткой Правдой,—обѣ развиваютъ одни и тѣже положенія, по большей части взятыя изъ стараго обычнаго права Славянъ. Позднѣйшая Правда только полнѣе и подробнѣе развила институты Ярославовой Правды, безъ особенныхъ измѣненій ихъ сущности. Наконецъ, Рейцъ произвольно соединяетъ законодательство XIV-го и XV-го столѣтій съ первымъ Судебникомъ, отдѣляя послѣдній отъ Судебника царскаго. Мы имѣли случай замѣтить, что система мѣстныхъ законовъ (до конца XV-го стол.) представляетъ самостоятельное явленіе, отличается отъ Русской Правды и Судебниковъ [1]).

Система *Неволина* также не совсѣмъ удовлетворительна [2]).

---

[1]) Раздѣленіе Рейца принято, по словамъ Неволина, въ лекціяхъ Врангеля, съ тѣмъ отличіемъ, что Врангель доводитъ второй періодъ только до перваго Судебника, или до 1498 г. См. Неволина Ист. гражд. зак., введ., стр. 13.

[2]) См. Исторію росс. гражд. законовъ, I. введ. и Обозрѣніе внѣшней исторіи рос. зак. (въ энциклопедіи законовѣдѣнія).

Древнюю исторію онъ дѣлитъ на пять періодовъ: a) съ древнихъ временъ до принятія христіанства (988); b) до раздробленія Руси на удѣлы и порабощенія ея Монголями (1238 г.); c) до Ивана III-го (1462); d) до Уложенія (1649); e) до Петра Великаго (1689 г.) Новую исторію Неволинъ дѣлитъ на три періода: a) отъ Петра Великаго до Екатерины II-й (1762 г.); b) до изданія Свода (1833 г.); c) до настоящаго времени. Нельзя отвергать значенія въ исторіи русскаго права принятія христіанства; но намъ кажется, что русское право стало получать новое направленіе гораздо раньше, именно со времени призванія князей — перваго акта образованія у насъ общей (княжеской) власти и зарожденія идеи государства. Съ князей начинается у насъ законодательная дѣятельность, являются законы въ собственномъ смыслѣ, вообще развиваются въ сферѣ права, при первыхъ же (языческихъ) князьяхъ, новыя явленія, не извѣстныя докняжескому времени. По этимъ причинамъ слѣдуетъ начинать новый періодъ не съ принятія христіанства, но съ призванія князей.

Кромѣ того, Неволинъ напрасно выдѣляетъ законодательство Судебниковъ и Уложенія въ отдѣльные періоды. Эти памятники (да и вообще все современное имъ законодательство, до самыхъ петровскихъ временъ) отличаются одинаковымъ характеромъ. Они выразили собой стремленіе московскаго государства къ объединенію законодательства, къ замѣнѣ старыхъ партикулярныхъ законовъ общими. Идея общаго закона, вполнѣ осуществившаяся въ Уложеніи, связываетъ его самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ образомъ съ Судебниками. Они взаимно восполняютъ себя, какъ акты, преслѣдовавшіе одинаковыя цѣли, старавшіеся удовлетворить однимъ и тѣмъ же потребностямъ русскаго общества.

Неволинъ наконецъ не вѣрно смотритъ на новую исторію, отдѣляя время реформъ петровскихъ отъ екатерининскихъ, тогда

какъ они проникнуты одинаковымъ реформаторскимъ направленіемъ. Положенія и учрежденія екатерининскаго времени, по большей части, представляютъ только дальнѣйшее развитіе петровскихъ регламентовъ. Обобщеніе такихъ регламентовъ и положеній было дѣломъ Свода. Съ него—то и обозначилась вторая фаза въ развитіи новаго русскаго законодательства.

Систему Неволина принимаютъ и другіе историки, съ бо́льшими или ме́ньшими отступленіями. Такимъ образомъ, *Рождественскій* [1]) дѣлитъ древнюю исторію, какъ и Неволинъ, но доводитъ ее только до Уложенія. Новая исторія, по Рождественскому, раздѣляется на три періода (до Петра Великаго, до 1826 г., до нашихъ дней).

Можно указать наконецъ на *Сперанскаго*, который предлагаетъ за начало періодовъ новой исторіи время изданія Уложенія 1649, указа 1714 г. 15 іюня (объ отмѣнѣ новоуказныхъ статей, не согласныхъ съ Уложеніемъ) и время воцаренія Екатерины II-й [2]). Мы уже говорили о значеніи Уложенія и реформъ Екатерины. Что касается указа 1714 г., то на дѣлѣ онъ не оказалъ особеннаго вліянія на законодательство. Цѣлью этого указа было поставить законодательство на ту точку, на какой оно стояло во время Уложенія; но развившіяся вслѣдъ за указомъ реформы показали всю неосуществимость подобной цѣли и дѣло указа 1714 г. осталось безъ результатовъ. Какъ памятникъ, не оказавшій никакого существеннаго вліянія на законодательство, указъ 1714 г. и не слѣдуетъ принимать за начало новаго періода.

d) Въ послѣднее время нѣкоторые историки [3]) стали принимать за основаніе дѣленія періодовъ *различіе источниковъ*

[1]) См. Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства, введ.

[2]) См. Неволина — Ист. рос. гражд. зак. I. Введ. Стр. 14.

[3]) См. напр. Чебышева — Дмитріева — О преступномъ дѣйствіи по русскому допетровскому праву. 1862. Никольскаго — О началахъ наслѣдованія въ древнемъ русскомъ правѣ. 1859.

права, дѣйствовавшихъ у насъ въ различное время. На этомъ основаніи различаютъ періоды обычнаго права, Русской Правды, мѣстныхъ законовъ и пр. Источники дѣйствительно можно считать главными регуляторами въ развитіи законодательства. Измѣненія, замѣчаемыя въ источникахъ, всегда служатъ первымъ и главнымъ выраженіемъ зарожденія въ законодательствѣ новыхъ направленій и системъ. По этому различіе въ источникахъ и можно принимать за основаніе дѣленія исторіи законодательства на періоды.

Послѣдніе два метода не исключаютъ, но по большей части соотвѣтствуютъ и восполняютъ другъ друга. Въ теченіи всей русской исторіи замѣчаемъ одно и тоже явленіе: вслѣдъ за перемѣнами въ общественной жизни, какъ результатами тѣхъ или иныхъ историческихъ событій, возникаютъ и развиваются перемѣны въ самыхъ источникахъ права. Съ образованіемъ въ лицѣ князей общей власти, являются съ теченіемъ времени распоряженія этой власти, законы, равно обязательные для всѣхъ племенъ, подчинившихся князьямъ, является Русская Правда и другіе уставы — новые источники, не извѣстные докняжескому времени. Точно также, съ развитіемъ дробной системы княжескихъ волостей и земель, возникаетъ не менѣе дробная система мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ отдѣльныхъ областяхъ, — являются опять новые источники, мало извѣстные прежнему времени. Объединеніе Руси — дѣло московскаго государства — повлекло за собою отмѣну законовъ партикулярныхъ и установленіе системы общихъ законовъ. Такое соотвѣтствіе между перемѣнами въ общественной жизни и источникахъ права повторяется у насъ и въ послѣдующее время.

На основаніи такихъ перемѣнъ въ общественной жизни и источникахъ права, мы дѣлимъ исторію русскаго права на слѣдующіе шесть періодовъ, относя первые четыре къ древней исторіи, послѣдніе два къ новой:

1) Докняжескій періодъ — обычнаго права.

2) Періодъ призванія князей — Русской Правды.

3) Періодъ образованія княжествъ—мѣстныхъ законовъ.

4) Періодъ московскаго государства — общихъ или московскихъ законовъ.

5) Періодъ реформъ XVIII-го и начала XIX-го столѣтій—регламентовъ и положеній.

6) Періодъ Свода Законовъ.

Для первоначальнаго знакомства съ каждымъ періодомъ въ отдѣльности, мы сдѣлаемъ краткій обзоръ каждаго изъ нихъ.

1) Время до призванія варяжскихъ князей представляетъ исключительное господство бытовыхъ опредѣленій — главныхъ основаній обычнаго права русскихъ Славянъ. Къ характеристическимъ чертамъ этого періода относятся:

а) господство мѣстныхъ и племенныхъ *обычаевъ*, при отсутствіи общей системы юридическихъ правилъ и при признаніи идеи права только въ тѣсныхъ кругахъ (родахъ, общинахъ);

b) устройство общественнаго быта русскихъ Славянъ на началѣ розни въ отношеніяхъ между отдѣльными союзами (общинами), при отсутствіи объединяющаго элемента—общей власти, и на началѣ внутренней крѣпости самыхъ союзовъ.

2) Призваніе варяжскихъ князей составляетъ важную эпоху въ общественной жизни русскихъ Славянъ. Оно было актомъ образованія общей (княжеской) власти, не могшей выработаться изъ чисто-общинныхъ союзовъ. На русской почвѣ возникаетъ идея государства, полагается начало политическому объединенію русскаго народа. Въ тоже время развиваются новыя явленія въ сферѣ права. Подчиненіе племенъ одной общей власти влекло за собою, какъ неизбѣжный результатъ, подчиненіе ихъ одинаковымъ распоряженіемъ этой власти. Подлѣ мѣстныхъ и племенныхъ обычаевъ, постепенно зараждается система общихъ юридическихъ правилъ и уста-

новленій. Идея права, признанная дотолѣ только въ общинѣ, распространяется на всѣ племена, подчинившіяся общей власти. Это-то распространеніе идеи права, созданіе обще-обязательныхъ правилъ и установленій (въ духѣ изстаринныхъ славянскихъ обычаевъ),—главная заслуга *Русской Правды*, важнѣйшаго законодательнаго памятника этого времени. Въ Русской Правдѣ впервые являются у насъ общія юридическія гарантіи, въ видахъ охраненія и упроченія земскаго мира (наряда),—гарантіи, какихъ вообще не доставало докняжескому времени.

3) Новыя начала, возникшія на русской почвѣ со времени князей, долго были безсильны для борьбы съ началами старыми. Такая борьба яснѣе обозначается въ XIII-мъ и тянется до конца XV-го столѣтія. Борьба идетъ между разнообразными элементами,—областными, общинными, сословными, церковными, княжескими. Характеристическое явленіе общественной жизни этого періода—сильное развитіе областной автономіи, образованіе федераціи волостей и земель [1]). На сѣверѣ Россіи развивается система народоправствъ (Новгородъ, Псковъ), на сѣверовостокѣ—система княжескихъ вотчинъ. Тамъ на первомъ планѣ стоитъ община, здѣсь—князья. Иной порядокъ замѣчаемъ въ юго-западной (литовской) Россіи: въ общественной жизни выдвигаются на первый планъ сословныя

[1]) Мы не принадлежимъ къ поклонникамъ федеративности древней Россіи. Не говоря уже о томъ, что русская федерація вообще не имѣла подъ собой твердой почвы, федеративное начало вело только къ разобщенности, политическому безсилію русскаго народа,—отрицаніе этого начала было жизненною потребностію государства. Нужно отнести въ особенную заслугу московскаго государства—*политическое объединеніе* русскаго народа,—дѣло, еще доселѣ не вполнѣ оцѣненное нашими историками. Вспомнимъ судьбу другихъ Славянъ, жившихъ дробной жизнію, ревниво охранявшихъ политическую особность и разобщенность народныхъ частей, пришедшихъ наконецъ въ результатѣ къ потерѣ всякой самобытности. Отъ подобной участи насъ избавило собираніе русской земли около одного центра.—Говоря здѣсь о федераціи земель и системѣ мѣстныхъ законовъ, мы хотимъ только выставить факты, каковы они были на дѣлѣ, не возвышая и не умаляя ихъ дѣйствительнаго значенія.

начала, — идея государства уступаетъ въ силѣ интересамъ господствующихъ сословій (боярщины, позднѣйшей шляхты). Соотвѣтственныя явленія замѣчаемъ и въ законодательствѣ. Въ каждой области являются свои *мѣстные законы*, въ формѣ разнаго рода *грамотъ* (привилеевъ литовско-русскихъ)—уставныхъ, судныхъ, жалованныхъ и пр. Мѣстные законы видоизмѣняютъ положенія Пусской Правды (больше на востокѣ, меньше на западѣ), или, лучше сказать, Правда получаетъ ближайшее примѣненіе къ условіямъ мѣстной жизни различныхъ частей Руси. Система мѣстныхъ, партикулярныхъ законовъ—существенная черта русскаго законодательства XIII — XV-го столѣтій. Въ особенности рѣзко обозначилось различіе между законодательствомъ сѣверныхъ общинъ (Новгорода и Пскова), сѣверовосточныхъ княжествъ и федераціи литовско-русскихъ земель (великаго княжества Литовскаго). Каждая изъ этихъ трехъ главныхъ системъ современнаго русскаго законодательства, въ свою очередь, проникалась началами партикулярными: на сѣверѣ новгородское вѣчевое законодательство разнилось отъ псковскаго, хотя основа ихъ была одинакова. Точно также законодательство сѣверовосточной Руси, развиваясь по отдѣльнымъ областямъ, представляло мѣстныя особенности и оттѣнки (правда или законы московскіе, земель онежской, двинской, бѣлозерской и пр.) Законодательство литовско-русское развило еще больше партикулярныя начала: подлѣ сословныхъ системъ «права» (духовнаго, шляхетскаго, мѣщанскаго или магдебургскаго и купнаго), развились мѣстныя системы права польскаго (въ подляшскихъ земляхъ), витебскаго, волынскаго, кіевскаго и пр. Каждая изъ этихъ системъ права имѣла свои особенности, отличалась различнымъ внутреннимъ характеромъ и направленіемъ.

4) Возвышеніемъ московскаго государства начинается новая эпоха въ жизни русскаго народа. Русская земля собирается около одного центра—Москвы. Образуется одно большое

государство—московское; къ нему постепенно примыкаетъ вся Русь. Падаетъ прежняя самостоятельность отдѣльныхъ областей. Въ теченіи XVI-го и XVII-го столѣтій политическое единство русскаго народа установилось на прочныхъ основаніяхъ. Вмѣстѣ съ объединеніемъ государства, возникаетъ мысль объ *общемъ законодательствѣ* и объ отмѣнѣ законовъ партикулярныхъ. Мысль объ общемъ законодательствѣ и выразилась въ изданіи *Судебниковъ* (1497 и 1550). Въ первомъ Судебникѣ еще замѣтенъ мѣстный колоритъ; Судебникъ царскій является уже вполнѣ кодексомъ общихъ законовъ для всего государства. На ряду съ кодексами, впрочемъ, удерживаютъ еще силу законы партикулярные (грамоты уставныя, жалованныя и пр.). Отмѣна и уничтоженіе мѣстныхъ законовъ и обычаевъ было дѣломъ московской приказной администраціи. Она постепенно распространялась на весь территорій государства, вездѣ подавляя мѣстные порядки и вводя вмѣсто нихъ порядки и обычаи московскіе. На этой-то почвѣ объединенія законодательства стало *Уложеніе 1649 г.*—кодексъ общихъ законовъ, безъ всякихъ мѣстныхъ различій. Уложеніе свело, такъ сказать, къ одному знаменателю главныя положенія, развитыя древне-русскимъ законодательствомъ, завершило собой дѣло объединенія законовъ, начатое въ эпоху Судебниковъ. Въ литовско-русскихъ областяхъ является также мысль объ объединеніи законодательства, выразившаяся въ изданіи *Литовскихъ Статутовъ*; но эта мысль не была вполнѣ осуществлена. Литовское законодательство надолго осталось вѣрнымъ старому, партикулярному направленію. Въ немъ партикулярный законъ преобладалъ надъ общимъ; общіе законы усиливаются только въ періодъ конституцій, собственно въ XVIII-мъ столѣтіи, т. е. въ эпоху предъ паденіемъ самостоятельнаго значенія литовскаго законодательства.

5) Наступилъ XVIII-й вѣкъ, вѣкъ реформъ, «собиранія разбросанныхъ храминъ» (какъ выразился одинъ изъ петровскихъ

указовъ). Задача древней исторіи высказалась въ отрицаніи мѣстнаго партикуляризма, въ внѣшнемъ объединеніи русскаго законодательства. Новое время пошло дальше—къ внутреннему объединенію законодательства, путемъ общей кодефикаціи и отдѣльныхъ преобразованій, по началамъ, заимствованнымъ извнѣ или выработаннымъ древне-русскою жизнію. Кодефикаціонныя попытки долго оставались безуспѣшными; всеобъемлющая реформаторская дѣятельность по отдѣльнымъ законодательнымъ вопросамъ составляетъ характеристическую черту исторіи русскаго права въ теченіи прошлаго вѣка и первой четверти текущаго. Вмѣстѣ съ отрицаніемъ обычнаго права и замѣною національныхъ учрежденій чуждыми, заимствованными, законодательство стремится обнять своими нормами всю общественную и частную жизнь русскаго народа. *Регламентъ, положеніе*— главная форма законодательства періода реформъ. Регламентъ имѣетъ болѣе теоретическое направленіе, въ отличіе отъ законовъ прежняго времени, съ ихъ исключительно практическимъ (казуистическимъ) характеромъ. Этотъ періодъ обнимаетъ отдѣльныя эпохи реформъ петровскихъ, екатерининскихъ и александровскихъ. Законодательство этого времени отличается одинаковымъ реформаторскимъ характеромъ. Преслѣдуя вездѣ цѣли государственныя, оно положило начало и упрочило радикальныя измѣненія въ цѣломъ строѣ общественной жизни русскаго народа.

6) Изданіемъ *Свода Законовъ* начался послѣдній періодъ въ исторіи русскаго права. Задача Свода состояла въ обобщеніи регламентовъ и другихъ законоположеній періода реформъ, путемъ компилятивнаго сведенія ихъ въ одно цѣлое. Законодательство русское приняло систематическую форму, не измѣнило однакожъ общаго духа и направленія, усвоеннаго имъ подъ вліяніемъ реформъ прежняго времени. Новое направленіе замѣчается только въ реформахъ послѣдняго времени, хотя

самыя реформы не на столько выяснились и упрочились, чтобы можно было выдѣлять все современное законодательство въ отдѣльную эпоху.

Такимъ образомъ, идея права раскрывалась у насъ медленно, подъ вліяніемъ разнообразныхъ историческихъ условій. Первоначально она имѣла силу только въ тѣсныхъ кругахъ (родахъ, общинахъ). Расширеніе ея на все общество принадлежитъ эпохамъ зарожденія и усиленія идей государственныхъ и нравственно-религіозныхъ, подъ вліяніемъ которыхъ у насъ развивалось законодательство. Если созданіе государства, въ смыслѣ политическаго и административнаго единства русскаго народа, было основной идеей русской исторіи, то задача исторіи русскаго права высказалась въ осуществленіи идеи общаго закона, въ созданіи общаго законодательства, путемъ отрицанія старой системы партикулярныхъ законовъ и обычаевъ.

IV. Источники исторіи русскаго права.

До второй четверти прошлаго столѣтія памятники русской старины не возбуждали къ себѣ никакого вниманія въ обществѣ. Вотъ что говоритъ Татищевъ — первый нашъ дѣятель, открывшій собой рядъ ревностныхъ изыскателей и изслѣдователей русскихъ древностей: «невѣдущіе пользы изъ того (изданія Правды и Судебника) оныя древности не только складомъ и нарѣчіемъ порицаютъ, но ихъ печатать болѣе за *вредъ и поношеніе,* нежели за пользу и честь почитаютъ, говоря: когда ихъ въ судѣ употреблять не можемъ, то они останутся втуне, и что ихъ странное сложеніе и обстоятельства *поносны*» [1]). Только съ конца прошлаго столѣтія начинается у насъ болѣе плодотворная дѣятельность по открытію и изданію законодательныхъ

[1]) Продолж. Древ. Рос. Внвл. I. Предъизвѣщ. къ Р. Пр.

памятниковъ, хранившихся въ архивахъ и частныхъ библіотекахъ. Новиковъ, Шлецеръ, Болтинъ, Миллеръ и другіе дѣятели екатерининской эпохи положили своими трудами первыя основы исторической науки. Сборники ихъ доселѣ не потеряли цѣны.

Настоящему столѣтію особенно обязана наука богатымъ накопленіемъ матеріала, дотолѣ вовсе не извѣстнаго, сдѣлавшагося теперь доступнымъ для научныхъ изслѣдованій. Главными дѣятелями на поприщѣ открытія и изданія памятниковъ, въ теченіи первой четверти текущаго столѣтія, являются Московское Общество исторіи и древностей и частныя лица—Максимовичъ, Румянцовъ, Калайдовичъ и др. Дѣятельности Сперанскаго и другихъ лицъ, при главной иниціативѣ и пособіи правительства, принадлежитъ изданіе Полнаго Собранія Законовъ—почти единственнаго источника для изученія новаго русскаго законодательства. Особенно важныя открытія сдѣлала Археографическая Коммисія, учрежденная для осмотра частныхъ и монастырскихъ библіотекъ и правительственныхъ архивовъ въ разныхъ губерніяхъ и для извлеченія изъ нихъ актовъ стараго времени. Плодомъ дѣятельности этой Коммисіи было собраніе множества драгоцѣнныхъ памятниковъ, изданныхъ въ нѣсколькихъ сборникахъ.

Открытіе и изданіе памятниковъ продолжается до сихъ поръ. Слѣдуетъ въ особенности указать на труды Валуева, Тобина, Дубенскаго, Оболенскаго, Калачова, Тургенева, Елагина и другихъ изыскателей старины, съ каждымъ годомъ обогащающихъ науку открытіемъ новыхъ, доселѣ мало или вовсе неизвѣстныхъ памятниковъ русскаго законодательства.

Наука обладаетъ теперь значительнымъ запасомъ матеріаловъ, хотя нельзя сказать, чтобы наличный матеріалъ былъ вполнѣ достаточенъ для научныхъ изслѣдованій. Русская Правда и современное ей русское законодательство доселѣ не выяснены, какъ слѣдуетъ, главнымъ образомъ — по недостатку

данныхъ. Отрывочно и безсвязно законодательство періода мѣстныхъ законовъ. Многіе памятники этого времени извѣстны намъ только по однимъ названіямъ. Еще въ началѣ настоящаго столѣтія были въ цѣлости сборники судныхъ и другихъ грамотъ удѣльнаго періода [1]). Не пощадило время и памятниковъ позднѣйшихъ эпохъ. Въ слѣдствіе утраты многихъ изъ нихъ (напр. Судебника или Уложенія Василія Ивановича), московское законодательство представляется чѣмъ—то отдѣльнымъ, не совсѣмъ вяжется, ни съ законодательствомъ удѣльнаго періода, ни съ новѣйшимъ законодательствомъ. По исторіи законодательства въ прошломъ и настоящемъ столѣтіи сохранилось больше матеріаловъ, но они (кромѣ Полн. Собр. Зак.) доселѣ мало доступны для изученія, и это—одна изъ главныхъ причинъ, почему новое законодательство остается доселѣ почти безъ всякой обработки.

Нижеслѣдующій списокъ заключаетъ въ себѣ общіе сборники законодательныхъ памятниковъ, а потомъ источники, объясняющіе законодательство отдѣльныхъ эпохъ. Источники литовско-русскаго законодательства перечислены нами въ другомъ мѣстѣ.

а) Къ общимъ сборникамъ принадлежатъ:

Древняя россійская вивліоѳика *Н. Новикова.* 1773—75. Второе изданіе—1788—91.

Опыты трудовъ *вольнаго россійскаго общества* при Московскомъ университетѣ. 1774—78.

Продолженіе древней россійской вивліоѳики. 1786—1801.

---

[1]) Они погибли во время московскаго пожара въ 1812 г. См. Станиславскаго—О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи. 1853 стр. 18. Неволина—Энциклопедія законовѣд. II стр. 585.

Юридическій словарь *Лапанса*. 1788.

Юридическій словарь *Чулкова*. 1792—95.

Максимовича—Указатель россійскихъ законовъ, временныхъ учрежденій, суда и расправы. 1803—12.

Его же Уставъ в. кн. Владиміра Кіевскаго и всея Россіи, Русская Правда, Судебникъ ц. Іоанна Вас., Уложеніе ц. Ал. Мих., со сводомъ новоуказныхъ статей. 1808.

Изданія *московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ:*

Русскія достопамятности. 1815—44;

Русскій историческій сборникъ. 1837—38;

Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ (Съ 1846—до настоящаго времени);

Временникъ. 1849—57.

Гр. Румянцева—Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. 1813—27.

Сахарова—Описаніе россійскихъ грамотъ. Въ Вѣстн. Европы 1819 ч. CIII № 4; ч. CIV. № 5.

Кеппена—Списокъ русскимъ памятникамъ. М. 1822.

Калайдовича и Строева—Описаніе рукописей Гр. Толстаго. 1825.

Полеваго—Русская Библіоѳика. 1833.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

Изданія *Археографической Коммисіи:*

Акты, собранные Археорг. Экспедиціею, 1834;

Акты Историческіе, 1841—42;

Дополненія къ актамъ историческимъ, 1843—59;

Акты на иностранныхъ языкахъ, относящіеся къ Россіи, 1841—42;

Дополненія къ актамъ на иностранныхъ языкахъ, 1848—51;

Лѣтопись занятій Археографической Коммисіи.

Доброклонскаго—Указатель трактатовъ и сношеній Россіи съ 1462 по 1826 г. М. 1837.

Сборникъ *кн. Оболенскаго*. 1838—40.

Дубенскаго—Памятники древняго русскаго права. 1843.

Tobien — Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechts. Dorpat. 1844. Второе изданіе—1845.

Симбирскій сборникъ *Валуева*. М. 1845.

Кн. Оболенскаго—Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи М. 1847—48.

Antiquies Russes, editès par la Soc. des Antiquaires du nord. Kopenh. 1850—51.

Древніе акты въ родословныхъ *гр. Толстаго*. Въ Архивѣ Калачова 1860, № 3.

Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Спб. 1851—52.

Рукописи *гр. Уварова*. Спб. 1858.

Утина и Лазаревскаго—Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права. Спб. 1859.

Елагина—Матеріалы для исторіи русскаго морскаго законодательства Спб. 1859.

Уставныя, судебныя и губныя грамоты, сохранившіяся изъ древняго періода Россіи до Уложенія. Изложены и объяснены *Высоцкимъ* Спб. 1860.

Кеппена—Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи Спб. 1861.

Русскій Архивъ, издаваемый при Чертковской библіотекѣ, подъ редакціею *П. Бартенева*. М. Съ 1863 г.

Приложенія и примѣчанія къ Исторіи Государства Россійскаго *Карамзина* и къ Исторіи россійской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ *Татищева*.

Можно указать также на нѣсколько сборниковъ законовъ, касающихся отдѣльныхъ мѣстностей:

Древнія государственныя грамоты, наказныя памяти и челобитныя, собранныя въ Пермской губерніи *Берхомъ*. Спб. 1821.

Бунге — хронологическое собраніе русскихъ законовъ и учрежденій (1710—1801) для Остзейскихъ губерній. Дерптъ, 1823—26.

Его же Die Quellen des Rewaler — Stadtrechts. Dorpat. 1842—47.

Его же Liv—Esth—und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Riga. 1852—66.

Napierski—Index corporis historico - diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae, oder kurzer Auszug aus derjenigen Urkundensammlung, welche für die Geschichte und das alte Staatsrecht Liv—Esth—und Kurlands zusammengebracht worden ist. Riga u Dorpat. 1834—35.

Его же Monumenta Livoniae antiquae. Dorpat. 1835—44.

Татарскіе и турецкіе акты, найденные въ Крыму. Въ журн. Мин. Нар. Пр. 1839, мартъ.

Обозрѣніе грамотъ и актовъ, находящихся въ астраханскомъ губ. правленіи, изд. *Горегляда*. Въ Астрах. губ. вѣдом. 1845, № 3.

Краткое содержаніе законовъ, извлеченныхъ изъ царскихъ книгъ, *Донича*. Кишиневъ. 1850.

Переводъ ручной книги законовъ, или такъ назыв. шестикнижія, *Арменопуло* ib. 1850.

Александрова — Дольника и *Второва* — Древнія грамоты и другіе письменные памятники, касающіеся Воронежской губерніи и частію Азова. 1851—53.

Старинные акты, служащіе преимущественно дополненіемъ къ описанію г. Шуп; собр. *Борисовъ*, изд. Гарелинъ. 1853.

Пискарева—Древнія грамоты и акты Рязанскаго края. 1854.

Частныя и общественныя собранія старинныхъ актовъ Харьковской губерніи. Въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1855. LXXXIX. Отд. VI.

Елагина—Бѣлевская вивліоѳика. Собраніе древнихъ памятниковъ объ исторіи г. Бѣлева и бѣлевскаго уѣзда, 1858.

Мельникова—Историческіе и юридическіе акты Казанской и другихъ сосѣдственныхъ губерній. 1859.

Старинные Акты Елеазаровскаго монастыря. Въ Псков. губ. вѣд. 1860. № 10.

Прянишникова—Матеріалы для исторіи Войска Донскаго. Грамоты. 1864.

b) Источники періода Русской Правды:

Правда Русская, данная въ XI вѣкѣ отъ великихъ князей Ярослава Владиміровича и сына его Изяслава Ярославича. Изд. *Шлецера*. 1767.

Правда Русская, или законы в. кн. Ярослава Владиміровича и Владиміра Всеволодовича Мономаха, съ преложеніемъ древняго оныхъ нарѣчія и слога на употребительные нынѣ, и съ объясненіемъ словъ и названій изъ употребленія вышедшихъ. Изд. любителями отечественной исторіи (*Муссиномъ-Пушкинымъ. и Болтинымъ*). 1792. Втор. изд.—1799.

Духовная в. кн. Владиміра Всеволодовича Мономаха. (изд *Муссина-Пушкина*). 1793.

Prawda Ruska, czyli prawa wielkiego xięcia Jarosława Władymirowicza, tudzież traktaty Olga y Igora WW. XX. Kiiowskich z cezarzami greckimi y Mścisława Dawidowicza Smoleńskiego z Riga, zawarte przez *B. Rakowieckiego*. II. 1822

Antiquissima monumenta juris Slowenici, ed. *Kucharski* 1838 (P. Правда).

Tobien—Kritische Ausgabe der Prawda Russkaja. 1843.

Его же Die älteste Traktate Russlands, 1844.

Его же Die Prawda Russkaja, das älteste Rechtsbuch Russlands, nach allen bisher entdeckten und herausgegeben Handschriften verglichen, verdeutscht und erläutert. Spb. 1844.

Калачова — Текстъ Русской Правды. Спб. 1846.

с) Источники періода мѣстныхъ законовъ:

Urkundenbuch der Stadt Lübeck. 1843. Новое изданіе —1865.

Lappenberg—Corpus juris diplomaticus Lubecensis. 1843.

Ханскіе ярлыки. Въ соч. *Григорьева* — О достовѣрности ярлыковъ. 1842.

Новгородскія грамоты. Сводный текстъ грамотъ, въ дополненіяхъ къ соч. *Соловьева* — Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. 1846. стр. 128 - 154.

Мурзакевича — Псковская судная грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467 г. Одесса. 1847. Нов. изд. 1868.

Ярлыкъ хана Золотой Орды Тохтамыша къ польскому королю Ягеллу, изд. *Оболенскимъ*. 1850.

Ханскіе ярлыки, изд. *Березинымъ*. 1850—51.

Договоръ Новгорода съ нѣмецкими городами 1270 г., Новгородскія Скры и другіе памятники. Въ соч. *Андреевскаго* — О договорѣ Новгорода съ нѣм. городами и Готландомъ, Спб. 1855.

Грамота новгородскаго правительства къ рижскому. Въ Архивѣ Калачова. II. 1855.

Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и ганзейскими городами въ XII—XIV столѣтіяхъ. Найдены въ Рижскомъ архивѣ *Напіерскимъ*. Спб. 1857.

Горбунова—Льготныя и жалованныя грамоты монастырямъ и церквямъ въ XIII — XV столѣтіяхъ. Въ Архивѣ Калачова 1860—61, № 1 и 5.

d) Источники періода московскихъ законовъ:

Ordinationes a Ioanne Basilii Magni Duce anno mundi 7006 factae. Въ соч. *Герберштейна* — Rerum Moscoviticarum Commentarii. 1556. Перев. Анонимова — Герберштейнъ, Записки о Московіи. 1866.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. 1649, 1737, 59, 76 и другихъ годовъ.

Судебникъ ц. и в. кн. Іоанна Васильевича и нѣкоторые сего государя и ближнихъ его преемниковъ указы, собранные и примѣчаніями изъясненные *Татищевымъ;* издалъ *Миллеръ.* 1768. Второе изданіе — 1788.

Судебникъ ц. и в. кн. Іоанна Вас., законы изъ юстиніановыхъ книгъ, указы дополнительные къ Судебнику и таможенный уставъ ц. и в. кн. Іоанна Вас., изд. *С. Башиловымъ.* 1768.

Сводный Судебникъ М. 1774.

Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, состоящій въ 663 указахъ или статьяхъ. Изд. *В. Рубанъ.* 1777—81.

Новый памятникъ, или словарь изъ соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича, сочиненный по азбучному порядку для удобнѣйшаго пріисканія матерій въ семъ узаконеніи россійскомъ. 1804.

Двѣ уставныя и одна губная грамоты царя Іоанна Васильевича. Въ Рус. Достопамятностяхъ I. 1815.

Судебникъ или законы в. кн. Іоанна Вас. и Судебникъ ц. и вел. кн. Іоанна Вас. съ дополнительными указами, изд. *Калайдовичемъ* и *Строевымъ* М. 1819.

Григоровича—Переписка папъ съ россійскими государями въ XVI вѣкѣ. Спб. 1834.

Уставная грамота царя Іоанна Васильевича 1606. Въ Отеч. Зап. 1839. № 1.

Уголовные законы п. и в. кн. Іоанна IV Васильевича, изд. *кн. Оболенскій*. 1841.

Книга указная государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи. Въ Рус. Вѣстникѣ 1842. № 11 и 12.

Historiae Ruthenicae scriptores exteri seculi XVI, изд. *Старчевскимъ*. 1844.

Ермыкова—Сличенный текстъ губныхъ грамотъ XVI и XVII вѣковъ. Въ Чтеніяхъ въ Общ. ист. и др. 1846, № 2. Отдѣльно—1846.

Проэктъ устава о служебномъ старшинствѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, по тридцати четыремъ степенямъ, составленный при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Сообщилъ *кн. Оболенскій*. Въ Архивѣ Калачова I 1850.

Соборная грамота духовенства православной церкви, утверждающая въ санѣ царя Іоанна IV въ 1561, изд. *кн. Оболенскій*. 1850.

Акты, записанные въ крѣпостной книгѣ XVI столѣтія, сообщилъ *Лакіеръ*. Въ Архивѣ Калачова. II 1855.

Дополнительныя статьи къ Судебнику, сообщ. *Бычковъ*. Ib.

Списки царскаго Судебника. Въ Журн. Мин. Нар. Пр. XXIV. отд. III.

Зайцева—Царскія грамоты на Корочу. Въ Чтеніяхъ 1859, № 2.

Борисова—Акты, относящіеся до обычаевъ, нравовъ, обрядовъ и повѣрьевъ Шуянъ въ XVII столѣтіи. Ib. 1860 № 3.

Берха—Систематическіе списки боярамъ, окольничимъ и думнымъ дворянамъ съ 1468 г. до уничтоженія сихъ чиновъ. Спб. 1833.

e) Источники законодательства XVIII и XIX стол.:

Артикулъ воинскій, купно съ процессомъ, надлежащимъ судящимся. Спб. 1715, 1735 и др. годовъ.

Матеріалы для своднаго Уложенія 1701 г. Въ Архивѣ Калачова 1860—61 кн. 5.

Краткій процессъ приказаній 1734. Ib. № 2.

Наказъ Императрицы Екатерины II-й М. 1767, 1776 и др. годовъ.

Журналъ правовѣдѣнія на 1796 и 1797 годы (собраніе указовъ). Собралъ *Плавильщиковъ*. М. 1800—1801.

Словарь россійскихъ законовъ. М. 1802.

Собраніе высочайшихъ манифестовъ, грамотъ и указовъ (1812—16 г.), *Шипова*. 1816.

Собраніе россійскихъ законовъ о Государственномъ Совѣтѣ, Правительствующемъ Сенатѣ и Министерствахъ вообще, *Хавскаго*. Спб. 1827.

Матеріалы для исторіи русскаго законодательства, вып. I-й. Составъ Палаты объ Уложеніи 1700 г.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи.

Сборники постановленій по разнымъ министерствамъ (удѣловъ—1843; Народнаго просвѣщенія. — 1833, 1864—66; государственныхъ имуществъ—1850; внутреннихъ дѣлъ—1854—58; военнаго—1816, 1835; морскаго—1828, 30, 61—62 и пр.) и труды коммисій, высочайше учрежденныхъ по разнымъ вѣдомствамъ.

f) Источники церковнаго законодательства:

Номоканонъ, изд. *Зах. Копистенскимъ*. Кіевъ. 1624. 1629. (Москва, 1639. Львовъ, 1646).

Кормчая книга М. 1650. (Варшавское изданіе—1686).

Кормчая книга М. 1653. 1804. 1816. 1834.

Докладные пункты Св. Синода въ дополненіе къ духовному Регламенту 1722.

Уставъ Св. Владиміра о церковныхъ судахъ. Въ прибавленіяхъ къ соч. *Лепехина* — Дневныя записки 1780.

Краткія выписки изъ кормчей книги. Въ Рус. Вѣст. 1808.

Грамота в. кн. Мстислава Владиміровича Новгородскому Юрьеву монастырю около 1128 – 32. Въ Вѣст. Евр. 1818, № 20.

Памятники россійской словесности XII вѣка, изд. *Калайдовичемъ*. 1821.

Уставъ Владиміра о церковныхъ судахъ. Въ соч *Митроп. Евгенія*. – Описаніе Кіево-Софійскаго Собора.

Описаніе сборника XV столѣтія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, *Архимандрита Варлаама*. Въ учен. зап. II Отд. Имп. Акад. Наукъ т V.

Срезневскаго.—Грамота в. кн. Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю 1130. Въ извѣст. Имп. Ак. Наукъ по отд. рус. яз. и слов. VIII. 1859.

Александрова – Сборникъ церковно — гражданскихъ постановленій въ Россіи, относящихся до лицъ православнаго духовенства. Спб. 1860.

Калачова — Правила, постановленныя на Соборѣ 1551. Въ Архивѣ 1860—61, кн. 5.

Духовныя завѣщанія древнихъ архипастырей россійскихъ. Въ Духовн. Бесѣдѣ 1860, № 42.

Рукописная Кормчая книга. Въ Православ. Собесѣдн. 1860, № 6 и 7.

Памятники древней русской церковной письменности: новые списки церковнаго устава св. Владиміра (Правосл. Собес. 1861, № 8); новые списки церковнаго устава Ярослава I-го (Ib. № 9); церковно—судебное опредѣленіе Кипріана, митр. Новгородскаго (Ib. № 11); новые списки правилъ св. отецъ

о обидящихъ церкви Божія; новые списки ряда и суда церковнаго, установленнаго первыми князьями (Ib. № 12).

Стоглавъ. Въ Правос. Собес. 1862. Отдѣльно — Спб. 1863 (Изданіе Кожанчикова).

Опредѣленія московскаго собора 1553 и 1666—67. Въ Правосл. Собес. 1863. № 5, 7—12.

g) Памятники судебно — административные и такъ называемые юридическіе акты:

Миллера — Повседневныя записки. 1769. Помѣщены разрядныя книги 1632—55 г.

Разрядныя книги 7065 — 7095. Въ Древн. рос. вивліоѳ. *Н. Новикова*, XIII—XIV.

Сандунова — Правая грамота по вотчинному дѣлу, производившемуся 1559. М. 1830.

Акты юридическіе, или собраніе формъ стариннаго судопроизводства, изд. *Археогр. коммисіею*. Спб. 1838—40.

Разрядная книга 7065—7112. Въ Симб. сборникѣ *Валуева*. 1845 (здѣсь же помѣщ. до 800 юридич. актовъ стараго времени).

Дворцовые разряды Спб. 1850—55.

Бѣлевскія писцовыя книги, 1851.

Приправочныя книги уѣздовъ Рязанскаго и Московскаго. Въ Времен. 1852. XIII.

Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, изд. арх. ком., подъ редакціей *Калачова*. 1857.

Крыжановскаго — Вѣнечныя памяти и пошлины. Въ Извѣст. Археологич. Общест. 1858, т. II. Отдѣльно—Кіевъ 1858.

Переписная окладная книга Вотьской пятины. Въ Времен. 1858, XII.

Судное дѣло 1500 г., сообщ. *Калачовъ*. Въ Архивѣ Калач. 1659. кн. 1.

Писцовыя книги Ижорской земли 1859—62.

Новгородскія писцовыя книги. 1859—62.

Книги разрядныя. 1855.

При изученіи исторіи русскаго законодательства, необходимы также источники *вспомогательные*. Сюда относятся:

а) *Записки русскихъ лѣтописцевъ*. Въ настоящее время лѣтописи изданы Археографическою Коммисіею, подъ заглавіемъ: Полное собраніе русскихъ лѣтописей, I—XV Спб. 1841—63.

b) *Записки современниковъ* о разныхъ эпохахъ русской исторіи—*Михалона Литвина, Курбскаго, Котошихина, Посошкова, Голикова* и др. [1])

c) *Записки иностранцевъ*, писавшихъ о Россіи въ разное время. Сюда относятся:

α) Записки *византійскихъ историковъ* — *Маврикія, Прокопія* и др. Записки этого рода изданы въ русскомъ переводѣ: Византійскіе историки, переведенные съ греч. при Спб. духовной академіи, Спб. 1858—63. Сюда относится также изданіе *Штриттера*—Извѣстія Византійскихъ Историковъ, объясняющія россійскую исторію древнихъ временъ и переселенія народовъ 1774. См. ниже Отдѣлъ I. Источн.

---

[1]) *Михалона Литвина*—О правахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ. Въ Архивѣ Калачова 1855 кн. 2.—Сказанія *кн. Курбскаго*, изд. *Устряловымъ* 1842.—*Котошихина*—О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Спб. 1859 (послѣдн. изд.).—Сочиненія *Посошкова*: Разсужденія о политикѣ. О благоустройствѣ государственномъ. Изд. *Погодина* М. 1842,—*Голикова*—Дѣянія Петра В. 1785 и Дополненія къ нимъ. 1790 г. Сюда относятся также: Домострой *Сильвестра* (въ Правосл. Собес. 1860. № 11 и отдѣльно—Спб. 1867); записки *Нащокина*. Спб 1842; Сказаніе о князьяхъ и царяхъ земли русской, Спб. 1865; Государство русское въ половинѣ XVII стол, современная рукопись, 1860. См. также ниже сочиненія, объясняющія русское право XVIII и XIX столѣтій *Вейдемейеръ*, *Вилліамсъ*, *Берхгольцъ* и др.).

β) Записки *арабскихъ путешественниковъ*, посѣщавшихъ славянскія земли въ разныя времена, — Ибнъ — Фодлана, Масуди, Казвини, Мирконда, Якута и др. Можно указать на слѣдующіе сборники арабскихъ записокъ:

De Guignes — Notices et extraits des manuscrits de la Biblioteque du Roi, Paris. 1787. (Помѣщены извлеченія изъ арабскихъ путешественниковъ).

Frähn — Ibn-Foszlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. Spb. 1823.

D'Ohsson — Des peuples du Caucase et des pays au nord de la mer Noire et de la mer Caspiene dans le dixieme siècle, ou voyge d'Abou — el — Cassim. Paris. 1828.

M. Charmoy — Relation de Masoudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves. Въ Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg 1834, № 4.

Gildemeister — Scriptorum Arabum de rebus indicis loci et opuscula. Bonn. 1838.

Barbier de Meynard — Maçoudi. Les prairies d'or. Paris. 1841.

Defrémery — Fragments des géographes et d'historiens arabes et persans, inédits, relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie méridionale. Въ Journal asiatique. 1850. Іюль и Сент.

γ) Записки *западныхъ путетественниковъ — Олеарія, Герберштейна, Мейерберга, Флетчера, Коллинса, Гордона, Альберто Вимина, Петрея, Флетчера и др.* Записки изданы Археографическою Коммиссіею — Rerum Rossicarum scriptores exteri a collegio archeographico editi, Spb. 1856 [1]).

[1]) Сюда относятся также: Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. Спб. 1836—47. Rerum Moscoviticarum Commentarii—*Герберштейна*, 1556.—*Петрей де Ерлезундъ*—Исторія о в. княжествѣ московскомъ, сост. въ Лейпцигѣ 1620. Перев. Шемякина (въ Чтеніяхъ въ Общ. ист. и др. 1866, кн. 3). См. *Кичевскаго*—Сказанія иностранцевъ о московскомъ государствѣ. М. 1866.

d) Наконецъ къ числу важныхъ источниковъ, объясняющихъ исторію русскаго законодательства, относятся *народныя пѣсни, обычаи, повѣрья, пословицы.* Кромѣ общихъ сборниковъ Сахарова, Максимовича, Даля, Кирѣевскаго, Терещенка, есть нѣсколько сборниковъ юридическихъ обычаевъ и пословицъ:

Макарова—Древнія и новыя божбы, клятвы и присяги русскія. Въ трудахъ Общ. ист. и др. ч. IV. кн. 1.

Снегирева—Русскіе въ своихъ пословицахъ. (М. 1831—34) и Юридическія пословицы (въ Москвит. 1849).

Тарновскаго—Юридическій бытъ Малороссіи. Въ Юрид. зап. Рѣдкина. 1842. т. II.

Челяковскаго—Юридическія пословицы Славянъ. Въ его сборникѣ—Mudroslovi narodu Slovanského ve prislovich. Praha, 1852.

Этнографическіе матеріалы о Россіи. Въ географическихъ извѣстіяхъ (съ 1853 г.).

Калачова—Юридическіе обычаи крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Въ Архивѣ Калачова 1859, кн. II.

Можно находить также много свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ въ изслѣдованіяхъ *Афанасьева, Кавелина, Снегирева* и др. [1]).

V. Научная обработка и литература исторіи русскаго права.

Исторія русскаго права принадлежитъ къ числу молодыхъ наукъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что до двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія у насъ не совсѣмъ еще утратили силу воззрѣнія временъ Татищева, мало благопріятныя развитію исторической науки. Даже въ сороковыхъ годахъ

[1]) См. ниже изслѣдованія періода обычнаго права русскихъ Славянъ.

одинъ изъ нашихъ историковъ высказывалъ весьма печальное сознаніе безсилія нашего въ наукѣ: „въ дѣлѣ исторіи мы еще дѣти,—въ насъ историческій смыслъ слабъ и далеко не развитъ.“ [1]) Тѣмъ болѣе въ прошломъ столѣтіи, при скудости научнаго матеріала и при реформаторскомъ настроеніи современнаго общества, было весьма естественнымъ явленіемъ отсутствіе всякихъ взглядовъ на исторію. Татищевъ, Шлецеръ, Болтинъ, Миллеръ и другіе дѣятели прошлаго вѣка, обратившіеся къ изученію памятниковъ русской старины, ограничивали свою дѣятельность, по большей части, однимъ изданіемъ и истолкованіемъ памятниковъ, мало или вовсе не вникая во внутренній смыслъ явленій.

Начало систематической разработки исторіи русскаго права можно видѣть въ извѣстномъ трудѣ Эверса—Das älteste Recht der Russen (1826), обнимающемъ исторію русскаго права въ періодъ Русской Правды. Знакомый съ современнымъ состояніемъ историко-юридическихъ наукъ въ западной Европѣ, Эверсъ старался примѣнить добытые ими результаты къ исторіи русскаго права, выяснить общую идею, лежавшую въ основѣ юридическаго быта нашихъ предковъ (такую идею Эверсъ и нашелъ въ идеѣ родоваго быта). Въ настоящее время трудъ Эверса важенъ, какъ первая попытка дать историко-юридическимъ изслѣдованіямъ строго-научный характеръ, — попытка объясненія русской жизни началами, выработанными наукою и жизнію западно-европейскихъ народовъ. Послѣ Эверса постепенно расширялся кругъ историческаго вѣдѣнія въ области русскаго законодательства. Открыто много новыхъ памятниковъ,— явилась возможность болѣе глубокаго и самостоятельнаго изученія русскаго юридическаго быта, безъ предвзятыхъ воззрѣній и началъ. Образовалась значительная историко-

[1]) Соч. Кавелина, II стр. 31.

юридическая литература, со многими капитальными изслѣдованіями. Изученіе деталей, разъясненіе отдѣльныхъ вопросовъ науки, занимало и доселѣ занимаетъ главное вниманіе нашихъ историковъ — юристовъ. Четыре десятилѣтія, истекшія со времени Эверса, не даромъ прошли для науки: основные ея вопросы болѣе или менѣе выяснены; подлѣ вопросовъ, почти или вполнѣ порѣшенныхъ наукою, стоятъ на очереди новые. Глубже и разностороннѣе изслѣдываются основные законы развитія юридическаго быта нашихъ предковъ. Но, разумѣется, наука не можетъ явиться вдругъ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Мы укажемъ на главныя, характеристическія явленія нашей историко-юридической литературы, — явленія, въ которыхъ можно видѣть постепенность развитія науки исторіи русскаго права.

а) Первые изслѣдователи русской старины завѣщали намъ *методъ изслѣдованія* историческихъ явленій, путемъ объясненія ихъ посторонними, чуждыми началами. Зародыши такого метода встрѣчаемъ еще въ прошломъ столѣтіи, въ тѣхъ немногихъ историческихъ работахъ, которыя оставили послѣ себя Струбе, Шлецеръ, Миллеръ и другіе ученые нѣмцы, явившіеся первыми нашими историками. Они положили начало *нѣмецкому направленію* въ русской исторіи. Съ нѣмецкой же точки зрѣнія они первые начали объяснять русскій юридическій бытъ, считая нѣмецкое право главнымъ источникомъ древне-русскаго. Полное развитіе такого направленія въ наукѣ принадлежитъ настоящему столѣтію. Главными его представителями были Эверсъ, Рейцъ, Нейманнъ и другіе профессора Дерптскаго университета, объяснявшіе русское право элементами германской жизни. Тотъ же методъ, какъ извѣстно, руководилъ трудами и русскихъ историковъ и археологовъ—Карамзина, Погодина, Каченовскаго и др. Нѣкоторые, какъ напр. Погодинъ, доходили до самыхъ крайнихъ выводовъ, — не было такихъ отношеній

древне-русской жизни, въ которыхъ бы не видѣли вліянія или просто заимствованія у нѣмцевъ. Не всѣ впрочемъ увлекались нѣмцами; были послѣдователи другихъ вліяній, напр. византійскихъ (Діевъ, Розенкампфъ). „Замѣтитъ ли изслѣдователь какое нибудь сходство между нашимъ обычаемъ и еврейскимъ, онъ смѣло и не обинуясь говоритъ, что обычай этотъ заимствованъ отъ евреевъ; съ греческимъ или римскимъ — отъ грековъ или римлянъ; съ персидскимъ, индійскимъ — отъ персовъ, индусовъ. Нѣтъ исторической невозможности, очевидной нелѣпости, чрезъ которую храбро не перепрыгивали археологи, только чтобъ вывести нашъ древній бытъ за тридевять земель изъ тридесятаго государства“ [1]). Долгое господство у насъ подобнаго метода изслѣдованій, какъ справедливо замѣчаетъ Кавелинъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что первые изслѣдователи русской исторіи были иностранцы, главнымъ образомъ — нѣмцы [2]). Ближе знакомые съ нѣмецкимъ правомъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ придали огромное значеніе германскому элементу, замѣтному въ первоначальной нашей исторіи, —„гдѣ оба элемента (германскій и славянскій) были только сходны, почти тождественны, тамъ увидѣли заимствованіе.“ Самая немногочисленность матеріаловъ, какими первоначально располагала наука, во многомъ способствовала распространенію ложнаго метода: немногія данныя можно было подводить подъ какія угодно воззрѣнія и системы. Нельзя сказать, чтобы теперь нѣмецкое направленіе совершенно исчезло въ наукѣ. Если перестали говорить о заимствованіяхъ русскихъ отъ нѣмцевъ

[1]) Соч. Кавелина, IV стр. 43.

[2]) Противъ господства нѣмцовъ въ наукѣ высказывался уже въ 20-хъ годахъ Раковецкій. Это видно изъ слѣд. мѣста: „Historya dawnych Słowian dopóty nie będzie dostatecznie wyjaśnioną, dopókąd *sami Słowianie*, podobnie jak inne narody, nie poswiecą się badaniom historycznym“. Предъ тѣмъ Раковецкій говоритъ о нѣмцахъ, обрабатывавшихъ исторію Славянъ. См. Prawda Ruska. I стр. 234.

или другихъ народовъ, то старое направленіе и доселѣ еще высказывается въ манерѣ изслѣдователей обращаться за объясненіями прежде всего къ нѣмцамъ. Тѣмъ не менѣе старая рутина болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто раціональнымъ методамъ изслѣдованій. Мысль о заимствованіяхъ чуждыхъ учрежденій однимъ народомъ у другихъ признана ложной,—выясняется идея органическаго развитія народной жизни, изъ собственныхъ творческихъ силъ и элементовъ, безъ постороннихъ, чуждыхъ вліяній и наносовъ.

Но это направленіе оставило послѣ себя одинъ, какъ намъ кажется, плодотворный результатъ, именно мысль о *сравнительно—историческомъ методѣ* изученія явленій народной жизни. Въ то время, какъ стала выясняться несостоятельность пріемовъ старой нѣмецкой школы, и большинство изслѣдователей, не довѣряя вмѣстѣ съ тѣмъ всякимъ сравненіямъ, обратилось къ объясненію историческихъ явленій *изъ нихъ же самыхъ* (Фогель, Калачовъ, Ланге и др.) [1]), немногіе историки продолжали пользоваться сравнительнымъ методомъ нѣмцевъ. Они обратились къ изученію другихъ законодательствъ, и въ томъ числѣ—славянскихъ, пришли къ убѣжденію о необходимости изучать древнее русское законодательство, главнымъ образомъ—путемъ сравненія его съ другими славянскими законодательствами. Мысль такая отчасти высказывается уже Раковецкимъ. Защищая чисто туземное, или, лучше сказать, славянское происхож-

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ (См. Русская Правда и Литовскій Статутъ) мы имѣли случай показать, что методъ объясненія старыхъ нашихъ памятниковъ изъ нихъ же самыхъ не всегда можетъ приводить къ прочнымъ результатамъ. Въ этомъ случаѣ изслѣдователей, напримѣръ Ланге, можно упрекнуть въ такой же крайности, въ какую впадали послѣдователи нѣмецкаго направленія. Послѣдніе видѣли въ древнемъ русскомъ правѣ одни заимствованія у нѣмцевъ; первые отгородились китайской стѣной, не хотятъ знать, что русскіе—вмѣстѣ и славяне, жившіе долго по общимъ славянскимъ порядкамъ,—что не мѣшало бы въ темныхъ вопросахъ древне—русскаго права обращаться за объясненіемъ къ другимъ славянскимъ законодательствамъ, сходнымъ съ древне—русскимъ.

деніе Русской Правды, раскрывая сходство многихъ институтовъ ея съ соотвѣтственными институтами западно-славянскихъ законодательствъ [1]), Раковецкій этимъ самымъ ясно указывалъ вообще на необходимость сравнительнаго изученія послѣднихъ. Этотъ же самый методъ, въ 30-хъ годахъ, принятъ за основу изслѣдованій Мацѣіовскимъ (Исторія славянскихъ законодательствъ) и Губе (Наслѣдственное право у Славянъ). Имъ принадлежатъ первые опыты сравнительно—историческаго изученія славянскихъ законодательствъ. Съ конца тридцатыхъ годовъ таже мысль начинаетъ высказываться въ русской литературѣ. Морошкинъ и Иванишевъ—первые наши историки—юристы, сознавшіе важность сравнительнаго изученія русскаго

---

[1]) Сторонники нѣмецкаго направленія не могутъ согласиться, что отдѣльныя системы права, развитыя восточными и западными Славянами,—такія же вѣтви одного корня, какъ и языки сербскій, болгарскій, чешскій и пр. (Погодина Изслѣд. III. стр. 358). Погодинъ отдѣлывается, назвавъ мысль о сходствѣ Славянскихъ законодательствъ общимъ мѣстомъ. „Охотники спорить, искать не истины, а предлога къ несогласію, могутъ сдѣлать слѣдующее частное возраженіе, составленное изъ легкихъ *общихъ мѣстъ*: такое-то постановленіе (напр. месть) принадлежитъ всѣмъ народамъ,—такое—то имя (напр. князь) есть чисто славянское,—слѣд. норманскими ихъ назвать нельзя“ (Ib. стр. 417). Дѣло въ томъ, что такихъ общихъ мѣстъ наберется слишкомъ много;—общее мѣсто, въ глазахъ всякаго безпристрастнаго изслѣдователя, обратится въ строго—научную систему, методъ. Нѣкоторые изъ юристовъ, напр. Бѣляевъ, не признаютъ самой мысли о сходствѣ быта Славянъ восточныхъ и западныхъ и потому отвергаютъ необходимость сравнительнаго метода изслѣдованій. Бѣляевъ говоритъ, что между Славянами восточными и западными (въ историческое время) осталось общимъ *только* то, что они принесли изъ первобытной родины, т. е. основныя формы языка и очень немногія религіозныя вѣрованія, прочее они пріобрѣли независимо другъ отъ друга. Почему „образъ жизни и обычаи Славянъ русскихъ вообще *нельзя объяснять* образомъ жизни и обычаями ихъ западныхъ собратій“. (См. Бѣляева Рус. земля предъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ. Въ Времен. 1850, кн. 8. стр. 59). Позднѣйшія открытія и изслѣдованія Ирѣчька, Дудика, Палацкаго и другихъ ясно говорятъ, что *общее* у Славянъ не ограничивалось однимъ языкомъ и религіей, но охватывало чуть ли не весь кругъ юридическихъ воззрѣній и учрежденій Славянъ. Вновь открываемые памятники болѣе и болѣе подтверждаютъ мысль о сходствѣ законодательства восточныхъ и западныхъ Славянъ.

законодательства вмѣстѣ съ другими славянскими. Морошкинъ, въ примѣчаніяхъ своихъ къ Опыту россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ Рейца (стр. 414), затрогиваетъ мимоходомъ вопросъ о сходствѣ русскаго и чешскаго права. „Нигдѣ, мнѣ кажется, нельзя такъ много почерпать къ объясненію русскаго законодательства, какъ въ исторіи богемскихъ правъ: развиваясь паралелльно съ русскимъ, они попадаютъ въ однѣ и тѣ же формы развитія, въ одну и ту же терминологію". Морошкинъ не обобщаетъ подмѣченнаго имъ явленія, не касается вопроса о сравнительномъ изученіи вообще всѣхъ славянскихъ законодательствъ. Развитіе этой мысли принадлежитъ Иванишеву. По его мнѣнію „для древняго россійскаго законодательства изслѣдованіе славянскихъ законодательствъ не только важно по тому, что можетъ прояснить наши законодательные памятники, но и потому, что оно даетъ намъ возможность рѣшить вопросъ: считать ли намъ древніе памятники россійскаго законодательства произведеніями, заимствованными у германцевъ, или чисто славянскими?" [1]) Изслѣдуя за тѣмъ по принятому методу спеціальный вопросъ по исторіи уголовнаго права (о платѣ за убійство) у славянъ и германцевъ, по немногимъ, извѣстнымъ въ то время, славянскимъ памятникамъ [2]), Иванишевъ пришелъ къ полному убѣжденію во внутреннемъ сродствѣ институтовъ во всѣхъ славянскихъ зако-

---

[1]) См. изслѣдованіе о платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, въ сравненіи съ германскою вирою. Кіевъ. 1840. Предисловіе.

[2]) Напр., по сербскому праву Иванишевъ имѣлъ подъ рукою только Душановъ Законникъ, по старымъ, неполнымъ спискамъ; нѣсколько данныхъ извлечено изъ сборника сербскихъ пѣсенъ Караджича (Народне србске пѣсме. У Липисцы. 1823). Авторъ не могъ воспользоваться памятниками, изданными въ позднѣйшее время Шафарикомъ, Палацкимъ, Миклошичемъ, Кукулевичемъ и др. Открытые ими драгоцѣнные памятники славянской старины вполнѣ подтверждаютъ мысль о сродствѣ всѣхъ славянскихъ законодательствъ и о необходимости сравнительнаго изученія ихъ.

нодательствахъ, въ самомъ существѣ своемъ отличныхъ отъ соотвѣтственныхъ институтовъ германскаго права. [1]) Не смотря впрочемъ на отдѣльные голоса, раздавшіеся въ нашей литературѣ въ пользу сравнительно—историческаго изученія русскаго законодательства, параллельно со всѣми славянскими, этотъ методъ до послѣдняго времени мало находилъ у насъ послѣдователей. Большинство историковъ искало объясненій у нѣмцевъ, мало обращая вниманія на славянскіе памятники, съ ихъ неистощимымъ запасомъ данныхъ, драгоцѣнныхъ для объясненія русскаго юридическаго быта и самыхъ памятниковъ русскаго законодательства. Славянофилы до нѣкоторой степени оказали услугу возбужденіемъ славянскаго вопроса, а съ нимъ и вопроса о значеніи славянскихъ законодательствъ въ отношеніи къ древнерусскому. Извѣстны труды по русской исторіи Аксакова, Кирѣевскаго и др. Аксаковъ, своимъ изслѣдованіемъ о древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и русскихъ въ особенности [2]), блистательно доказалъ всю состоятельность и необходимость сравнительнаго изученія славянскихъ законодательствъ. Теперь едва ли нужно доказывать ту мысль, что помимо этого метода нѣтъ и не можетъ быть иного пути для объясненія юридическаго быта нашихъ предковъ. Труды Ирѣчька, Шафарика, Палацкаго, Кукулевича, Мацѣіовскаго, Бандтке, Лелевеля и другихъ изыскателей славянской старины указываютъ на полную возможность сравнительнаго изученія славянскихъ законодательствъ.

Методъ сравнительнаго изученія памятниковъ мы считаемъ, такимъ образомъ, наиболѣе цѣлесообразнымъ въ примѣ-

[1]) Можно указать и на другія работы Иванишева, предпринятыя имъ подъ вліяніемъ мысли о сходствѣ славянскихъ законодательствъ. Сюда принадлежатъ въ особенности два изслѣдованія по чешскому праву: о древнемъ правѣ чеховъ (въ жур. Мин. Нар, Пр. 1841, № 6) и объ идеѣ личности въ древнихъ правахъ богемскомъ и скандинавскомъ (Ib. 1842, № 10).

[2]) Московскій Сборникъ 1852 № 1.

неніи къ исторіи русскаго права. Нечего говорить здѣсь о заимствованіяхъ. Сходныя учрежденія Чеховъ, Сербовъ, Русскихъ и другихъ славянскихъ народовъ одинаково коренятся въ изстаринныхъ порядкахъ общеплеменной жизни Славянъ. Позднѣйшія историческія эпохи дробной политической жизни Славянъ, вмѣстѣ съ новыми явленіями, самостоятельно развивавшимися у отдѣльныхъ племенъ, долго удерживали общеплеменные порядки и учрежденія, измѣнявшія формы развитія, при одинаковой ихъ сущности, коренныхъ началъ и основаній. Дѣло науки — подмѣчать сходныя явленія, анализировать и выяснять темные вопросы исторической жизни русскихъ и другихъ славянскихъ народовъ.

При этомъ мы нисколько не отрицаемъ важности изученія отечественнаго права, параллельно съ правомъ другихъ народовъ не славянскаго происхожденія. Есть много явленій юридической жизни, одинаково встрѣчающихся въ исторіи всѣхъ народовъ,—явленій, отличающихся общечеловѣческимъ характеромъ, составляющихъ не исключительное достояніе одного какого нибудь народа, но коренящихся вообще въ человѣческой природѣ. Сравнительный методъ изслѣдованія въ этомъ случаѣ составляетъ могущественное средство достигнуть прочныхъ результатовъ въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія быта каждаго народа въ отдѣльности. Ошибка нѣмецкой школы состояла не въ томъ, что она слѣдовала сравнительному методу, но въ томъ, что не замѣчала общечеловѣческой природы юридическихъ явленій и потому ошибочно объясняла сходство юридическихъ установленій у разныхъ народовъ заимствованіемъ ихъ другъ у друга. Славянисты правы въ томъ отношеніи, что, имѣя предъ собою племенное единство Славянъ, какъ главную посылку общаго историческаго сходства и тождественности ихъ быта, они естественно приходили къ мысли необходимости сравнительно-историческаго изученія сла-

вянскихъ законодательствъ, не отвергая при этомъ всей пользы сравненія ихъ также съ чужеземными законодательствами, но только безъ всякихъ помысловъ о какихъ бы то ни было внѣшнихъ наносахъ и заимствованіяхъ.

b) Литература наша представляетъ въ настоящее время весьма много историко-юридическихъ изслѣдованій, но они не въ одинаковой мѣрѣ обнимаютъ отдѣльные вопросы науки. Наиболѣе разработанной нужно считать древнюю исторію; напротивъ того, почти вовсе нѣтъ изслѣдованій по исторіи права въ новѣйшее время. Есть цѣлые отдѣлы науки, остающіеся и доселѣ почти безъ всякой разработки. Встрѣчаемъ, напримѣръ, въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ кое-какія свѣдѣнія о древнихъ юридическихъ обычаяхъ нашихъ предковъ; но трудно опредѣлить со всею точностію и подробностію значеніе обычнаго права въ періоды появленія и развитія власти князей, когда на ряду съ обычаями возникаютъ другіе источники права.

Изъ прежнихъ юристовъ, интересовавшихся вопросомъ о юридическихъ обычаяхъ, можно указать почти только на Снегирева и отчасти Морошкина. Новѣйшіе дѣятели не всегда обращаютъ должное вниманіе на этотъ очень важный вопросъ русской старины, ограничиваютъ свои изслѣдованія, по большей части, законодательными памятниками, мало касаются исторіи обычнаго права, игравшаго у насъ въ прежнее время весьма важную роль и доселѣ удерживающагося въ жизни или сохранившагося въ разныхъ памятникахъ письменности. Вмѣстѣ съ стремленіемъ къ собиранію и изданію памятниковъ обычнаго права, нѣкоторые изъ новѣйшихъ дѣятелей стараются также по возможности объяснить старую систему обычнаго права русскихъ. Таковы въ особенности труды Кавелина [1]) — почти

[1]) Изслѣдованія его по обычному праву занимаютъ почти четверть его сочиненій, См. т. IV, стр. 3—248.

единственнаго историка, сколько нибудь уяснившаго вопросъ о русскихъ обычаяхъ вообще и юридическихъ въ особенности. Другіе (Соловьевъ, Бѣляевъ и др.) только затрогиваютъ внутренній бытъ русскаго народа по обычному праву, мало касаясь внѣшней исторіи послѣдняго. Вопросъ объ обычномъ правѣ русскихъ Славянъ доселѣ стоитъ на точкѣ воззрѣній Снегирева и Кавелина. Они положили начало научной разработкѣ этого вопроса. Кавелинъ въ особенности показалъ примѣръ критическаго изученія матеріаловъ, касающихся народныхъ обычаевъ, съ указаніемъ на историческое ихъ значеніе. Но все это мало выясняетъ дѣло: какъ развивалось у насъ обычное право, въ какихъ формахъ, при какихъ условіяхъ и вліяніяхъ; чѣмъ отличалось оно въ періодѣ исключительнаго своего господства (до князей), какова дальнѣйшая его судьба, — все это вопросы, весьма темные, почти вовсе не затронутые наукою, — неисчерпаемый матеріалъ для изслѣдованій.

Можно сказать безъ преувеличенія, что лучшія силы дѣятелей нашихъ потрачены на объясненіе Русской Правды и современнаго ей русскаго юридическаго быта. Надъ этимъ вопросомъ трудились еще въ прошломъ столѣтіи Шлецеръ, Болтинъ и др. Новое время вызвало болѣе сложные и усиленные труды Эверса, Рейца, Каченовскаго, Погодина, Карамзина. Особенно замѣчательны труды Неймана, Тобина, Калачова и Ланге. Впрочемъ, не смотря на массу потраченныхъ изслѣдованій, Правда доселѣ остается загадкой для историковъ. Нужно ли считать Правду частнымъ сборникомъ, или произведеніемъ офиціальнымъ; когда, при какихъ условіяхъ явилась, изъ какихъ источниковъ сложилась: по всѣмъ этимъ и множеству другихъ вопросовъ высказаны самыя разнообразныя мнѣнія, но ни одного изъ нихъ нельзя считать окончательно доказаннымъ.

Точно также періодъ мѣстныхъ законовъ не совсѣмъ объясненъ наукою. При отрывочности и недостаткѣ многихъ памятниковъ, какъ видно, навсегда потерянныхъ для науки, едва есть возможность уловить основную идею современнаго законодательства. Изслѣдованы далеко не всѣ памятники этой эпохи. Наиболѣе посчастливилось Новгородской (Пановъ) и Псковской (Энгельманъ, Устряловъ и др.) суднымъ грамотамъ, также грамотамъ договорнымъ (Соловьевъ, Андреевскій). Затронуты нѣкоторые вопросы внутренняго быта того времени. Но нѣтъ ни одного изслѣдованія, въ которомъ было бы сколько нибудь выяснено общее направленіе современнаго законодательства. Самая мысль о господствѣ въ это время системы мѣстныхъ законовъ, если не можетъ считаться новой, то все таки требуетъ подтвержденія, доказательствъ, — такъ мало еще обработано современное законодательство въ цѣломъ его объемѣ.

Къ лучшимъ изслѣдованіямъ московскаго законодательства (XVI и XVII стол.) принадлежатъ изслѣдованія Калачова, Есиповича, Морошкина, Забѣлина. Трудъ Строева значительно устарѣлъ, а Линовскій (какъ доказалъ Неволинъ) только компилируетъ Калачова. При томъ, всѣ изслѣдованія обнимаютъ современное законодательство, почти безъ всякой связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ, — ограничиваются немногими памятниками, большею частію — Судебниками и Уложеніемъ, мало объясняя общій характеръ законодательства цѣлой эпохи.

Еще обѣднѣе литература русскаго права XVIII и XIX-го столѣтій. Здѣсь почти ничего не сдѣлано изслѣдователями. Если и можно указать на нѣсколько сочиненій, разсматривающихъ отдѣльные вопросы по внутренней исторіи (Гагемейстеръ, Лешковъ, Никольскій, Градовскій и др.), то исторія самыхъ памятниковъ остается весьма мало разработанной.

Въ другомъ мѣстѣ мы указали на одинъ изъ важныхъ недостатковъ нашей историко—юридической литературы, оставлявшей безъ всякой разработки памятники литовско-русскіе [1]). Какъ источники, объясняющіе въ значительной степени древне-русское право, и какъ памятники законодательства, въ старое время дѣйствовавшаго въ значительной части русскаго государства, Литовскіе Статуты и другіе памятники литовско-русскаго права необходимо должны входить въ курсъ исторіи русскаго права.

Нельзя наконецъ не указать на недостатокъ у насъ такихъ изслѣдованій, которыя обнимали бы исторію русскаго права въ цѣломъ объемѣ. Извѣстныя сочиненія Эверса и Рейца устарѣли, а обозрѣнія Неволина и Рождественскаго пригодны лишь для первоначальнаго знакомства съ предметомъ. Только извѣстныя сочиненія Неволина (исторія рос. гражд. зак.) и Мацѣіовскаго (исторія славян. зак.) представляютъ единственный опытъ, первое — обстоятельнаго и подробнаго изложенія исторіи цѣлой отрасли русскаго права (гражданскаго), въ непрерывномъ его развитіи до новѣйшихъ временъ, второе—сравнительнаго изученія исторіи русскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ.

c) Вмѣстѣ съ научной разработкой законодательныхъ памятниковъ (что составляетъ предметъ внѣшней исторіи), историко—юридическая литература наша представляетъ рядъ изслѣдованій, касающихся главнѣйшихъ вопросовъ внутрен-

[1]) Причину этого нужно искать въ невѣрномъ воззрѣніи историковъ на связь литовскаго права съ польскимъ и русскимъ. Для примѣра укажемъ хоть на извѣстнаго нашего юриста Спасовича. Въ диссертаціи своей объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу, по древнему польскому праву (1857), онъ высказалъ крайне невѣрное воззрѣніе о „внутреннемъ, семейномъ сродствѣ“ польскаго и литовскаго права. Спасовичъ считаетъ Литовскіе Статуты не больше, какъ „сколками„ съ польскихъ. Нѣкоторые прямо говорятъ, что „Литовскій Статутъ былъ смертнымъ приговоромъ для національной самобытности Литовской Руси“ См. Эркерта—Взглядъ на исторію западной Россіи. Спб. 1864.

ней исторіи русскаго права, постепенно выяснившихъ всѣ существенныя черты историческаго развитія юридическаго быта русскаго народа. Эверсу принадлежитъ заслуга возбужденія вопроса о древнѣйшемъ бытѣ русскихъ Славянъ. Развитая имъ теорія *родоваго быта* нашла многихъ послѣдователей между нашими историками и юристами (Кавелинъ, Калачовъ, Соловьевъ и др.) и доселѣ еще не утратила своего значенія въ нашей историко—юридической литературѣ. Между тѣмъ, ближайшее знакомство ученыхъ съ древней русской жизнью раскрыло недостаточность воззрѣній Эверса и его послѣдователей, дало возможность выяснить древне—русскую жизнь въ иномъ свѣтѣ. Новое направленіе въ наукѣ впервые разработано Бѣляевымъ и Аксаковымъ, формулировавшими теорію *общиннаго быта* русскихъ Славянъ. Не смотря на нѣкоторую односторонность и увлеченія ея послѣдователей, она болѣе и болѣе упрочивается въ наукѣ; ей мы обязаны раскрытіемъ и уясненіемъ многихъ весьма существенныхъ вопросовъ, въ особенности по древнѣйшей исторіи русскаго права.—Можно также указать на болѣе или менѣе удачныя попытки объясненія внутреннихъ направленій русскаго права въ послѣдующія историческія эпохи. Теорія *вотчинныхъ началъ*, развитая нѣкоторыми изъ нашихъ историковъ (Кавелинъ, Чичеринъ и др.) по вопросу о направленіи русскаго права въ теченіи княжескаго періода (до XVI столѣтія), при малой теоретической состоятельности основныхъ ея выводовъ и положеній, способствовала однакожъ до значительной степени разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ по исторіи русскаго права въ указанный періодъ, вызвала болѣе строгое изученіе историческихъ явленій и такимъ образомъ оказала вообще значительную услугу наукѣ исторіи русскаго права. Наконецъ въ послѣднее время выяснились въ нашей литературѣ въ особенности два главныя воззрѣнія—о *государственной централизаціи* и *федеративномъ*

государствъ, какъ объ основныхъ началахъ, опредѣлившихъ весь государственный и юридическій бытъ русскаго народа допетровскаго періода. Въ своемъ мѣстѣ мы подробнѣе разсмотримъ всѣ эти теоріи и воззрѣнія. Теперь только замѣтимъ, что каждая теорія имѣетъ свои недостатки, болѣе или менѣе односторонне относится къ предмету; но тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ такъ или иначе способствовала дѣлу уясненія послѣдовательнаго историческаго развитія юридическаго быта русскаго народа. Дѣло въ томъ, что въ дѣйствительности народная жизнь представляла въ различныя историческія эпохи комбинацію самыхъ разнообразныхъ началъ и направленій. Дѣло науки—выяснить эти начала и комбинаціи путемъ строгаго изученія и анализа фактовъ дѣйствительной жизни, безъ предвзятыхъ воззрѣній и односторонняго увлеченія теоретическими построеніями, являющимися по большей части главнымъ тормозомъ въ дѣлѣ правильнаго развитія науки.

Въ заключеніе мы перечислимъ главнѣйшія сочиненія по исторіи русскаго права вообще. Сочиненія по исторіи права въ разные періоды, какъ и по отдѣльнымъ вопросамъ внутренней исторіи, будутъ указаны въ другихъ частяхъ нашего курса.

Strube de Pyermont—Discours sur l'origine et les changements des lois Russiennes. SpB. 1756. Русскій переводъ *Нарышкина* — Слово о началѣ и перемѣнахъ россійскихъ законовъ. 1756. Нѣмецкій переводъ—въ Allgem. Magazin. Leipz. 1757. *Шлецеръ* помѣстилъ извлеченія изъ рѣчи Струбе въ Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Russland.-I Thl. Riga. 1769 и на русскомъ языкѣ: о происхожденіи и разныхъ пе-

ремѣнахъ россійскихъ законовъ, въ Спбург. Вѣстникѣ 1780. Сент. и Окт.

Артемьева—Краткое начертаніе римскихъ и русскихъ правъ, съ показаніемъ купно обоихъ, равномѣрно какъ и чиноположенія оныхъ исторій. М. 1777.

Введеніе къ Указателю россійскихъ законовъ *Максимовича*. 1803.

Введенія къ руководствамъ *Горюшкина*, *Терлагча* и *Кукольника* [1]).

Успенскаго—Опытъ повѣствованія о древностяхъ россійскихъ. Харьковъ. 1813.

— » — Разсужденіе о древности и достоинствѣ россійскихъ законовъ. Ib. 1814.

Львова—Примѣчаніе о древнихъ русскихъ законахъ. Въ Сынѣ От. 1814. № 33 и 46.

Хапылева—О началѣ закона и о преобразованіи онымъ россійскаго государства. Спб. 1817.

Введеніе къ Законамъ в. кн. Іоанна Вас., изд. *Калайдовичемъ* и *Строевымъ*. 1819.

Смирнова—Легчайшій способъ къ познанію россійскихъ законовъ. М. 1821.

Васильева—Историческое обозрѣніе древняго россійскаго законодательства. Въ Вѣст. Евр. 1822. № 7.

— » — Разсужденіе о законахъ государства россійскаго, изданныхъ отъ основанія онаго до нынѣшнихъ временъ, съ показаніемъ причинъ періодической оныхъ законовъ перемѣны и постепенной образованности, въ какой они нынѣ. М. 1823.

---

[1]) *Горюшкина*—Руководство къ познанію россійскаго законоискуства. М 1811.—*Терлагча*—Опытъ начертанія гражданскаго права. М. 1813.—*Кукольника*—Начальныя основанія рос. гражданскаго частнаго права. М. 1813.

— » — Рѣчь о духѣ законовъ, нынѣ существующихъ въ Россіи. М. 1824.

— » — Новѣйшее руководство къ познанію россійскихъ законовъ. М. 1826.

Михаловскаго — Рѣчь о началѣ и происхожденіи россійскаго законодательства. Харьк. 1823.

Историческое обозрѣніе русскаго законодательства. *(Митр. Евген.)*. Спб. 1824. Помѣщ. также въ Сѣвер. Архивѣ 1826, ч. XIX, № 4; ч. XX, № 5 и 7.

Ewers—Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwickelung. Dorpat u Hamburg. 1826. Переводъ *Платонова* — Древнее русское право въ историческомъ его раскрытіи Спб. 1835. Рецензія *Погодина* — въ Моск. Вѣстн. 1827. № 1 и 2.

— » — Studien zur gründlichen Kenntnisz der Vorzeit Russlands. 1830.

— » — Geschichte der Russen. Dorp. 1815. Въ прибавл. —обзоръ исторіи русскаго права.

— » — Kritische Vorarbeitung zur Geschichte der Russen. Dorp. 1814. Переводъ *Погодина*—Предварительныя критическія изслѣдованія для русской исторіи М. 1826.

Reutz — Versuch über die geschichtliche Ausbildung der Russischen Staats—u—Rechtsverfassung. Mittau. 1829. Переводъ *Морошкина* — Опытъ исторіи рос. государственныхъ и гражданскихъ законовъ. М. 1836.

Коровецкаго —Историческое обозрѣніе россійскаго гражданскаго и уголовнаго права. Въ Сынѣ Отеч. и Сѣв. Арх. 1829. № XLVIII.

Bunge—Versuch einer Geschichte der Studiums und der Literatur des Russischen Rechts überhaupt. Въ Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft u Gesetzgebung des Auslandes. I—II Thl. 1830.

— » — Die Gesetze des Russischen Reichs. 1833.

Дегая—Пособія и правила изученія рос. законовъ, или матеріалы къ энциклопедіи, методологіи и исторіи литературы рос. права М. 1831.

Морошкина — О постепенномъ образованіи законодательствъ. М. 1832.

— » — Объ ученыхъ трудахъ по части исторіи русскаго законодательства. Въ Учен. зап. Моск. унив. 1835. Окт.

Смирнова—Рѣчь о началѣ и происхожденіи рос. законовъ, ихъ духѣ и постепенномъ усовершенствованіи М. 1832.

Maciejowskiego — Historya prawodawstw słowiańskich. Warsz. 1832—35. Новое изданіе—1856—65. Русскій переводъ—въ Телескопѣ 1835, № 3 и 4; въ Чтен. въ общ. ист. и древн. 1858 и 60.

— » — Pamiętniki o dziejach, pismienictwie i prawodawstwie Słowian. Warsz. 1839.

Благовѣщенскаго—Исторія и методъ законовѣдѣнія въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Въ жур. Мин. Нар. Пр. 1835. № 6 и 7.

Tobien — Nonnulla de vi, quam jus Romanorum in jus Rossicum temporibus antiquissimis habuerit. Dorpat. 1838.

— » — Введеніе въ исторію русскаго права. Въ жур. Мин. Нар. Пр. 1845. № 10.

Неволина — Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства. Въ II томѣ Энцикл. законовѣдѣнія. 1840.

— » — Полное собраніе сочиненій. Спб. 1857—59.

Соловьева — О развитіи русской жизни въ отношеніи къ законодательству. Одесса. 1841.

Врангеля — Обзоръ исторіи русскаго законодательства. Въ Сынѣ Отеч. 1841. III.

Снегирева—Обозрѣніе юридическаго быта въ продолженіе древняго и средняго періода русской жизни. Въ Юрид. Зап. Рѣдкина II 1842.

Сперанскаго—Руководство къ познанію законовъ. Спб. 1845.

Кавелина—Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи. Въ Современникѣ 1847. № 1.

— » — Сочиненія Спб. 1859.

Рождественскаго—Обозрѣніе внѣшней исторіи россійскаго законодательства. Спб. 1849.

Станиславскаго О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи. Спб. 1853.

Семенова—О сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Руси. Въ Врем. 1854. кн. 9, и въ Соврем. 1854 Авг.

Чичерина—Опыты по исторіи русскаго права. Спб. 1858.

С. З-на—Взглядъ на исторію права вообще. Въ Юридич. журн. 1860. № 1.

Морошкина—Проспектъ исторіи русскаго законодательства. Въ Юридич. Вѣстн. 1863 № 5.

Шпилевскаго—Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства до Петра I. Въ Учен. Зап. Казан. Унив. 1863.

По исторіи мѣстныхъ законовъ можно указать на слѣд. сочиненія:

Helmersen—Geschichte des Livländischen Adelrechts. Dorp. 1836.

Вахтанговы законы. Въ Энциклопед. Лексик. т. IX Спб. 1837.

Bunge—Vorsuchungen auf dem Gebiete der Liv — Esth — u. Kurländischen Rechtsgeschichte. Dorp. 1839.

Каневскаго—О древнемъ законодательствѣ Грузіи. Въ Сѣв. Пчелѣ 1839 № 142.

Линовскаго—О мѣстныхъ бессарабскихъ законахъ, Одесса. 1842.

Историческія свѣдѣнія объ основаніяхъ и ходѣ мѣстнаго законодательства губерній остзейскихъ. Спб. 1846.

Обозрѣніе начала и постепеннаго развитія мѣстныхъ въ Остзейскомъ краѣ учрежденій. Въ введеніи къ Своду мѣстныхъ узаконеній губ. Остзейскихъ. 1846.

Даневскаго — Рѣчь объ источникахъ мѣстныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и областяхъ Россіи. Спб. 1847.

Михайлова — Лекціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ. Спб. 1860.

Сочиненія по исторіи литовско — русскаго права мы перечислимъ ниже, въ отдѣлѣ о внѣшней исторіи литовско — русскаго права.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Внѣшняя исторія рускаго права.

Обозрѣніе источниковъ права, дѣйствовавшихъ у насъ въ различное время, составляетъ главный предметъ внѣшней исторіи русскаго права. Эта часть науки, по самому существу своему, раздѣляется на нѣсколько меньшихъ отдѣловъ, весьма удобно обнимающихъ отдѣльныя историческія эпохи развитія русскаго права. Руководясь указанными въ введеніи основаніями дѣленія исторіи права на періоды, мы изложимъ внѣшнюю исторію въ слѣдующемъ порядкѣ:

Отдѣлъ I. Докняжескій періодъ: обычное право древнихъ Славянъ вообще и русскихъ въ особенности (до призванія князей).

Отдѣлъ II. Періодъ призванія князей (періодъ Русской Правды): памятники законодательства свѣтскаго (договоры Руссовъ съ Греками, Русская Правда, Уставъ Ярослава о мостахъ, княжескія грамоты; Эклога, Ручной Законъ, Законъ судный людямъ и Уставъ о земскихъ дѣлахъ) и церковнаго (греческіе Номоканоны; уставы Владиміра, Ярослава и Всеволода о церковныхъ судахъ; мѣрило праведное; грамоты Всеволода, Ростислава и Мстислава; каноническіе вопросы и

отвѣты — церковное правило митрополита Іоанна и вопросы черноризца Кирика).

Отдѣлъ III. Періодъ мѣстныхъ законовъ XIII — XV-го вѣковъ: законодательство новгородское и псковское (судныя грамоты — Псковская и Новгородская; договорныя грамоты Новгорода съ князьями и нѣмецкими городами; новгородскія Скры); законодательство сѣверо-восточной Россіи (договорныя и духовныя грамоты князей; уставныя грамоты областей двинской, бѣлозерской и пр. и тяглыхъ волостей; грамоты жалованныя, льготныя, несудимыя, тарханныя и ханскіе ярлыки; памятники церковные — Номоканоны, грамоты жалованныя, уставныя, настольныя и пр.); законодательство литовско-русское (памятники земскаго права—земскіе и областные привилеи, грамоты договорныя, жалованныя, судныя и уставныя и Судебникъ 1468 г.; памятники нѣмецкаго права привиллегированныхъ городовъ; памятники польскаго права, въ особенности подляшскихъ земель).

Отдѣлъ IV. Періодъ московскихъ законовъ XVI и XVII-го вѣковъ: памятники эпохи Судебниковъ (Судебники Ивана III, Василья Ивановича и Ивана IV; сводный Судебникъ; царскіе указы, боярскіе приговоры и уставныя книги приказовъ; грамоты губныя, таможенныя, уставныя, жалованныя, несудимыя и тарханныя; церковные памятники — сборникъ Нифонта, Стоглавъ, Кіевскій Номоканонъ и Московскій Требникъ); памятники эпохи Уложенія (Уложеніе 1649 г., Наказъ о градскомъ благочиніи, новоуказныя статьи о татинныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, новоторговый уставъ и пр.; печатная кормчая книга); памятники судебно-административной практики древней Россіи (книги разрядныя, писцовыя, переписныя, отказныя, отдѣльныя и пр., — грамоты правыя и безсудныя, списки судные и докладные) и юридическіе акты стараго времени — записи купчія, мѣновыя и пр. Памятники ли-

товско-русскаго права (Литовскіе Статуты, Трибуналъ или способъ правъ трибунальныхъ, ухвалы, конституціи и универсалы, земскіе и областные привилеи, магдебургское и польское право; исторія Литовскаго Статута и магдебургскаго права въ Малороссіи).

Отдѣлъ V. Періодъ реформъ XVIII и первой четверти текущаго столѣтія: реформы общія (обзоръ кодефикаціонныхъ работъ до изданія Свода Законовъ) и частныя (реформы петровской эпохи: регламенты и другія узаконенія Петра Великаго и его преемниковъ до Екатерины В.; реформы екатерининской эпохи: Наказъ 1767 г., учрежденіе о губерніяхъ, уставъ благочинія, грамоты дворянская и городовая и другія узаконенія Екатерины Великой; учрежденіе объ Императорской Фамиліи, актъ о престолонаслѣдіи и другія узаконенія Павла I; реформы александровской эпохи: учрежденіе Государственнаго Совѣта, Министерствъ и пр.).

Отдѣлъ VI. Періодъ Свода Законовъ: исторія составленія Свода Законовъ, Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и Свода военныхъ постановленій; исторія реформъ позднѣйшаго времени.

Отдѣлъ VII. Исторія мѣстныхъ законовъ: царства польскаго, остзейскаго края, бессарабской области и закавказскаго края.

ОТДѢЛЪ I.

Докняжескій періодъ. Обычное право древнихъ Славянъ вообще и русскихъ въ особенности (до призванія князей).

Источники. Лѣтопись *Нестора* представляетъ главный источникъ при изученіи древняго быта русскихъ Славянъ [1]). Слѣды обычнаго права Славянъ сохранились въ законодательныхъ памятникахъ — въ договорахъ Руссовъ съ Греками, въ Русской Правдѣ, Псковской Судной Грамотѣ, Душановомъ Законникѣ, Винодольскихъ Законахъ и пр. Важны, кромѣ того, извѣстія историковъ и лѣтописцовъ римскихъ, византійскихъ, германскихъ, арабскихъ и другихъ. Кромѣ древнихъ историковъ (*Геродота, Тацита* и др.), сюда въ особенности относятся слѣдующіе византійскіе и западные историки и лѣтописцы: *Прокопій* (552 г.), *Маврикій* (602), *Константинъ Порфирородный* (959), *Левъ Философъ* (911), *Левъ Діаконъ* (975), *Левъ Грамматикъ* (940), *Кедринъ* (ок. 1057), *Іорнандъ* (552), *Адамъ Бременскій* (ум. ок. 1076), *Титмаръ Мерзебурскій* (ум. 1018), *Гельмольдъ* (1168) и др. [2]). Кромѣ свѣдѣній

---

[1]) См. Пол. Собр. Лѣтоп. т. I. стр. 2 — 8 и пр. Главнѣйшія извѣстія Нестора о бытѣ древнихъ Славянъ помѣщены мной въ прилож. I. № XXIII.

[2]) Сочиненія исчисленныхъ историковъ изданы въ нѣсколькихъ сборникахъ. Мы перечислимъ главнѣйшіе изъ нихъ: Corpus hist. Byzant. Par. 1645; Второе изд. Venet. 1729. и третье — въ Bonnae. 1829. — Leo Diaconus, Par. 1819. — *Stritteri* Memoriae popul. olim ad Danub. Pont. Eux. etc. e scriptor. tist. Byxant. erutae. Petrop. 1771—79, его же — Slavica e scriptor. Byzant. 1771; его же извлеченія на рус. яз.—Извѣстія визант. историковъ, объясняю-

о географическомъ распредѣленіи Славянъ, исчисленные историки сообщаютъ извѣстія о внутреннемъ бытѣ древнихъ Славянъ вообще и въ частности о Сербахъ, Хорватахъ, Русскихъ и пр. Не менѣе важны свѣдѣнія о Славянахъ, сообщаемыя восточными географами и путешественниками, посѣщавшими въ разныя времена славянскія земли. Сюда принадлежатъ въ особенности сочиненія *Ибнъ-Даста* (начала X в.), *Масуди* (943—57), *Ибнъ-Фодлана* (922), *Мукаддеси* (985), *Якута* (начала XIII в.), *Казвини* (1275) и другихъ арабскихъ писателей XII—XV вѣковъ—*Эдризи* (1153), *Димешки* (1392) и пр. [1]) Свѣдѣнія о древнемъ бытѣ Славянъ сѣверныхъ, въ

щія Рос. ист. древн. врем. Спб. 1770—75.—*Schefferi* Arriani Tactic. et Maucii Art. Milit. l. XII. gr. et lat. Upsal. 1664.—*Meursii* Opp. Florent. 1771 (помѣщ. Льва Фил. Tactica). — *Muratori* Scr. rer. St. t. I (помѣщ. соч. Іорнанда). *Gruteri* Scr. hist. aug. Hanov. 1611 (соч. Іорнанда). — *Pertz* Monum. Germ. histor. *Wagner* Dithmarus Chronicon. 1807. — *Lindenbrogii* Script. rer. Germ. sept. ed. Fabricius. 1706 (помѣщ. соч. Адама Брем.) — *Bangertus* Helmoldi Chronica Slavor. Lub. 1659 и др. Въ введеніи я указалъ, кромѣ того, на изданіе въ рус. перев. византійскихъ историковъ, предпринятое Петерб. Духовной Академіей. Извлеченія главнѣйшихъ извѣстій о Славянахъ помѣщены *Шафарикомъ* въ Славянскихъ древностяхъ (См. Sebrane spisy, dil II стр. 673—732), откуда заимствованы мной главнѣйшія мѣста авторовъ и помѣщены въ Приложеніи I. № I—IX.

[1]) Кромѣ сборниковъ *Charmoy*, *D'Ohsson*, *Frähn* и *Defrémery*, указанныхъ нами въ введеніи, можно привести еще слѣдующіе сборники и сочиненія, въ которыхъ помѣщены въ полномъ составѣ или въ извлеченіи сочиненія восточныхъ географовъ и путешественниковъ: *Д. Хвольсона* Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Русскихъ, Абу Али Ахмета Бенъ Омара Ибнъ-Даста (въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1868. № 12 и отдѣльно Спб. 1869). — *Hammer* Sur les origines Russes. Spb. 1827. — *Reinaud* Géographie d'Aboulféda T. I. — *Frähn* Veteres memoriæ Chazarorum (въ Mém. de l'Acad. d. sc. de Spb. T. VIII. 1822). *Dorn* Nachrichten üb. d. Chasaren (Ib. 1844). *Misaris ben Mahalhal* de itinere asiatico commentarius, ed. Kurd de Schlözer. Berl. 1845.—Géographie d'*Edrisi*, trad. par Am. Jaubert T. II.—*Dimeschki* Cosmographie, ed. Mehren. — *Sprenger* Die Post—u—Reiseorten des Orients (въ Abh. d. deutsch. morgenl. Geselsch. Bd. III). *Herbelot* Bibliothéque orientale (о Масуди). — *Frähn* die älteste arab. Nachrichten üb. d. Wolga—Bulgaren (въ Mém. d. l'Ac. d. sc. d. Spb. T. I. Ser. 6. 1832). Извлеченія изъ главнѣйшихъ арабскихъ писателей помѣщены нами въ Прилож. I. № X—XXII.

особенности Новгородцевъ, можно находить въ скандинавскихъ сагахъ [1]). Важны также лѣтописныя сказанія, сохранившіяся у юго-западныхъ Славянъ отъ древнѣйшихъ временъ. Таковы лѣтописи: *Діоклейскаго пресвитера* (Anonymus presbyter Diokleas, около 1161), *Козьмы Пражскаго* (1045 — 1125), *Мартина Галла,* (1110—1135) и пр. [2]) Наконецъ, пособіемъ могутъ служить дошедшіе до насъ остатки славянскихъ древностей, въ особенности сборники народныхъ пѣсень, обычаевъ, повѣрій, пословицъ и пр. [3])—Къ спеціальнымъ изслѣдо-

---

[1]) Саги изданы въ слѣдующихъ сборникахъ: Edda Saemundar hins Froda i. e. Edda rhytmica s. antiquior vulgo Saemundina dicta. Hafn. 1787—828. E. oversat og forklaret af *Finn Magnusen*. Kopeng. 1821.—Urschr. Deutsch. v Gebr. *Grimm*. Berl. 1815. — *Hagen* Lieder d. ält. Edda. Berl. 1812. — Edda Islandorum stud. P. J. *Resenii*. Hafn. 1665. — Нѣм. перев. *Schimmelmann* Steff. 1776.—*Fornmann* Sögur. Kopenh. 1825—36.—Islendinga Sögur. Kaupmann. Кор. 1829 — 36. — Извлеченія на рус. яз.—въ Изслѣдов., замѣч. и лекц. Погодина.

[2]) Лѣтоп. Козьмы помѣщ. въ сборн. *Пельцеля* и *Добровскаго* Script. rer. Bohem. Pr. 1783; Март. Галла изд. *Бандтке* (Chronicon. 1824); Хорват. лѣтоп.—у *Лучія* de regno Dalm. et Croat. hist. 1666. у *Кукулевича* Ark. za povjest. juhosl. и пр.

[3]) Кромѣ сборниковъ Терешенка, Максимовича и другихъ, указанныхъ нами въ введеніи, сюда относятся слѣдующ. сочиненія: *Снегирева* Русскіе въ своихъ пословицахъ. М. 1831—34; его же Радуница и Русальная недѣля (въ Вѣстн. Евр. 1827 № 8); его же Старинныя славянскія святки и коледа (Ib. 1828 № 2); его же замѣчанія о русскихъ пословицахъ (Ib. 1829, № 10 и 11); его же Рус. юрид. пословицы (въ Москвит. 1849, № 7 и 8). *Макарова* О старинныхъ русскихъ обрядахъ и праздникахъ (въ Вѣст. Евр. 1820, № 14); его же Древн. и новыя божбы, клятвы и присяги русскія (въ Труд. Общ. Ист. и древн. IV. кн. I). *Аѳанасьева* О вѣдунѣ и вѣдьмѣ (въ Кометѣ 1850); Дѣдушка домовой (въ Арх. Калачова I. 1850); Дополненія къ собранію рус. пословицъ и притчей (Ib.).—Важны также сборники южно-славянскіе, напр. Караджича (србске народне пјесме) и др. Въ приложеніи II я помѣстилъ извѣстную чешскую пѣсню или сказаніе о Судѣ Любуши, въ которой сохранились драгоцѣнныя указанія на общественное устройство древнихъ Чеховъ;—въ слѣдующей затѣмъ пѣсни, Záboj, взятой изъ краледворской рукописи, сохранился намекъ на старый славянскій обычай многоженства. Изъ сербскихъ пѣсень, собранныхъ Караджичемъ, мы взяли отрывки, указывающіе на обычай похищенія невѣстъ, на кровную месть (въ значеніе религіозной обязанности) и денежные выкупы преступниковъ.

ваніямъ, касающимся настоящаго періода, принадлежатъ слѣдующія: *Соловьева*: О нравахъ и обычаяхъ, господствовавшихъ въ древней Руси (въ Чтен. въ Общ. Ист. и др. № 1. 1846); его же—Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, преимущественно восточныхъ, во времена язычества (въ Архивѣ Калачова I. 1850); его же — Славяне и другія племена, вошедшія въ составъ русскаго государства; ихъ бытъ и судьба до половины IX вѣка (въ Исторіи Рос. т. I. гл. 3); *Кавелина* Рецензія на предыдущее соч. (въ сочин. Кавел. т. III. стр. 319—346); *Тюрина* Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Россіи (въ Библ. для чт. 1849, № 11 и 1850, № 1 и 2; отдѣльно—Спб. 1850); *Кавелина* Рецензія на соч. Тюрина (Соч. Кавел. III. 164—172); *Бѣляева* Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ (въ Временникѣ кн. 8. 1850); *Аксакова* О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и русскихъ въ особенности (въ Москов. Сборникѣ 1852 № 1); *Шпилевскаго* Союзъ родственной защиты у древнихъ Германцевъ и Славянъ. М. 1866. Есть также много замѣчаній о древнемъ бытѣ русскихъ въ сочиненіяхъ *Кавелина*. Кромѣ указаннаго въ введеніи „Взгляда на юридическій бытъ древней Россіи," сюда относятся слѣдующіе его трактаты: Разборъ книги Терещенка—бытъ русскаго народа (въ Современ. 1848, № 11 и 12, и въ Сочин. Кавел. т. IV. стр. 3—200); нѣкоторыя извлеченія изъ собираемыхъ въ Имп. рус. геогр. обществѣ этнографическихъ матеріаловъ о Россіи (въ Сочин. т. IV. стр. 201 — 214); нѣсколько словъ о примѣтахъ (Ibid. стр. 215—230); рецензіи на статьи Афанасьева и Буслаева (Ibid. V стр. 209—219). Въ статьѣ о Дѣдушкѣ домовомъ *Афанасьевъ* также касается вопроса о бытѣ древнихъ Славянъ (см. Архивъ Калачова I. 1850). Множество замѣчаній по тому же вопросу встрѣчается въ сочиненіяхъ *Эверса*, *Рейца* и въ другихъ историко—юридическихъ изслѣдованіяхъ по различнымъ спеціаль-

нымъ вопросамъ внутренней исторіи русскаго права (въ особенности *Губе*, *Никольскаго* и мн. др.), также въ общихъ сочиненіяхъ и монографіяхъ по русской исторіи (*Карамзина*, *Погодина* и пр.). Есть сочиненія, трактующія вообще о старыхъ народныхъ обычаяхъ: *Срезневскаго* изслѣдованіе о святилищахъ и обрядахъ языческаго богослуженія древнихъ Славянъ. Харьк. 1846; его же о языческомъ вѣрованіи древнихъ Славянъ въ безсмертіе души (въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1847, № 2); *Шеппинга* Миѳы славянскаго язычества. М. 1849; *Котляревскаго* О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. М. 1868; *Морошкина* Историко-критическія изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ. М. 1833 и пр. Извѣстія иностранцевъ о бытѣ Славянъ разработаны въ сочиненіяхъ: *Колесникова* Обозрѣніе извѣстій византійскихъ историковъ о бытѣ языческихъ Славянъ (въ Опытахъ Студ. Харьк. Унив. 1848) *Чистякова* жизнь древнихъ Славянъ по Дитмару. Спб. 1857, и въ особенности въ соч. *Макушева* Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ. Спб. 1861. Важны также глоссаріи *Хвольсона*, *Френа*, *Шармуа*, *Доссона* и другихъ оріенталистовъ, которые, вмѣстѣ съ изданіемъ сочиненій восточныхъ географовъ и путешественниковъ, помѣстили комментаріи, касающіеся нерѣдко старыхъ обычаевъ Славянъ. — Наконецъ, при изученіи древнѣйшаго русскаго права необходимо также знакомство съ историческими работами у юго-западныхъ Славянъ. Кромѣ указанныхъ нами въ введеніи сочиненій *Мацѣйовскаго*, сюда относятся: *Anton* Erste Linien eines Versuches über der Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse ältesten Slaven. 1783; *Racowiecki* Rys hystoryczny zwyczіów, obyczaiów, religii, praw i języka dawnych słowiańskich i słowiańsko-ruskich narodów (въ его соч. Prawda Ruska 1820); *Herm. Jrecek* Slovanské pravo v Cechach a na Moravê. Pr. 1863—64, и Das Recht in Böhmen u Mähren. Br. 1865—66;

Beda Dudik Mährens allgemeine Geschichte. Br. 1865; *Гильфердинга* Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ. М. 1855—59, и Исторія балтійскихъ Славянъ. М. 1855; *Палацкаго* Geschichte von Böhmen. Pr. 1844 — 45; *Шафарика* Sebrane Spisy. Pr. 1862 — 65; *Лелевеля* Polska, dzieje i rzeczy jej rozpatrywane. Pozn. 1864 — 65; *Бандтке* Historya prawa polskiego. Warsz. 1850 и др. [1]).

[1]) Въ Указателѣ источниковъ по исторіи славянскихъ законодательствъ мы перечислили главнѣйшія историко — юридическія сочиненія по славянскому праву. См. Жур. Мин. Нар. Пр. часть CXXXV.

Славяне являются въ историческое время осѣдлымъ народомъ, знакомымъ очень рано (уже во время Геродота) съ земледѣліемъ и даже съ городскимъ бытомъ. Они жили при самыхъ разнообразныхъ мѣстныхъ и бытовыхъ условіяхъ. Изъ разсказа Нестора и другихъ лѣтописцевъ и историковъ видно, что Славяне разселялись и жили группами, разбросанно, смотря по удобствамъ поселенія,—по рѣкамъ, въ лѣсахъ и пр. Племена, уже на первыхъ порахъ исторіи носившія отдѣльныя названія, вели дробную жизнь мелкими, мало зависѣвшими другъ отъ друга, часто враждебными союзами [1]), различались между собою степенью развитія и формами общественной жизни. Поляне, говоритъ Несторъ, „обычай имутъ кротокъ и тихъ... а Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски, убиваху другъ друга.“ [2]) На сколько мало сознавалось старыми Славянами ихъ племенное единство, показываетъ внутренняя рознь, взаимная враждебность, съ какой всѣ славянскія племена являются на сцену исторіи. По словамъ Маврикія,

---

[1]) По свидѣтельству *Масуди*, *Якута*, *Димешки* и другихъ арабскихъ путешественниковъ и географовъ, Славяне дробились на безчисленное множество „nations“ races et d'espéces différéntes, между которыми постоянно было несогласіе (la discorde) и велись междоусобныя войны“. Абу—Обеидъ—Аль—Бекри говоритъ, что „не будь Славяне такъ раздроблены и враждебны между собою, ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы имъ противостоять“. См. *Charmoy*, стр. 312. 315. 330. 353. *D'Ohsson*, стр. 85. 237. Извлеченія см. въ Прилож. I. № X. XIII. XVI. XXI.

[2]) Свидѣтельство Нестора подтверждаютъ арабскіе писатели, по словамъ которыхъ Славяне живутъ „comme des animaux, comme des bêtes féroces dans des bois et des forêts de roseaux etc. См. въ приложеніи I. *Эдризи* и *Бакуви* № XI и XVII.

между Славянами господствуетъ постоянное несогласіе: что положатъ одни, на то не рѣшаются другіе; ни одинъ не хочетъ повиноваться другому, но всѣ питаютъ другъ къ другу вражду. [1]) Отдѣльныя племена и союзы вели замкнутую жизнь, — жили „особѣ,—живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ.“ Слѣды розни встрѣчаемъ даже въ позднѣйшей русской исторіи, и нѣкоторые изъ нашихъ историковъ не безъ основанія полагаютъ, что старая рознь, если не была одною изъ причинъ раздѣленія древней Россіи, то ею по крайней мѣрѣ преимущественно поддерживалась такъ долго удѣльная система [2]) Внутренняя рознь—общее явленіе общественной жизни у всѣхъ старыхъ Славянъ—объясняется естественнымъ разъединеніемъ ихъ въ странѣ, съ самыми разнообразными мѣстными и климатическими условіями, какъ и вообще природной склонностію Славянъ жить розно, мелкими союзами, дорожащими своими внутренними, ближайшими интересами, безъ мысли и заботы о болѣе широкихъ требованіяхъ народнаго и государственнаго единства. [3]) Возникнувъ изъ

---

[1]) См. *Макушева* извѣстія иностр. стр. 145. 155.

[2]) *Бѣляева* О Нестор. лѣтоп., въ чтен. общ. ист. и др. 1847 № 5. О розни у Славянъ см. *Чебышева—Дмитріева* О преступн. дѣйст. по рус. допетр. праву, стр. 5. 6. 45. и др.

[3]) См. *Гильфердинга* Письма объ ист. Серб. и Болг., I стр. 20. II 15—125. 126. *Хаджича* Духъ народа Сербскогъ 1858. *Гильфердинга* Истор. Балт. Сл. 148; его же Борьба Слав. съ Нѣмцами, стр. 7. Племенная раздѣльность, по мнѣнію Гильфердинга, основная черта быта, какъ вообще всѣхъ Славянъ, такъ и въ особенности Балтійскихъ, „такъ срослась со всѣми стихіями ихъ жизни, что имъ уже не доставало силы образовать изъ себя единство народное и государственное“—Нельзя впрочемъ заключать, что племенная рознь есть исключительное достояніе исторіи Славянъ. Напротивъ, она представляетъ собою существенную принадлежность быта всѣхъ народовъ на первыхъ ступеняхъ общежитія. Тоже самое явленіе, даже еще нагляднѣе, высказывалось въ быту древнихъ германцевъ. У нихъ каждый родъ жилъ тоже „особѣ“, на общей маркѣ, обнесенной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, болотомъ или другою природною границею. „Это граница рода: на нее положено заклятіе. Ее охраняютъ языческіе боги (являющіеся демонами послѣ введенія христіанства) и безчеловѣчно

условій мѣстныхъ и бытовыхъ, разрозненность затѣмъ поддерживалась всей дальнѣйшей исторіей Славянъ. Принявъ христіанство изъ двухъ различныхъ источниковъ, Византіи и Рима, Славяне разбились на два враждебные лагеря, пошли по различнымъ историческимъ путямъ, съ различнымъ направленіемъ въ цѣломъ строѣ общественной ихъ жизни. Послѣдующія историческія судьбы Славянъ вели ихъ къ бо́льшему и бо́льшему разъединенію и разобщенности. Въ трудной вѣковой борьбѣ за собственное существованіе, политически разрозненные, Славяне развили множество особенностей въ цѣломъ своемъ бытѣ, различаются теперь по языку, религіи, общественной жизни, безъ всякихъ помысловъ о своемъ племенномъ единствѣ. Мысль о единствѣ и взаимности Славянъ явилась въ недавнее время, какъ теоретическая мысль небольшаго кружка (славяно—филовъ), — мысль, которая доселѣ не оказала существеннаго вліянія на политическую жизнь отдѣльныхъ славянскихъ племенъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что *племенная рознь* и *разобщенность* составляетъ главное явленіе, которое по преимуществу опредѣлило всю историческую судьбу Славянъ. Таже самая рознь имѣла мѣсто и въ исторіи права у различныхъ славянскихъ племенъ. При сильномъ господствѣ партикулярныхъ началъ во всей общественной жизни Славянъ, и само право развивалось у нихъ по началу розни, получило самостоятельное и своеобразное направленіе у каждаго племени въ отдѣльности. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ еще основанія вовсе отвергать *славянское право*, [1]) считать его фикціей, никогда и нигдѣ не су-

---

жестокіе законы. Смерть ожидаетъ инородца, самовольно переступающаго завѣтный рубежъ. Земля марки окружена гибелью". См. *Грановскаго* о родов. бытѣ у древ. герм.—въ Арх. Калачова, кн. II ч. I., стр. 157.

[1]) *Нарушевичъ*, въ своей исторіи народа польскаго (II. 317, VI, 182—208), приводитъ подробныя доказательства существованія *Ius Slavicum*, отличавшагося отъ *Ius Teutonicum Allemanicum*. См. также статью *Ирѣчька* О древ-

ществовавшей въ дѣйствительности,—нельзя смотрѣть на него, какъ на вещь, будто бы *выдуманную* только въ наше время, подъ вліяніемъ увлеченія искуственно возбужденнымъ славянскимъ вопросомъ. Дѣло въ томъ, что и германское племя страдало и доселѣ страдаетъ той же самой разрозненностію, какъ и Славяне: и на первыхъ историческихъ порахъ замѣчалось у нѣмцевъ племенное разъединеніе,—и теперь нѣмцы раздроблены на политически-самостоятельныя части, смутно сознающія племенное единство. Между тѣмъ, никто не считаетъ нѣмецкаго права чѣмъ—то вымышленнымъ. И теперь, а тѣмъ болѣе въ старое время, отдѣльныя партикулярныя системы права нѣмецкихъ государствъ (въ старое время даже Англіи и другихъ романо-германскихъ народовъ) съ полнымъ правомъ могутъ носить общее названіе нѣмецкаго права. На томъ же основаніи партикулярныя системы права чешскаго, сербскаго, русскаго и пр. слѣдуетъ вводить въ одно общее понятіе славянскаго права. Основы и источники его вездѣ, у всѣхъ славянскихъ племенъ, долго были одни и тѣже,—обстоятельство, въ значительной степени смягчавшее партикулярный характеръ славянскаго права. Не нужно забывать, что бытъ Славянъ глубоко коренился въ старыхъ порядкахъ доисторической общеплеменной ихъ жизни,—что на сцену исторіи Славяне явились уже съ значительно окрѣпнувшими и установившимися формами жизни. Не нужно забывать, что Славяне когда то дѣйствительно составляли одно нераздѣльное племя, жившее по одной и той же „правдѣ—по закону вѣкожизненныхъ боговъ“. Чехи IX-го вѣка не даромъ говорили: „у насъ правда по закону свату, юже принесеху отци наши“, несомнѣнно указывая на общую родину Славянъ, откуда отдѣльныя племена перенесли

немъ славянскомъ правѣ, сравнительно съ греко-римскимъ и германскимъ (въ сборн. Rozprawy z obozu historie, filologie a literatury. Ve Vidni. 1860.) и *Палацкаго* Staré právo Slovanské (въ Casop. 1837).

съ собой общеплеменные обычаи и порядки въ новыя свои осѣдлости, удерживая ихъ въ силѣ, какъ при первомъ появленіи своемъ въ исторіи, такъ и въ позднѣйшія историческія эпохи. Послѣдующая дробная историческая жизнь Славянъ, вызвавъ новыя явленія въ общественной жизни и правѣ каждаго племени въ отдѣльности, сообразно съ мѣстными и историческими условіями ихъ быта, вмѣстѣ съ тѣмъ долго удерживала старые племенные порядки, которые отчасти сохранились даже до нашихъ временъ, въ особенности у племенъ, наиболѣе отличающихся консервативнымъ характеромъ, каковы всѣ южные Славяне—Сербы, Хорваты и пр., удержавшіе въ жизни много славянскихъ обычаевъ глубокой старины.

Переходя къ подробному разсмотрѣнію обычнаго права древнихъ Славянъ вообще и русскихъ въ особенности, я ограничусь *обозрѣніемъ внѣшней его исторіи*,—изученіе внутренняго быта Славянъ должно, по принятому мною плану изложенія исторіи русскаго права, войти въ составъ второй части науки (внутренней исторіи). Свѣдѣнія, какими теперь располагаетъ наука по вопросу объ обычномъ правѣ древнихъ Славянъ, въ особенности по внѣшней его исторіи, далеко недостаточны для полнаго и всесторонняго изученія предмета. Намъ придется во многихъ случаяхъ ставить вопросы, разрѣшеніе которыхъ можетъ имѣть только проблематическій характеръ. Мы можемъ притомъ касаться только такихъ вопросовъ, по которымъ есть историческія данныя,—доисторическая пора племенной жизни Славянъ, по самому существу дѣла, не можетъ входить въ сферу научныхъ изслѣдованій. Мы постараемся опредѣлить по крайней мѣрѣ существенныя черты обычнаго права Славянъ со времени появленія ихъ въ исторіи, на сколько это возможно при теперешней недостаточности данныхъ по этому предмету. Мы обратимъ вниманіе въ особенности на слѣдующіе главные вопросы:

a) о правдѣ, законѣ и обычаѣ у древнихъ Славянъ;

b) о мѣстныхъ и племенныхъ обычаяхъ и о консервативности обычнаго права Славянъ;

c) о формахъ обычнаго права Славянъ,—о символизмѣ и обрядности славянскаго права; о юридическихъ пословицахъ и формулахъ; о значеніи вѣщбъ, сказаній и пѣсень (о Судѣ Любуши, Снемѣ и пр.); о доскахъ и книгахъ;

d) о внутреннемъ характерѣ и направленіи обычнаго права древнихъ Славянъ,—о религіозно—общинномъ характерѣ юридическихъ обычаевъ у Славянъ; наконецъ

e) о дальнѣйшей судьбѣ обычнаго права у насъ и другихъ Славянъ въ позднѣйшія эпохи государственной ихъ жизни.

Славяне жили, какъ показываютъ всѣ историческія свидѣтельства, по обычаямъ предковъ, по правдѣ, закону вѣкожизненныхъ боговъ [1]). Идея права высказывалась въ понятіи *правды*. Прекрасное свидѣтельство въ этомъ случаѣ представляетъ слѣдующее мѣсто чешскаго сказанія о Судѣ Любуши: „у нас правда по закону свату“ [2]). Названіе права общимъ терминомъ „правды“ удерживалось у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ до позднѣйшаго времени [3]).

[1]) Правда, *Масуди* въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что Славяне „n'obéissent à aucune loi.... et n'on point d'idée des lois“ (См. Прилож. I № X Charm. 312.); но здѣсь Масуди, касаясь вопроса о религіи Славянъ и различая между ними христіанъ и язычниковъ, разумѣетъ правила религіозныя. Въ этомъ смыслѣ и *Муккадеси* говоритъ о Славянахъ—«keinem göttlichen Gesetze gehorsamen,» (Прилож. I № XIX. Fraehn. 51).

[2]) См. Прилож. II. О Судѣ Люб. Ср. также слова Нестора: „не бѣ у нихъ правды“

[3]) Названіе Русской *Правды*, очевидно, имѣетъ славянское происхожденіе. Въ XIV и XV вѣкахъ мѣстные законы отдѣльныхъ русскихъ земель, по ста-

Въ понятіе правды входили безразлично *законъ* и *обычай*. По словамъ Прокопія и Константина Порфиророднаго, Славяне имѣли свои законы (*νόμους*), подъ которыми разумѣлись собственно народные обычаи. [1]) Несторъ, въ своей лѣтописи, сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о старыхъ славянскихъ обычаяхъ. По его словамъ, Славяне „имяху бо обычаи свои и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ". Описавши обычаи (въ особенности семейные) восточныхъ Славянъ, Несторъ ссылается на хронографъ Георгія Амартола, въ которомъ говорится: „ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи" [2]). Противоположеніе, дѣлаемое здѣсь между обычнымъ правомъ и письменными законами, было совершенно чуждо народнымъ понятіямъ Славянъ; лучше сказать, Славяне не дѣлали никакого существеннаго различія между закономъ и обычаемъ, отождествляли ихъ, какъ понятія, имѣвшія одно и тоже значеніе. Южные Славяне доселѣ называютъ юридическіе обычаи законами [3]). У насъ различіе между обычаемъ и закономъ явилось позже, [4]) въ эпоху усложненія

рой памяти, тоже носили названіе „правды" московской, псковской и пр. Точно также у нѣкоторыхъ западно-славянскихъ племенъ еще въ XVI в. право называлось „стара правда" См. *Ирічка* Slov. pr. I. 145. Его же Das Recht in Böhm I. 41.

[1]) Свидѣтельства о старыхъ славянскихъ обычаяхъ находимъ у Гельмольда, Адама Бременскаго и пр. См. *Ирічка* Das Recht in Böhm I. 41. Slov pr. I. 144.

[2]) См. Прилож. I *№* XXIII.

[3]) См. Караджича Рѣчникъ и Миклошича Lexicon palaeoslov., sub voce „законъ,, Въ Малороссіи и теперь еще обычаи вообще называются законами. См. *Соловьева* Очеркъ нрав., обыч. и религіи Славянъ, въ Архивѣ Калачова. 1850. I. стр. 45.

[4]) Несторъ не дѣлаетъ большаго различія между закономъ и обычаемъ: „*си же творяху обычая* Кривичи, прочіи погании, не вѣдуще закона Божія, но *творяще* сами собѣ *законъ*". Подъ закономъ разумѣется здѣсь обычай религіозный. Въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ законъ также нерѣдко имѣетъ значеніе обычая. См. напр. договоры Руссовъ съ Греками—Олега ст. IV, Игоря ст. VIII.

юридическихъ отношеній, когда обычное право стало оказываться несостоятельнымъ и образовались законодательные органы, создавшіе постепенно систему законовъ въ собственномъ смыслѣ. Почти до Московскаго періода подъ законами разумѣлись тѣже обычаи, изложенные на письмѣ. Болѣе строгое разграниченіе закона отъ обычая принадлежитъ московскому законодательству.

Старая „правда“ Славянъ представляетъ много *общаго* съ правомъ другихъ народовъ, стоявшихъ съ ними на одинаковыхъ ступеняхъ развитія, [1] — обстоятельство, которое, какъ извѣстно, дало поводъ нѣкоторымъ историкамъ заключать о подчиненіи чуждымъ вліяніямъ древне — славянскаго права, будто бы заимствовавшаго многое изъ права германскаго и пр. Мы уже замѣчали, какъ слѣдуетъ смотрѣть на тождественныя явленія въ юридической жизни всякихъ первичныхъ обществъ. Они коренятся въ одномъ источникѣ — одинаковой природѣ и свойствахъ народовъ, стоящихъ на первыхъ ступеняхъ развитія. [2] Въ первоначальной исторіи каждаго народа дѣйствительно можно найти много установленій и порядковъ съ обще-

---

[1] См. *Герм. Иртъчека* Slov. pr. I. 141. 142.

[2] Вотъ что говоритъ *Герм. Иртъчекъ* о сходствѣ старославянскаго права съ правомъ другихъ народовъ. „Das vergleichende Studium des Rechts hat dargethan, dasz Völker, welche sonst einander fremd und durch Zeit und Ort getrennt sind, gleichwohl in einem bestimmten Stadium ihrer socialen Entwickelung gleiche oder ähnliche Rechtsinstitute aufweisen, dasz die Aehnlichkeit desto gröszer ist, je älter diese Institute sind und dasz sie die Uebereinstimmung am auffallendsten auf einem Gebiete äuszert, wo man eine solche am wenigsten vermuthen sollte, nämlich auf dem Gebiete des formellen Rechts. Ist es z. B. nicht auffallend, dasz das Institut des slavischen vdani (traditio), welches in Böhmen noch im XIV und in Litthauen noch im XV Jahrh. bekannt war, in der ältesten Zeitperiode der Griechen und Römer sich wiederfindet, dort als παραπαταβολή, hier als sacramentum. Die altgriechische und altrömische Sitte der Haussuchung bein Diebstal (furtum lance et linteo conceptum) war dem deutshen und slavischen Rechte des Mittelalters noch sehr wohl bekannt, ohne dasz an eine Uebertragung dieser Sitte von einem Volke auf das andere gedacht werden könnte. Wie ist diese Erscheinung zu erklären? Wohl nur so,

человѣческимъ характеромъ, составляющихъ достояніе не одного какого нибудь народа, но всего человѣчества. Съ теченіемъ времени такіе порядки мало по малу разнообразятся, получаютъ своеобразныя черты и особенности въ жизни каждаго народа. То же самое явленіе замѣчаемъ и въ первоначальной исторіи Славянъ. Если можно указать на многіе обычаи, удерживавшіеся у Славянъ долго съ обще — человѣческими чертами, то съ другой стороны различія въ историческомъ ихъ положеніи, какъ и въ мѣстныхъ и бытовыхъ условіяхъ жизни, отражались уже на первыхъ историческихъ порахъ въ *своеобразномъ развитіи* обычнаго права Славянъ, представлявшаго много особенностей и различій сравнительно съ правомъ другихъ народовъ. Въ этомъ-то смыслѣ и слѣдуетъ называть славянскими обычаи и порядки, своеобразно развившіеся у Славянъ, утратившіе первоначальный обще-человѣческій типъ, сдѣлавшіеся какъ бы достояніемъ однихъ Славянъ.

Переходя къ разсмотрѣнію обычнаго права различныхъ славянскихъ племенъ, замѣтимъ прежде всего, что оно отличалось *розньо, партикуляризмомъ*. „Имяху... кождо свой нравъ,“ говоритъ Несторъ, приступая къ описанію обычаевъ русскихъ Славянъ. Различіе между обычаями зависѣло, не только отъ историческихъ условій развитія различныхъ славянскихъ племенъ, но и отъ мѣстныхъ и бытовыхъ различій между ними, въ особенности отъ характера поселенія, осѣдлости племенъ. У насъ Поляне отличались по своимъ обычаямъ и всей общественной жизни отъ другихъ племенъ, въ особенности занимавшихъ лѣсныя поселенія, долго стоявшихъ на ступени первоначальной дикости и отчужденія. Въ то время, какъ, по словамъ Нестора, „Поляне бо своихъ отецъ обычай имутъ

---

dasz gleiche Verhältnisse bei gleichen oder verwandter Rechtsanschauung gleiche oder ähnliche Regeln und Institute erzeugen.“ См. Hem. Hrecek. — Das Recht in Böhmen u. Mähren. I. 40.

кротокъ и тихъ“, другія племена „живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски, въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь.“ Туже рознь въ обычаяхъ можно замѣтить у старыхъ Хорватовъ, Сербовъ и другихъ славянскихъ народовъ. Партикуляризмъ вообще долго господствовалъ въ обычномъ правѣ всѣхъ Славянъ. Позже онъ высказался въ системѣ партикулярныхъ законовъ, не только отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, но даже мелкихъ союзовъ и общинъ (Полицы, Винодола и пр.). Въ старой же розни обычнаго права Славянъ нужно искать корни партикулярнаго направленія русскаго права въ теченіи всего княжескаго періода (т. е. до начала XVI вѣка): система мѣстныхъ законовъ Москвы, Пскова, Новгорода и другихъ русскихъ земель и волостей XIII—XV столѣтій несомнѣнно беретъ свое начало въ исконномъ партикуляризмѣ обычнаго права Славянъ, въ старой розни обычаевъ, память о которой доселѣ сохраняется въ народныхъ пословицахъ Славянъ [1]).

Съ другой стороны, если рознь обычнаго права у старыхъ Славянъ не подлежитъ основательному сомнѣнію, то нельзя сомнѣваться и въ томъ, что, при племенномъ единствѣ Славянъ, такая рознь не могла господствовать у нихъ во всей своей строгости, никогда не доходила до крайнихъ предѣловъ,

---

[1]) Таковы пословицы русскія, чешскія, сербскія, словацкія и польскія:

Что городъ, то норовъ.
Что деревня, то обычай.
Что земля, то проказы; что дворъ, то говоръ.
Що край, то обичай.
Каждый край ма свій обичай.
Co kraj, to obyczaj.
Każdy kraj ma swój obyczaj.
Każdy kraj své právo má.
Svako selo svoju pjesmu pjeva.
Kolik krajûv, tolik krojûv.
Koliko je sela, toliko je navicaja.
Jaké praše, taki kvit; jaky národ, taky zvyk.

См. *V. Bogišić* Pravni obicaji u Slovena, стр. 17.

допускала существованіе у Славянъ *обще-племенныхъ обычаевъ*, державшихся въ одинаковыхъ формахъ въ жизни одного или нѣсколькихъ племенъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно привести цѣлый рядъ юридическихъ воззрѣній и установленій, одинаково развитыхъ въ правѣ всѣхъ Славянъ [1]). Сходство здѣсь ослабляется въ особенности въ позднѣйшія эпохи, когда большинство Славянъ (южныхъ и западныхъ) подчинилось чуждой зависимости; хотя и доселѣ еще замѣчается много сходныхъ явленій въ народныхъ обычаяхъ всѣхъ славянскихъ племенъ [2]).

Партикулярное направленіе обычнаго права Славянъ должно было, какъ нельзя больше, отражаться въ *развитіи* и *пространствѣ дѣйствія* обычаевъ, служившихъ у Славянъ единственной формой проявленія идеи права. Дѣло въ томъ, что отдѣльные союзы и общины, на которыя дробились славянскія племена, при общей ихъ междусоюзной разрозненности и враждебности, мало зависѣли другъ отъ друга, отличались автократическимъ характеромъ, внутренней крѣпостью и солидарностію интересовъ и связей между членами каждаго союза въ отдѣльности [3]). Съ другой стороны, междусоюзныя отношенія у древнихъ Славянъ, какъ и вообще у всѣхъ народовъ, сто-

---

[1]) См. Герм. *Ирѣчка* Slov. pr. I. 143.

[2]) Мысль о сходствѣ юридическихъ обычаевъ у современныхъ Славянъ въ особенности наглядно развита въ изслѣдованіи *Богишича* Pravni obic. u Slov. Авторъ почти на каждой страницѣ говоритъ о различныхъ обычаяхъ Славянъ, по большей части вполнѣ сходныхъ между собой.

[3]) „Въ союзахъ первичныхъ обществъ мы видимъ такую тѣсную связь между членами, какая не можетъ существовать въ государствѣ. Связь, на которой основываются союзы первичныхъ обществъ, охватываетъ всю жизнь человѣка. У сочленовъ все общее: и счастье, и несчастье, и побѣда, и пораженіе. Слава союза отражается на каждомъ его членѣ и, наоборотъ, то или другое дѣйствіе каждаго члена бросаетъ свѣтъ или тѣнь на весь его союзъ. Поэтому союзъ принимаетъ живѣйшее участіе въ дѣйствіяхъ и судьбѣ каждаго изъ своихъ членовъ. Въ тѣснѣйшей, неразрывной, всецѣлой связи съ своимъ союзомъ выступаетъ человѣкъ въ исторіи.“ См. *Чебышева-Дмитріева* о преступн. дѣйствіи по рус. допетр. пр., стр. 7.

ящихъ на первыхъ ступеняхъ историческаго развитія, были такъ не прочны, что, по вѣрному замѣчанію одного историка, „только тотъ могъ имѣть право, только тотъ считался лицомъ правоспособнымъ, кто принадлежалъ къ союзу, — внѣ союза онъ былъ ничто.“ [1]) На томъ же основаніи обычаи, развивавшіеся въ отдѣльныхъ союзахъ и общинахъ, могли имѣть юридическую силу только внутри самыхъ общинъ, — общія нормы и правила, которыя бы опредѣляли внѣшнія ихъ отношенія, не могли имѣть мѣста, при той розни и враждебности союзовъ, съ какой Славяне являются уже на первыхъ порахъ исторіи. „Убиваху другъ друга... обидими Древлями и инѣми окольними... не бѣ у нихъ правды,“ — вотъ какъ рисуетъ Несторъ междусоюзныя отношенія русскихъ Славянъ съ появленія ихъ на сцену исторіи и до призванія Рюриковичей. Идея права въ отношеніяхъ между общинами замѣнялась господствомъ грубой силы—местью, въ которой высказывалось полное отрицаніе идеи права. [2]) Созданіе общеобязательныхъ правилъ, отмѣна юридическаго порядка, допускавшаго господство частнаго произвола,—дѣло послѣдующихъ эпохъ исторіи русскаго права. Русская Правда, вмѣстѣ съ созданіемъ общеобязательныхъ юридическихъ нормъ, съ распространеніемъ идеи права на всѣ племена и союзы, признавшіе надъ собой общую княжескую власть, положила первыя начала и основы юридическаго порядка, болѣе соотвѣтствовавшаго условіямъ общежитія людей.

---

[1]) См. *Чебышева Дмитріева*. 8. Ср. также стр. 18.

[2]) Ibid. стр. 7, 17, 18, 42. Есть много пословицъ, говорящихъ о господствѣ силы надъ правомъ, несомнѣнно принадлежащихъ глубокой древности:

Na kom vláda, na tom pravda.
Kdož moc má, ten pravo.
Vrch práva, vrch krivdy.
Kde síla vévodí, ku právu se nechodí. и пр.

См. *Богишичъ*, стр. 15.

Юридическіе обычаи, существовавшіе въ каждой общинѣ, не были чѣмъ — то случайнымъ, но держались на преданьи, отличались строгимъ *консервативнымъ* характеромъ. Они переходили изстари отъ поколѣнія къ поколѣнію, являлись, какъ „законъ отецъ своихъ и преданья“ (Несторъ), какъ „законъ вѣкожизненныхъ боговъ—правда по закону свату, юже принесеху отци наши“ (Судъ Любуши). Старые обычаи хранились въ устахъ народныхъ въ видѣ „пошлины“, незапамятной старины. Сложившись въ теченіи вѣковъ, пошлина считалась ненарушимымъ закономъ, которымъ Славяне дорожили какъ святыней. Прокопій говоритъ: „Aliarum etiam rerum fere omnium ratio ab utrisque Barbaris servatur eadem, fuit olim constituta“ [1]). „Не дорога пѣсня, да дорогъ уставъ“, говоритъ еще теперь русскій народъ, высказывая въ этой пословицѣ, образовавшейся вѣроятно въ глубокой древности, уваженіе къ пошлинѣ, къ старому обычаю. [2])

Обычное право Славянъ проявлялось въ различныхъ *формахъ*. Древнѣйшей формой проявленія идеи права нужно счи-

[1]) См. Прилож. I. *№* IV. Соблюденіе обычая у Славянъ считалось чуть ли не религіозной обязанностью, и нерѣдко жертвовались права отдѣльнаго лица, лишь бы не нарушить обычая. Гельмольдъ, разсказывая о гостепріимствѣ Славянъ, говоритъ, что обычай гостепріимства нерѣдко ведетъ къ воровству и грабежамъ. «На эти вины смотрятъ снисходительно, извиняя ихъ долгомъ гостепріимства; у Славянъ служитъ закономъ поговорка: что ночью украдешь, заутра раздавай гостямъ. Если же случится, чтобы кто либо отвергъ странника и не принялъ его (вопреки обычаю), то считаютъ дѣломъ правымъ сжечь его домъ и имущество.» См. *Макушева* Сказан. иностр. 162.

[2]) Подобное же уваженіе къ старому обычаю высказывается въ множествѣ пословицъ сербскихъ и иныхъ, напр: «боље је да село пропадне, него у селу обичај; — боље је землю продати, него јој обичај изгубити.» См. *Буслаева* Историч. очерки рус. народн. слов. и искуства, 1861. I. 103. Авторъ, касаясь между прочимъ вопроса о связи поэзіи съ правомъ у первобытныхъ народовъ, намекаетъ на строгую консервативность послѣдняго, на то, что какъ въ области поэзіи было мало простора отдѣльной личности, все заведено было испоконъ вѣку, такъ и въ сферѣ права все опиралось на преданьи, идущемъ отъ временъ незапамятныхъ, ничего не могло быть случайнаго, не выходящаго изъ народнаго творчества.

тать юридическіе символы и обряды, пословицы и формулы. У Славянъ, кромѣ того, извѣстны были въ древнее время пѣсни и сказанія (вѣщбы), доски и книги, въ значеніи отдѣльныхъ способовъ или формъ развитія и проявленія обычнаго права.

а) *Юридическіе символы* и *обряды.* Обрядность, символизмъ права въ полной силѣ господствуетъ у народовъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ развитія, у которыхъ идея права могла выражаться не путемъ абстракціи и формулированія словомъ, но путемъ различныхъ символическихъ дѣйствій и обрядовъ. Въ такихъ дѣйствіяхъ и обрядахъ высказывались народныя воззрѣнія и понятія о правѣ, касавшіяся разнообразныхъ житейскихъ отношеній между людьми. Символизмъ господствовалъ въ старое время въ правѣ Славянъ, какъ и другихъ народовъ. Таковы наприм. слѣдующіе обряды и символическія дѣйствія, извѣстныя всѣмъ древнимъ Славянамъ и нерѣдко удержавшіяся у нѣкоторыхъ племенъ до новѣйшаго времени: символъ *покоры*, совершавшійся надъ убійцей въ томъ случаѣ, когда съ нимъ мирилась семья или община убитаго; символъ *рукобитья* (по рукамъ) при заключеніи договоровъ (manu ad manum, Hand in Hand); обрядъ *передачи дерна*—символъ передачи земли въ собственность; символъ *постриги*, также *врученія меча* или *лука*, совершавшійся у Славянъ надъ сыномъ по достиженіи имъ положеннаго возраста или при выходѣ изъ семьи и общины; различные *брачные* обряды, напр. напоминавшіе римское confarreatio, и пр. [1]).

b) *Юридическія пословицы* и *формулы*—болѣе развитая

---

[1]) См. *Калмыкова* О символизмѣ права вообще и русскаго въ особенности. Спб. 1839. *Богишича* Prav. obic. u Slav. 1867. *Макушева* изв. иностр., стр. 143 и пр. *Энгельмана* о пріобрѣтеніи права собственности на землю. 1859. стр. 9—16 и пр.

форма образованія обычнаго права [1]). Что на первыхъ порахъ исключительно выражалось символомъ, то позже формулируется словомъ, высказывается въ видѣ краткихъ изрѣченій, въ которыхъ опредѣлялись народныя понятія о правѣ въ формѣ готовыхъ аксіомъ или рѣшеній по различнымъ юридическимъ вопросамъ. У Славянъ доселѣ сохранилось много пословицъ, образовавшихся въ глубокой древности, въ которыхъ высказываются народныя понятія о правѣ [2]). — Пословицы нерѣдко обращались въ постоянныя юридическія формулы, употреблявшіяся для обозначенія какихъ либо юридическихъ дѣйствій и понятій. Остатки такихъ формулъ сохранились у насъ отъ древнѣйшаго времени въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ грамотахъ и другихъ памятникахъ. Такова формула: «куда плугъ, соха и коса ходили», употреблявшаяся для обозначенія границъ владѣнія, и мн. др. [3]).

с) *Пѣсни, сказанія, вѣщбы.* Въ первичныхъ обществахъ замѣчается удивительная цѣльность всего быта и воззрѣній

---

[1]) Ср. напр., *Warnkönig* Juristische Encyclopädie, стр. 94: «Der Ursprung alles Rechtes in ein eingeborener Rechtssinn der Völker, seine Wiege die Familie, seine Urform Gewohnheitsrecht, *seine ersten Abstractionen sind die Rechtssprüchwörter.*»

[2]) См. выше статьи *Снегирева*, *Кавелина*, *Чеяковскаго* и др. Для примѣра приведу нѣсколько общихъ пословицъ о правѣ:

Sto je pravo i Bogu je drago.
Правду Богъ видитъ.
Jace pravo nego mac.
Обычай не клѣтка.
Внада втора природа.
Obicaj je druga narav.
Co się wielom godzi, to w obyczaj wchodzi.
Sud'to Pánbûh.
Pri kom' Bûh, ten bije.
Hustá prisaha, ridka prawda и пр.

См. *Ирічка* Slov. pr. I. 153 *Богишича* Pr. Ob. стр. 15—21 и пр.

[3]) См. статью *Шпилевскаго* объ источн. рус. пр., въ Зап. Каз. унив. 1862. I. стр. 261—262.

народныхъ. По прекрасному замѣчанію одного изъ нашихъ филологовъ — историковъ, «языкъ, миѳологія, поэзія, право, нравы, обычаи, стоятъ въ самой тѣсной, неразрывной связи между собою... Поэзія была для народа эпохи первобытной выраженіемъ, не только миѳа и языческаго обряда, но и судебнаго порядка; потому у Римлянъ carmen имѣло значеніе судебнаго изрѣченія, закона; точно также и славянская вѣщба, кромѣ чарованій и поэзіи, имѣла смыслъ и юридическій» [1]). Дѣйствительно, народъ, стоящій на низкихъ ступеняхъ развитія, не выросшій еще изъ патріархальныхъ формъ жизни, всякое проявленіе мысли формулируетъ въ поэтическомъ созерцаніи,—пѣсней, сказаніемъ, легендой передаетъ свои вѣрованія и воззрѣнія на память другимъ поколѣніямъ. Въ этихъ-то пѣсняхъ и гаданіяхъ проглядываетъ высказанная въ поэтической формѣ народная мысль о правѣ, религіи и пр. У Славянъ удержались доселѣ подобныя пѣсни и сказанія, служащія очень важнымъ источникомъ для изученія общественнаго и частнаго быта древнихъ Славянъ [2]). Исторія чешскаго права сохранила въ особенности драгоцѣнное указаніе на то обстоятельство, что если не у всѣхъ Славянъ, то по крайней мѣрѣ у Чеховъ, изстари существовали пѣсни и сказанія юридическаго содержанія, путемъ которыхъ сохранялись и поддерживались народныя понятія о правѣ. Мы говоримъ о такъ называемыхъ *вѣщбахъ витезовыхъ* (vêstby vitêzovy). О нихъ говорится въ извѣстномъ чешскомъ сказаніи о Судѣ Любуши, гдѣ между прочимъ упоминаются «двѣ вегласныя дѣвы, выученныя вѣщбамъ витезовымъ». Мы скажемъ нѣсколько словъ о юри-

---

[1]) См. *Буслаева* историч. очерки рус. нар. словесн. и иск. I. 1, 6.

[2]) Таковы, напр., пѣсни, собранныя Караджичемъ и др. Для примѣра мы помѣстили въ приложеніяхъ чешское сказаніе о Судѣ Любуши, отрывокъ изъ чешской пѣсни Zaboj и три отрывка изъ старыхъ сербскихъ пѣсень.

дическомъ значеніи вѣщбъ, на основаніи замѣчаній объ этомъ предметѣ гг. П. Шафарика и Герм. Ирѣчка [1]).

Вѣщбы упоминаются часто въ древнихъ чешскихъ легендахъ, у Далемила, Ститнаго и пр.; но болѣе полное указаніе на нихъ даетъ Судъ Любуши. Вѣщба (отъ vêtiti, вѣщать, говорить) означаетъ вообще вѣщаніе, прорицаніе, просто сказаніе, пѣснь. Судъ Любуши разумѣетъ подъ вѣщбой вѣщаніе или сказаніе юридическаго содержанія, юридическую пѣснь. *Витезъ* (vitêz — ср. лат. vates) буквально сходно съ старогерманскимъ vithing, англосакс. vita, вообще средневѣк. witzigen, wissenden (scientes, scientifici, fidelis testis). Ирѣчекъ полагаетъ, что и слово вѣче (vêce) имѣетъ одинъ корень съ витезомъ. Значеніе витезя было различно; сюда могли входить понятія знатока, свидѣтеля, судьи, также пѣвца, прорицателя или же—procer, optimus, major natu, melior natu. Въ настоящемъ случаѣ подъ витезомъ разумѣется знатокъ или вѣщатель, хранитель права, а подъ вѣщбами витезовыми—вѣщанія, сказанія знатоковъ права, или вообще сказанія съ юридическимъ характеромъ [2]). Замѣчу здѣсь, что нѣтъ ясныхъ слѣдовъ существованія вѣщбъ у другихъ Славянъ, хотя впрочемъ *вѣщіе люди* старосербскаго права имѣли тоже значеніе чешскихъ витезовъ, т. е. вѣщателей и хранителей права, поддерживавшихъ въ народѣ память о старыхъ обычаяхъ [3]). Можетъ быть, и у насъ значеніе вѣщихъ людей и витезовъ имѣли въ старое время добрые люди или судные мужи—по мнѣнію нѣкоторыхъ

[1]) *P. Safarik* u *Palacki* Die ältesten Denkmäler der böhm. Sprache. Prag. 1840. стр. 97,—*Изрѣчька* Slov. pr. I. 152—153; Das Recht in Böhm. I, стр. 44.

[2]) *Шафарикъ* видитъ въ витезяхъ Суда Любуши главнымъ образомъ судей, и потому даетъ вѣщбамъ значеніе судебнаго дѣла, приговора. Мы слѣдуемъ болѣе вѣрному толкованію *Ирѣчка*.

[3]) Вѣщіе люди (см. *Mikl.* 141) обозначали тоже, что добрые люди старославянскаго права, или наши судные мужи. Ср. мое соч. Древн. хорвато-далмат. законодат. 1868, стр. 92.

историковъ, тоже вѣщатели, органы (viva vox) народнаго обычнаго права [1]).

Образцы старыхъ вѣщбъ можно видѣть въ *Снемъ*, *Судъ Любуши* и другихъ старыхъ пѣсняхъ чешскихъ [2]). Первыя два сказанія имѣютъ особенную важность для нашего предмета. Не смотря на поэтическую оболочку, оба памятника славянской старины безспорно должны быть причислены къ числу важнѣйшихъ юридическихъ актовъ чисто народнаго творчества, рисующихъ въ самыхъ яркихъ краскахъ древнѣйшій юридическій бытъ Чеховъ, а съ ними и другихъ Славянъ. Необходимо поэтому сказать нѣсколько словъ о внѣшней исторіи обоихъ сказаній. Ихъ содержаніе будетъ подробно разсмотрѣно въ своемъ мѣстѣ.

Оба сказанія (Снемъ и Судъ Любуши), по словамъ Ша-

---

[1]) *Морошкина* Объ Улож. и послѣдующемъ его развитіи. М. 1839, стр. 16.

[2]) Судъ Любуши съ Снемомъ открыты въ 1817 г. въ чешскомъ замкѣ—Zelena Hora. Въ томъ же году найденъ Ганкою другой сборникъ въ гор. Králove Dvûr Обѣ рукописи явились въ печати во многихъ изданіяхъ самаго *Ганки* (послѣднее изданіе 1865 г.), *Эрбена* (Pr. 1861), *Collan'a* (1863) *Вртатка* (1862) и пр. У насъ есть изданія *Берга* (Краледв. рукоп. въ Моск. литерат. и учен. сборн. М. 1846), *Соколова* (Краледв. рукоп. и Любуш. Судъ. Каз. 1848) и *Академіи наукъ* (извѣстія т, I). Изслѣдованія: Die ältesten Denkmäler der böhm. Sprache von *P. J. Safarik u. Fr. Palacky.* Pr. 1840 (помѣщ. Судъ Любуши). Soud Libusin a rukopis kralodvorsky (ст. *Шафарика* и *Палацкаго* въ журн. Svêtozor. Дек. 1858). Die koniginhofer Handschrift, Einleit. z. Uebersetz. diés. Gedichte v. J. M. gr. von Thun, von P. J. Safarik, Pr. 1845. Die böhm. Königinh. Handschr. von Fr. *Palasky* (въ Jahrb. d. Literat. 1829. IV). Статьи *Палацкаго* о подлинности краледв. рукописи въ Prager Bohemia. Нояб. 1858, и въ Sybel's histor. Zeitschrift II, *Макса Будингера* (въ Sybel's hist. Zeitschr. I. II), *Вацлава Небескаго* (въ Casop. 1852, 1853, 1859), *Фейфалика* (въ Wiener Gymnasiatzeitschr. 1858, Aprilheft, и отдѣльно—Ueb. d. König. Handschr. Wien 1860), *Hattala* (въ Casop. 1858—60); *Герм. Ирычка* Die Echtheit der Königinhofer Handschrift, Pr. 1862. *V. Al. Svoboda* Historich—kritiche Einleitung zu der Ausgabe d. König Handscr. Pr. 1829. *V. V. Томек* Svêdectvi o nalezeni Libusina Soudu (въ Casop. 1859. I и отдѣльно—Pr. 1859). Есть также много статей въ разныхъ журналахъ—въ Svetozor 1857—60, Sitzgsb. der k. Akad. d. Wissensch. 1860 и пр.

фарика, составляютъ «отрывки изъ большаго цикла народныхъ пѣсень, предметы которыхъ были заимствованы изъ древнихъ чешскихъ сказаній (сагъ); эти же послѣднія, вслѣдствіе сродства ихъ содержанія, находились между собою въ извѣстной связи. Въ пѣсняхъ этого рода вдохновенные народные поэты могли сохранить память о подвигахъ и мудрости отцовъ и предать ихъ младшимъ родамъ для подражанія и поученія» [1]. Сказаніе о Судѣ Любуши, не имѣющее конца, заключаетъ въ себѣ описаніе спора о наслѣдствѣ, рѣшеннаго на сходкѣ на основаніи того закона, который и приведенъ въ отрывкѣ о Снемѣ. Составляютъ ли оба сказанія части одной пѣсни, или Снемъ есть отрывокъ другаго сказанія,—трудно рѣшить; но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что по своему духу и содержанію они представляютъ одно цѣлое. Намъ кажется, поэтому, что нѣкоторые историки (Аксаковъ, Никольскій и др.) не безъ основанія относятъ первый отрывокъ къ концу сказанія о Судѣ Любуши, «если не какъ нераздѣльную его часть, то, по крайней мѣрѣ, какъ законъ, который обыкновенно приводится въ концѣ приговора, какъ основаніе рѣшенія [2].— По мнѣнію Шафарика и другихъ изслѣдователей, этотъ драгоцѣнный памятникъ славянской старины принадлежитъ IX—X вѣкамъ, [3] хотя само сказаніе могло образоваться въ глубокой древности и только позже получить ту литературную форму, въ какой оно дошло до нашего времени. Судъ Любуши имѣетъ видъ вѣчевой грамоты, излагаетъ порядокъ вѣчеваго суда по одному частному случаю — именно по поводу спора двухъ братьевъ стараго рода Тетвы Попелова объ отцовской дѣдинѣ (наслѣдственномъ имуществѣ). Вотъ главное содержаніе ска-

---

[1]) См. Die ält. Denkm. 83.

[2]) См. *Никольскаго* О началахъ наслѣдов. въ древн. рус. пр. 1859. стр. 48—49. Въ приложеніи мы и помѣстили это сказаніе въ концѣ.

[3]) Любуша по преданію княжила въ VIII столѣтіи.

занія. Два братья, Хрудошъ и Стяглавъ Кленовичи, враждующіе между собой, призываются княжной Любушей на снемъ (народную сходку), собранный изъ кметовъ, леховъ и владыкъ (въ другомъ мѣстѣ просто изъ народа) для рѣшенія спора между ними. Княжна предлагаетъ всѣмъ рѣшить вражду между братьями: «по закону вѣкожизненныхъ боговъ, говоритъ она, братья должны владѣть дѣдиной вмѣстѣ или раздѣлиться ею поровну.»—Собери голоса, славная княжна, по своему народу, говоритъ ей Лютоборъ, одинъ изъ кметовъ. Собрали голоса и объявили рѣшеніе въ народъ, собранный на снемъ. Рѣшеніе состояло въ томъ, чтобы братья владѣли дѣдиной вмѣстѣ. Хрудошъ (старшій Кленовичъ, участвовавшій въ спорѣ), грубо отозвавшись о Любушѣ, съ яростію говоритъ, что наслѣдство слѣдуетъ отдать первенцу (т. е. ему одному). Ратиборъ (изъ числа кметовъ) встаетъ и говоритъ противъ Хрудоша: «не похвально намъ у нѣмцевъ искать правды, — у насъ правда по закону святому, который принесли отцы наши.» Вотъ эта правда: Всякій отецъ управляетъ своей челядью; мужи пашутъ, жены шьютъ одежды, а по смерти главы челяди дѣти всѣ владѣютъ вмѣстѣ наслѣдствомъ, выбирая себѣ изъ рода владыку, который, для пользы, ходитъ въ славные снемы вмѣстѣ съ кметами, лехами и владыками. Встали кметы, лехи и владыки, похвалили правду по закону [1]).

[1]) Приведу здѣсь полное сказаніе въ русскомъ переводѣ. Самый текстъ помѣщенъ въ II приложеніи.

Ай Ултава, что ты мутишь воду?
Что ты мутишь воду сребропѣнную?
За что всколебала тебя лютая буря,
Согнавшая тучи широкаго неба,
Оплакавшая вершины зеленыхъ горъ,
Выплакавшая златопесчаную глину?
Какъ же мнѣ воды не мутить,
Когда враждуютъ родные братья,
Братья родные о дѣдинѣ отчей?
Враждуютъ злобно между собою

Таково содержаніе сказанія о Судѣ Любуши. Оно даетъ указанія на такіе порядки общественнаго устройства Славянъ, начало которыхъ кроется въ глубинѣ доисторическихъ временъ. Такимъ образомъ, Судъ Любуши даетъ возможность уяснить основные законы семейно-задружнаго быта Славянъ,—законы, лежавшіе въ основѣ всей общественной и частной ихъ жизни,

---

Лютый Хрудошъ, что на кривой Отавѣ,
На Отавѣ кривой, златоносной,
Съ храбрымъ Стяглавомъ, что на хладной Радбузѣ,
Оба братья, оба Кленовичи,
Рода стараго Тетвы Попелова,
Который пришелъ съ народомъ съ Чеховымъ
Въ эти богатыя страны чрезъ три рѣки.
Прилетѣла мирная ласточка,
Прилетѣла съ кривой Отавы,
Сѣла на растворенномъ окнѣ
Въ златомъ отчемъ жилищѣ Любуши,
Отчемъ жилищѣ—святомъ Вышеградѣ,
Бѣдуя и возвѣщая смуту.
Услышала это родная ихъ сестра,
Родная сестра въ Любушиномъ дворѣ,
Просила княжну въ Вышеградѣ—
На судѣ возстановить правду,
Призвать обоихъ ея братьевъ
И разсудить ихъ по закону.
Велитъ княжна отправить пословъ
Къ Святославу съ Любицы бѣлой,
Гдѣ молодыя дубравы;—
Къ Лютобору съ Доброславскаго холма,
Гдѣ Лаба пьетъ Орлицу;
Къ Ратибору съ горъ Креконоши,
Гдѣ Трутъ убилъ лютую змѣю;
Къ Радовану съ Каменнаго Моста,
Къ Ярожиру на горахъ многорѣчныхъ,
Къ Стезибору съ прозрачной Сазавы,
Къ Самороду со Мжи сребоносной,
Ко всѣмъ кметамъ, лехамъ и владыкамъ
И къ братьямъ—Хрудошу съ Стяглавомъ,
Враждующимъ о дѣдинѣ отчей.
Сошлись лехи и владыки
Въ Вышеградѣ. . . . .

подтверждая тѣмъ самымъ мысль о господствѣ у Славянъ общиннаго быта. Судъ Любуши касается вопроса о значеніи правды, закона и обычая вообще и въ частности объ общественныхъ разрядахъ (кметахъ, лехахъ, владыкахъ), о князѣ и народной сходкѣ (снемѣ), о юридическомъ характерѣ вѣщбъ витезовыхъ, досокъ правдодатныхъ, пламени правдовѣстнаго и воды святочудной (ордалій — испытаній огнемъ и водой). Судъ Любуши въ особенности отчетливо рисуетъ картину суднаго вѣча,

---

Всякій сталъ по рожденію своему.
Стала княжна въ бѣлоснѣжной одеждѣ,
Стала на столѣ отчемъ въ славномъ снемѣ *)
(При ней) **) двѣ разумныя дѣвы;
Выученныя вѣщбамъ витезовымъ:
У одной были доски правдодатныя,
У другой — мечъ, кривды карающій;
Предъ ними пламень правдовѣстный
И за ними святочудная вода.
Начала княжна съ отчаго златаго стола:
Мои кметы, лехи и владыки!
Разрѣшите правду между братьями,
Которые спорятъ о дѣдинѣ,
О дѣдинѣ отчей между собою.
По закону вѣкожизненныхъ боговъ
Оба должны владѣть вмѣстѣ
Или раздѣлиться поровну.
Мои кметы, лехи и владыки!
Подтвердите мои рѣчи,
Если будете съ ними согласны,
А не будете согласны,
Постановите новый приговоръ,
Который бы примирилъ враждующихъ братьевъ.
Поклонились лехи и владыки,
Стали тихо говорить,
Говорить тихо между собою
И хвалить ея рѣчи.
Всталъ Лютоборъ съ Доброславскаго холма,
Началъ говорить такое слово:

---

*) Снемъ (отъ сниматься, сходиться) означалъ у чеховъ — народную сходку, вѣче.

**) Здѣсь пропускъ. Полагаютъ что здѣсь должно быть — „при ней,“ какъ это показываетъ и смыслъ рѣчи.

даетъ драгоцѣнныя указанія на всѣ существенныя детали вѣчеваго судопроизводства, напр. на порядокъ совѣщаній, собиранія голосовъ (по большинству), постановленія вѣчеваго рѣшенія (вѣчины) и пр. Однимъ словомъ, Судъ Любуши, по своему содержанію, принадлежитъ къ числу драгоцѣнныхъ славянскихъ юридическихъ памятниковъ чисто народнаго творчества, имѣетъ одинаково важное значеніе въ исторіи права Чеховъ и другихъ славянскихъ народовъ.

Можно указать и на другія пѣсни и сказанія, которыя, хотя подобно Суду Любуши не имѣютъ строгаго юридическаго характера, но тѣмъ не менѣе затрогиваютъ нерѣдко очень важные вопросы по древнему славянскому праву. Таковъ отры-

---

Славная княжна на отчемъ златомъ столѣ!
Рѣчи твои мы размыслили,
Собери голоса по народу своему.
И собрали голоса дѣвы судныя,
Собрали ихъ въ сосудъ святой,
И дали ихъ лехамъ провозгласить.
Всталъ Радованъ съ Каменнаго моста,
Началъ пересчитывать голоса
И рѣшеніе объявлять народу,
Народу, для сужденья на снемъ собранному:
Оба родные брата Кленовича,
Рода стараго Тетвы Попелова,
Который пришелъ съ народомъ Чеховъ
Въ эти богатыя страны чрезъ три рѣки,
Пусть помирятся такъ о дѣдинѣ:
Да будутъ оба въ общемъ владѣніи.
Всталъ Хрудошъ съ Отавы кривой.
Желчь разлилась въ утробѣ его,
Тряслись отъ ярости всѣ члены.
Махнулъ рукой, заревѣлъ ярымъ туромъ:
Горе птенцамъ, если вползетъ змѣя въ гнѣздо,
Горе мужамъ, которыми женщина владѣетъ!
Власть надъ мужами прилична мужу.
По правдѣ должно первенцу дать дѣдину.
Встала Любуша съ отчаго златаго стола,
Сказала: кмети, лехи и владыки!
Вы слышите здѣсь поношеніе мое;

вокъ изъ сказанія – Zaboj, помѣщенный мной въ приложеніяхъ [1]). Въ немъ идетъ рѣчь о старославянскомъ обычаѣ многоженства. Въ отрывкѣ говорится, что „отецъ умеръ, оставивъ своихъ сиротъ и вдовъ (lubice, žen) на рукахъ чужаго, а чужой сталъ вводить чужіе обычаи и заповѣдалъ всѣмъ имѣть на всю жизнь по *одной* женѣ“ (jedinu druzu). Таковы же многія изъ старыхъ сербскихъ пѣсень. Напр., пѣсня „на просидби“ даетъ драгоцѣнный намекъ на старый обычай похищенія невѣстъ „силом“, чрезъ „уводника“ [2]); пѣсня „Бајо Пивљанин“ и „Перович Батрић“—указываютъ на обычай мести съ религіоз-

---

Судите сами по закону правду,
Не буду больше судить ваши ссоры;
Изберите мужа между собой равнаго,
Который владѣлъ бы вами по желѣзу...
Дѣвичья рука для власти надъ вами слаба.
Всталъ Ратиборъ съ горы Креконоши,
Началъ говорить такое слово:
Не похвально намъ у Нѣмцевъ искать правды,—
У насъ правда по закону святому,
Которую принесли отцы наши
Въ эти . . . . . .

Всякій отецъ управляетъ своею челядью.
Мужи пашутъ, жены шьютъ одежды:
И умретъ ли глава челяди,
Дѣти всѣ владѣютъ имуществомъ вмѣстѣ,
Выбирая себѣ изъ рода владыку,
Который для пользы въ славные снемы ходитъ,
Ходитъ съ кметами, лехами и владыками.
Встали кметы, лехи и владыки,
Похвалили правду по закону.

---

[1]) См. Прилож. II № II.
[2]) См. Ib. № III. 1.

нымъ характеромъ (вмѣсто: „отмстить за убитаго“ говорится въ пѣсняхъ — „*освстити* душу убитаго“), также на денежные выкупы, дававшіеся по обычаю убійцей отместнику [1]), и пр.

d) *Доски* и *книги*. Есть много свидѣтельствъ о томъ, что языческимъ Славянамъ знакома была письменность [2]). Есть вмѣстѣ съ тѣмъ указанія на то, что Славяне имѣли правдодатныя *доски* (desky, dsky, дъщьки, дещки), т. е. деревянныя аблицы, на которыхъ были начертаны юридическія формулы въ видѣ краткихъ изрѣченій. [3]) По словамъ Шафарика, законныя доски, бывшія въ употребленіи у большинства древнихъ народовъ, содержали какъ бы повелѣнія Божества и употреблялись какъ найболѣе дѣйствительное символическое средство придать юридическимъ правиламъ значеніе непосредственныхъ

---

[1]) См. Ib. № III 2 и 3.

[2]) Главнѣйшіе факты по этому предмету собранны *Макушевымъ*, въ его соч. Сказан. иностр. о бытѣ и нравахъ Слав., стр. 163—169. О письменности у русскихъ говорятъ Эль-Недимъ и Ибнъ-Фодланъ (оба X вѣка). По словамъ перваго, русскіе имѣютъ письмена, начертанныя на деревѣ; по Фодлану, руссы ставили на могилахъ столбы, на которыхъ написывали имя покойника, съ обозначеніемъ, при какомъ князѣ онъ жилъ. По свидѣтельству паннонскаго житія (См. Шафарика Pamat. dr. pism.), Кирилъ нашелъ въ Корсунѣ евангеліе и псалтырь «роушькыми письмены писано». Равнымъ образомъ, Хорваты, по словамъ Порфиророднаго, принявъ крещеніе, поклялись папѣ жить въ мирѣ съ сосѣдями и подтвердили свое обѣщаніе „рукописаніемъ“. Тоже самое сдѣлали Болгаре, при заключеніи мира съ Греками въ 765 г. Касательно Славянъ вообще, есть свидѣтельства Титмара (interius autem dii stant manufacti, singulis nominibus insculptis,—см. Прилож. I № VIII) и въ особенности монаха Храбра, современника болгарскаго царя Симеона (927), который говоритъ: „Прежде убо (до Кирилла и Меѳодія) Словене не имѣху книгъ, но чрътами и рѣзами чьтѣху и гатааху, погани суще“. Славяне изображали свои письмена на камнѣ, металлѣ, кускѣ дерева—берестѣ, лубѣ и пр.

[3]) О доскахъ см. соч. *Hasner*'a Handbuch der landtäflichen Verfahrens im Königr. Böhmen in Verbindung mit einer chronologischen Geschichte der K. böhm. Landtafel. Pr. 1824. *Demuth* Geschichte der Landtafel im Markgrafthum Mähren. Brünn. 1857. *Herm. Jirecek* O dskach zemskich. Въ Casop. 1862. *Haan* Studien üb. Landtafelwesen. Wien. 1866.

заповѣдей Божьихъ [1]). Доски, упоминающіяся въ Судѣ Любуши, имѣютъ одинъ корень съ лат. discus, нѣм. disk (Tisch). У Чеховъ desky (dsky) до позднѣйшаго времени удерживали особенную важность и значеніе. Въ XIII и слѣдующихъ вѣкахъ, когда уже совершенно вышли изъ употребленія деревянныя доски, разнаго рода акты законодательные, судебные и другіе назывались по старой памяти досками (dsky krajské, zemské, pohonné, trhové и пр.) [2]). Доски извѣстны также древнему русскому праву, упоминаются напр. въ лѣтописяхъ еще въ XIII столѣтіи и въ Псковской судной грамотѣ [3]). Замѣтимъ наконецъ, что у старыхъ Славянъ извѣстны были также *книги* въ одинаковомъ значеніи съ досками. По объясненію Ирѣчька, первоначальная форма книги есть knéje, knije—пень, дерево, доска [4]).

---

[1]) См. Die ält. Denkm. 98.

[2]) См. Ирѣчька Slov. pr. I. 151—152. II. 230—233.

[3]) См. напр. Нов. лѣт. 30: „и что на дъщькахъ, а то князю оставиша... и даша дъщьки Дмитровы Святославу, а бяше на нихъ безъ числа". Здѣсь доски имѣютъ значеніе долговыхъ актовъ. Въ Псковской судн. гр. имъ дается значеніе актовъ низшаго разбора. По мнѣнію изслѣдователей, доски грамоты соотвѣтствуютъ теперешнимъ биркамъ.

[4]) См. *Ирѣчка* Das Recht in Böhm. 44. Slov. pr. I 152. Нѣкоторые историки видятъ въ старославянскихъ доскахъ и книгахъ указаніе на изстарпное существованіе у Славянъ *кодекса общихъ законовъ*. Эту мысль развилъ въ особенности Раковецкій. Онъ полагалъ, что у Славянъ могъ быть общій какъ бы всеславянскій кодексъ законовъ религіозно — гражданскихъ (kodex praw cywilno — religiynych), сходный съ инд. Wedas или Zend — Westa (можетъ быть, и берущій свое начало въ Ведѣ),—кодексъ, который могъ содержать общія правила (mahymy), вошедшія въ обычаи у всѣхъ Славянъ и за тѣмъ сохранившіяся въ Русской Правдѣ, Вислицкомъ Статутѣ и другихъ старославянскихъ уставахъ (См. Раковецкаго Pravda Russk. I. 115, 131, 238—243). Дѣло въ томъ, что догадка Раковецкаго имѣетъ чисто гипотетическій характеръ, не подтверждается никакими прочными доказательствами. Мысли Раковецкаго противорѣчитъ единогласное свидѣтельство лѣтописцевъ о томъ, что древніе Славяне жили исключительно по обычаямъ своихъ отцовъ. „Законы, о которыхъ говоритъ или напр. Константинъ Порфирородный или нашъ Несторъ, какъ уже замѣчено, имѣли одно значеніе съ обычаями. Письменные законы и кодексы явились у Славянъ позже, въ эпохи позднѣйшей государственности,—у Чеховъ

Таковы были формы развитія и проявленія обычнаго права Славянъ въ патріархальныя эпохи ихъ исторіи. Сама жизнь, путемъ непосредственнаго народнаго творчества, создавала юридическія правила и хранила ихъ путемъ символовъ, пословицъ, пѣсень и пр. „Народъ первобытной эпохи не помнитъ, чтобъ когда нибудь изобрѣлъ онъ свой языкъ, свою миѳологію, свои законы, обычаи и обряды. Всѣ эти національныя основы уже глубоко вошли въ его нравственное бытіе, какъ самая жизнь, пережитая имъ въ теченіи многихъ доисторическихъ вѣковъ, какъ прошедшее, на которомъ твердо покоится настоящій порядокъ вещей и все будущее развитіе жизни» [1]). Позже, съ усложненіемъ юридическихъ отношеній, право начинаетъ развиваться болѣе искуственнымъ образомъ, теряетъ прежнюю свою цѣльность и неразрывность съ другими сторонами жизни. Выдѣляясь такимъ образомъ въ особую самостоятельную сферу, право перестаетъ удовлетворяться прежними формами своего проявленія и развитія. Образуются новые органы,—о бокъ съ обычнымъ правомъ становится законодательство, которое, постепенно расширяясь, даетъ всей системѣ права новый характеръ и направленіе. Такая поворотная точка и обозначилась у насъ со времени призванія князей—Рюриковичей, когда, на ряду съ обычнымъ правомъ, стали постепенно являться у насъ законы въ собственномъ смыслѣ.

Мы говорили доселѣ о внѣшнихъ сторонахъ обычнаго права Славянъ — объ условіяхъ, формахъ его развитія и пр. Посмотримъ теперь, каковы были *внутреннія основы и мотивы*, опредѣлявшіе собой существенный характеръ и направленіе

напр. кодексы стали издаваться только съ XVI вѣка. Кодексы и сборники законовъ в обще составляютъ принадлежность развитого законодательства. Они являются у народовъ, стоящихъ на довольно высокихъ ступеняхъ развитія, чего нельзя сказать о Славянахъ первичной, патріархальной эпохи ихъ исторіи.

[1]) См. *Буслаева* Историч. очерки рус. нар. слов. I. стр. 1.

старославянскаго права въ эпоху исключительнаго господства у Славянъ системы обычнаго права.

Подобно всѣмъ народамъ, не вышедшимъ еще изъ патріархальныхъ формъ жизни, у Славянъ не отдѣлялось право отъ религіи, ставилось подъ защиту боговъ,—юридическимъ правиламъ и обычаямъ давали *религіозное освященіе и санкцію*, вообще смотрѣли на нихъ, какъ на непосредственныя заповѣди самаго Божества [1]). Законъ о наслѣдствѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ Судѣ Любуши, названъ «закономъ вѣкожизненныхъ боговъ»; да и вообще Славяне говорили: «у насъ правда по закону свату». Исторія балтійскихъ Славянъ сообщаетъ интересные факты, указывающіе на присутствіе нравственно—религіознаго элемента въ старославянскомъ правѣ. [2]) У Ваговъ почитался *Прове*—богъ правды, каратель кривды. Сходки, на которыхъ рѣшались народныя дѣла, производился судъ и пр., собирались въ священномъ лѣсу, въ присутствіи жрецовъ, которые у Ранъ напр. имѣли въ своихъ рукахъ судебную власть и даже считались выше князя. Храмы служили убѣжищемъ для лицъ, которымъ грозила смерть и пр. Судъ, поставленный подъ покровительство Божества, почти у всѣхъ Славянъ об-

---

[1]) «Das Recht steht in engerer Beziehung zu der Religion; im Alterthume wurden die Gesetze unter den besonderen Schutz der Gottheit gestellt. Diesz ist um so natürlicher, als die Macht, welche die Gesellschaft gegen den Einzelnen ausübt, um ihn zur Befolgung der Gesetze zu verhalten, auf eine höhere Gewalt sich stützen musz, wenn sie überhaupt Anerkennung finden soll, denn ohne Anerkennung einer höhern Gewalt wird die untergeordnete nicht anerkannt. Ueberdiesz ist es klar, dasz die menschliche Fähigkeit die objective Wahrheit zu erforschen, eine beschränkte ist und sie die Erkenntnisz derselben nicht selten den höheren Mächten überlassen musz; daher lisz das Alterthum durch die s. g. Ordale die Gottheit selbst das Urtheil fallen und als Berufung an Gott zur Bekräftigung der Wahrheit kommt der Eid noch jetzt zur Geltung. Nicht ohne tiefe Begründug ist auch die Bezeichnung der Verträge als heilig: sanctum, sancitum, svęnt, svaty.» *Irečka* Das Recht in Böhm. I. 42 Ср. также Slov. pr. I. 147. 148.

[2]) См. *Гильфердинга* Ист. балт. Сл. 165. 166. *Макушева* Сказ. иностр. 106. *Карамзина* Ист. Рос. час. I. 87. 101. 347. 552.

ставленъ былъ религіозными обрядностями, — они допускали даже возможность обращаться въ извѣстныхъ случаяхъ къ сверхъестественной помощи на судѣ (ордаліи). Наконецъ, исполненіе обычаевъ, какъ уже замѣчено, нерѣдко считалось у Славянъ религіозной обязанностью (напр. обычай мести, гостепріимства и пр.), отступленіе отъ которой не всегда могло оставаться безнаказаннымъ. Всѣ эти факты вполнѣ подтверждаютъ мысль о томъ, что по своимъ внутреннимъ основамъ и мотивамъ право Славянъ, какъ и другихъ народовъ первобытной эпохи, находилось въ неразрывной связи съ народными религіозными воззрѣніями и вѣрованіями.

Съ другой стороны, старославянское право такъ сказать пропитано было началами *общиннаго быта*, несомнѣнно господствовавшаго въ историческое время у всѣхъ славянскихъ племенъ. Въ своемъ мѣстѣ мы подробнѣе разсмотримъ доводы объ общинности быта старыхъ Славянъ; теперь сдѣлаемъ общее замѣчаніе по этому предмету. Община—основное начало старославянскаго права, отражавшееся во всѣхъ деталяхъ общественной и частной жизни Славянъ. Волостное устройство союзовъ—семейныхъ и территоріальныхъ общинъ съ автономическимъ характеромъ, сводившихся въ большіе союзы—жупы и волости; самосудъ общинъ, основанный на началѣ народоправства, съ его системой народныхъ сходокъ и старѣйшинства; общинное равенство общественныхъ разрядовъ, безъ намека на сословное ихъ значеніе; система общинныхъ повинностей (градозиданіе, порука и пр.); общинный характеръ отношеній семейныхъ (задруга), имущественныхъ, наслѣдственныхъ и цѣлаго ряда отношеній права уголовнаго (потокъ, вира и т. д.) и процесса (сводъ, слѣдъ и пр.),—вотъ главныя явленія, охватывающія собой всю юридическую жизнь народа и въ одинаковой мѣрѣ пропитанныя общинными бытовыми началами. Смягченіе и постепенная отмѣна этихъ началъ составило

трудную задачу послѣдующей исторической жизни Славянъ, когда старыя бытовыя начала вступили въ борьбу съ новыми государственными воззрѣніями и порядками, когда вмѣстѣ съ тѣмъ вся система права стала получать новый характеръ и направленіе.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о *судьбѣ обычнаго права* у насъ и другихъ Славянъ въ позднѣйшія эпохи государственной ихъ жизни. Партикуляризмъ — основная черта древняго обычнаго права — удерживался въ русскомъ правѣ и позже, высказался въ системѣ мѣстныхъ законовъ XIII—XV вѣковъ; но исключительное господство обычнаго права должно было прекратиться раньше, именно со времени образованія у насъ общей (княжеской) власти, когда явились особые органы законодательства. Сфера дѣйствія обычнаго права впрочемъ ограничивалась очень медленно: обычай постепенно уступалъ мѣсто закону, удерживалъ за собою въ теченіи всей древней исторіи значеніе вспомогательнаго источника права. Первые наши уставы и законы—Русская Правда, Псковская судная грамота и пр., представляютъ не больше, какъ тѣже народные обычаи, только санксированные письменнымъ изложеніемъ ихъ въ уставахъ и грамотахъ. Рознь между обычаемъ и формальнымъ правомъ, замѣтная уже отчасти въ памятникахъ XV вѣка [1]), проявляется съ особенною силою не раньше эпохи Судебниковъ. Дѣйствіе обычнаго права у насъ постепенно ограничивалось:

α) Въ сферѣ нравственно—религіозныхъ отношеній. Съ введеніемъ христіанства являются у насъ церковные уставы, въ которыхъ вѣдѣнію церкви подчиняются въ особенности

[1]) Напр., хоть въ Псковской судной грамотѣ, дѣлающей различіе между *пошлиной* (обычаемъ) и *закономъ*; см. Пск. суд. гр., изд. 1868 г., стр. 12 («А у котораго человѣка, у государя, изорникъ помретъ») и 14 («А подсусѣдникъ на государи ссуди» и пр.). Также въ нѣкоторыхъ другихъ грамотахъ встрѣчается подобное же различіе между обычаемъ и закономъ: «а посаднику и тысяцкому судить по обычаю» и пр. См. *Карамзина* Ист. Рос. Госуд. V. примѣч. 106.

семейственныя и иныя отношенія съ нравственно—религіознымъ характеромъ. Дѣйствовавшіе здѣсь народные обычаи, хоть и не безъ долгой и упорной борьбы, ограничиваются и наконецъ вовсе вытѣсняются правилами церковнаго законодательства.

β) Въ сферѣ уголовнаго и частнаго права. Ограниченіе и за тѣмъ отмѣна мести и другіе институты Русской Правды XI столѣтія, хотя въ большинствѣ и заимствованные изъ обычаевъ, являлись уже значительнымъ ограниченіемъ старыхъ обычаевъ въ сферѣ уголовнаго права. Подобное же значеніе слѣдуетъ давать постановленіямъ Русской Правды XIII вѣка о наслѣдствѣ, договорахъ и пр. Законы мѣстные и въ особенности московскіе еще болѣе стѣснили и ограничили дѣйствіе обычаевъ въ отношеніяхъ частнаго и уголовнаго права.

γ) Въ сферѣ отношеній публичнаго права. Внутренній бытъ общинъ долгое время основывался у насъ на обычаяхъ. Преобладаніе закона въ отношеніяхъ государственнаго права начинается собственно съ XVI в., когда московскіе законы постепенно ввели вездѣ однообразные порядки въ государственномъ устройствѣ и управленіи.

Вообще говоря, обычное право не теряло у насъ своей силы въ теченіи всей древней исторіи. Въ эпоху Правды, не смотря на то, что послѣдняя развила общія юридическія правила, обычаи въ дѣйствительности брали свое, поддерживая въ русскомъ правѣ партикуляризмъ, господствовавшій въ полной силѣ въ докняжескую эпоху. Борьба между старой системой дробности и розни обычаевъ и системой общихъ законовъ, впервые развитыхъ Русской Правдой, явно высказалась у насъ въ удѣльно-вѣчевую эпоху и длилась еще долго въ періодъ московскій (до изданія Уложенія). Только съ окончательной ломкой стараго политическаго порядка княжеской эпохи, исчезаетъ въ законодательствѣ партикуляризмъ. Самый обычай только съ петровскихъ реформъ окончательно перестаетъ вліять на ходъ развитія русскаго права.

У другихъ славянскихъ народовъ обычное право также подверглось съ теченіемъ времени болѣе или менѣе важнымъ измѣненіямъ, въ силу ли внѣшнихъ вліяній, какъ это было напр. у Балтійскихъ Славянъ, гдѣ уже въ XIII столѣтіи, вмѣстѣ съ потерей народомъ политической самостоятельности, право туземное, славянское, было вытѣснено иноземнымъ правомъ—нѣмецкимъ: или перемѣны возникали, какъ естественное слѣдствіе внутренняго развитія народной жизни, переставшей удовлетворяться старыми порядками. Въ жизни и правѣ южныхъ Славянъ сохранилось больше всего остатковъ отъ тѣхъ обычаевъ и порядковъ, которые имѣли мѣсто у Славянъ въ эпоху исключительнаго господства обычнаго права. У Славянъ чешскихъ и польскихъ новые юридическіе порядки стали развиваться вмѣстѣ съ зарожденіемъ и упроченіемъ у нихъ государственности. Впрочемъ древнѣйшіе памятники славянскихъ законодательствъ—Душановъ Законникъ, Винодольскіе Законы, Полицкій Статутъ, Вислицкій Статутъ и мн. др., основаны въ большинствѣ своихъ постановленій на старыхъ народныхъ обычаяхъ, отличаются замѣчательнымъ внутреннимъ единствомъ, взаимно восполняютъ и объясняютъ другъ друга. Связь съ старославянскимъ правомъ утрачивается въ законодательствѣ юго-западныхъ Славянъ въ позднѣйшія эпохи (начиная съ XV и особенно XVI столѣтій) потери національной независимости, когда славянское право подчинилось сильнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, а у нѣкоторыхъ племенъ и вовсе вытѣснено было иноземнымъ законодательствомъ. Въ одномъ лишь русскомъ законодательствѣ можно прослѣдить непрерывное развитіе славянскаго права. Изложеніе главнѣйшихъ явленій по внѣшней и внутренней исторіи русскаго права и составитъ предметъ слѣдующихъ отдѣловъ нашего курса.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Главнѣйшія свѣдѣнія о бытѣ древнихъ Славянъ, извлеченныя изъ лѣтописей и другихъ источниковъ [1].

I. *Геродотъ*, 456—444 до Р. Хр. (См. Spisy Шафарика, II. 673—675).

Herodoti Halicarnassei Historiarum libri IX. interpr. lat. ed. J. Gronov. Lugd. Batav. 1715.—Gr. ed. A. Mattiae et N. Apetz. Lips. 1825.

Lib. III. cap. 115. De extremitatibus autem Europae ad vesperam quod pro comperto referam non habeo. Neque enim assentior fluvium quendam Eridanum a barbaris vocitari, qui exit in mare ad septentrionem spectans, unde electrum venire narratur. Ne Cassiteridas quidem novi insulas, unde ad nos

---

[1]) Извѣстія римскихъ и византійскихъ историковъ и западныхъ лѣтописцевъ мы заимствовали изъ Славянскихъ Древностей *П. Шафарика*, см. Sebrané spisy, 1863, díl II, стр. 673—732. Извѣстія восточныхъ географовъ и путешественниковъ взяты изъ сборниковъ: *M. Charmoy*—Relation de Masoudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens slaves (помѣщ. въ Mémoires de l'Acad. impér. des sciences de St-Péterb. VI-me série, Tome II, 1834, стр. 297—408); *D'Ohsson* — des peuples du Caucase (Paris, 1828, стр. 85—115), *Frähn* — Ibn — Foszlan's u. anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit (Spb. 1823) и *Д. Хвольсона* Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Русскихъ, Абу Али Ахмеда Бенъ Омара Ибнъ-Даста, арабскаго писателя начала X в (въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1868 г. Дек и отдѣльно).

venit cassiteros, stannum: nam vel ipsum coarguit nomen Eridanus, quod Graecum est, et non barbarum, ab aliquo poeta fictum. Sed etsi hoc studiose quaesivi, a nemine, qui ipse viderit, accipere possum, quomodo se habeat mare ad illam Europae partem. Ab extrema itaque ad nos venit stannum electrumque.

Lib. IV. cap. 17. Supra Halizones autem incolunt Scythae aratores, qui non ad edendum serunt triticum, sed ad vendendum. Supra hos incolunt Neuri. Quorum tractus qui ad aquilonem vergit, quantum nos scimus, ab hominibus desertus est. Atquae hae quidem nationes juxta flumen Hypanin colunt, ad occidentalem partem Borysthenis.

Cap. 102. Scythae inter se colloquuti, quum soli impares essent copiis Darii proelio repellendis, nuncios ad finitimos misere. Eorum reges quoque ubi convenere, consultabant, ut ingenti exercitu invadente. Erant autem qui convenerant reges, Taurorum, et Agathyrsorum, et Neurorum, et Androphagorum, et Melanchlaenorum, et Gelonorum, et Budinorum, et Sauromatarum.

Cap. 105. At Neuri Scythicis quidem utuntur moribus, qui una ante Darii expeditionem aetate coacti fuerant solum vertere propter serpentes. Nam serpentum cum magna vis ex ipsorum solo est edita, tum major superne e locis desertis ingruerat: quibus usque adeo infestati fuerunt, ut relicto suo solo cum Budinis habitaverint. Iidem homines in periculum veniunt, ut praestigiatores habeantur; dicuntur enim a Scythis et ab iis, qui in Scythia incolunt, Graecis, semel quotannis singuli ad paucos dies effici lupi, et rursus in pristinum habitum redire. Quod tamen dicentes mihi non persuadent: nihilominus tamen illi ajunt ita esse, ac dejerant.

Cap. 108. Budini ingens natio atque numerosa, vehementer caesiis oculis omnis ac rufa: quorum urbs nomine Gelonus

e materia constructa est; muri ea magnitudo est, ut singula latera tricenorum stadiorum sint; est vero altus et totus ligneus. Aedes quoque cum privatae, tum sacrae sunt e materia. Nam sunt ibi deorum Graecorum templa Graecanicae extructa, simulacris, aris, delubris ligneis. Baccho triennalia agunt, et bacchanal exercent. Quippe Geloni sunt ab originis vetustate Graeci, sed ex emporiis summoti inter Budinos habitaverunt: lingua partim Scythica, partim Graeca utentes.

Cap. 109. Budini non lingua, non victu utuntur eodem cum Gelonis: nam Budini, utpote indigenae, tum pastores sunt, tum soli ejus regionis nuces pineas edunt. At Geloni agriculturae operam dantes frumento victitant, et hortos possident, nihil illis neque aspectu neque colore similes: a Graecis autem etiam Budini vocantur Geloni, non recte vocantibus. Horum regio omnis est arboribus omnis generis frequens; et ubi plurimum consita, ibi est lacus ingens et multus, et palus ac circa eam arundo. In eo lacu lutrae capiuntur, et castores, et aliae ferae oris quadrati, quorum pelles circa renones adsuuntur, et testiculos habent ad uterorum medelam utiles.

Cap. 119. Haec quum Scythae denunciassent, ii, qui e nationibus venerant, reges deliberabant, sed discordes eorum erant sententiae. Nam Gelonus quidem et Budinus et Sauromates concordes receperunt se Scythis auxilio futuros: Agathyrsus autem et Neurus et Androphagus et Melanchlaenorum Taurorumque reges ita Scythis responderunt, etc.

II. *Тацитъ*, 60 — 97 (См. Spisy Шаф. II. стр. 677).

C. Cornelii Taciti Germania. Ed. J. Grimm. Gott. 1835.

Cap. 46. Hic Sueviae finis, Peucinorum Venedorumque et Fennorum nationes Germanis an Sarmatis adscribam, dubito:

quamquam Peucini, quos quidam Bastarnas vocant, sermone, cultu, sede ac domiciliis, ut Germani agunt. Sordes omnium ac torpor procerum: connubiis mixtis nonnihil in Sarmatarum habitum foedantur. Venedi multum ex moribus traxerunt. Nam quiquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur, latrocinniis pererrant. Hi tamen inter Germanos potius referuntur, quia et domos fingunt et scuta gestant et pedum usu ac pernicitate gaudent; quae omnia diversa Sarmatis sunt, in plaustro equoque viventibus. Fennis mira feritas, foeda paupertas: non arma, non equi, non Penates: victui herba, vestitui pelles, cubile humus. Sola in sagittis spes, quas, inopia ferri, ossibus asperant. Idemque venatus viros pariter ac feminas alit. Passim enim comitantur, partemque praedae petunt. Nec aliud infantibus ferarum imbriumque suffugium, quam ut in aliquo ramorum nexu contegantur. Huc redeunt juvenes, hoc senum receptaculum. Sed beatius arbitrantur, quam ingemere agris, inlaborare domibus, suas alienasque fortunas spe metuque versare. Securi adversus homines, securi adversus deos, rem difficillimam adsecuti sunt, ut illis ne voto quidem opus esset. Cetera jam fabulosa: Hellusios et Oxionas ora hominum vultusque, corpora atque artus ferarum gerere. Quod ego, ut incompertum, in medium relinquam.

III. *Іорнандъ*, около 552 г. (См. Spisy Шаф. II. стр. 687).

Iornandis (s. *Iordanis*) De Getarum sive Gothorum orig. et reb. gestis, ed. cum Chron. Ursperg. C. Peutinger. Aug. Vind. 1515. Позд. Изданія — Forneri — 1588, Lindenbrog 1611, Gruteri 1611 и пр.

Cap. 5. Scythia siquidem, Germaniae terrae confinis, eotenus, ubi Hister oritur amnis, vel stagnum dilatatur Musia-

num, tendens usque ad flumina Tyram, Danastrum et Vagosolam etc.... Quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutentur, principaliter tamen Sclavini et Antes nominantur. Sclavini a civitate Novietunense et lacu, qui appellatur Musianus, usque ad Danastrum, et in Boream Vistula tenus, commorantur. Hi paludes silvasque pro civitatibus habent. Antes vero, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprum, quae flumina multis mansionibus ab invicem absunt. Ad litus autem Oceani, ubi tribus faucibus fluenta Vistulae fluminis ebibuntur, Vidivarii resident, ex diversis nationibus aggregati; post quos ripam Oceani item Esti tenent, pacatum hominum genus omnino. Quibus in Austro adsedit gens Agazzirorum fortissima, frugum ignara, quae pecoribus et venationibus victitat. Ultra quos distenduntur supra mare Ponticum Bulgarorum sedes, quos notissimos peccatorum nostrorum mala fecere. Hinc jam Hunni, quasi fortissimarum gentium faecundissimus cespes, in bifariam populorum rabiem pullularunt.

Cap. 23. Nam praedicta gens, Ablavio historico, referente, juxta Maeotidas paludes habitans in locis stagnantibus, quas Graeci hele vocant, Eruli nominati sunt; gens quantum velox, eo amplius superbissima. Nulla siquidem erat tunc gens, quae non levem armaturam in acie sua ex ipsis elegerit. Sed quamvis velocitas eorum ab aliis saepe bellantibus non evacuaretur, Gothorum tamen stabilitati subjacuit et tarditati, fecitque causa fortunae, ut et ipsi inter reliquas gentes Getarum regi Ermanarico serviverint. Post Erulorum caedem idem Ermanaricus in Venetos arma commovit, qui quamvis armis disperiti, sed numerositate pollentes, primo resistere conabantur. Sed nihil valet multitudo in bello, praesertim ubi et deus permittit, et multitudo armata advenerit. Nam hi, ut initio expositionis vel catalogo gentis dicere coepimus, ab una stirpe

exorti tria nunc nomina edidere, id est, Veneti, Antes, Sclavi: qui quamvis nunc ita facientibus peccatis nostris ubique desaeviunt, tamen tunc omnes Ermanarici imperiis serviere. Aestorum quoque similiter nationem, qui longissimam ripam oceani Germanici insident, idem ipse prudentiae virtutae subegit, omnibusque Scythiae et Germaniae nationibus ac si propriis laboribus imperavit.

IV. *Прокопій*, 552 (См. Spisy Шаф. II. стр. 692).

Procopii Caesariensis De Bello Gothico libri IV. въ Pr. Opera. Paris. 1663 (Латин. переводъ Клавдія Мальтрета).

L. III. c. 14 (ed. Paris. I. 498). Posquam autem res in vulgus emanavit, Antae fere omnes convenere illius causa, utque in commune transigeretur, sanxerunt, magnum sibi emolumentum ex eo venturum rati, quod Chilbudium, Romanae militiae magistrum, in sua jam tenerent ditione. Et vero hi populi, Sclaveni inquam et Antae, non uni parent viro; sed ab antiquo in populari imperio vitam agunt: ac propterea utilitates et damna apud ipsos in commune vocari solent. Aliarum etiam rerum fere omnium ratio ab utrisque Barbaris servatur eadem, fuit que (къ fuit) olim constituta. Unum enim Deum, fulguris effectorem, dominum hujus universitatis solum agnoscunt, eique boves et cujusque generis hostias immolant. Fatum minime norunt, nedum illi in mortales aliquam vim attribuant; at quum sibi vel morbo correptis vel praelium ineuntibus jam mortem admotam vident, Deo vovent, si evaserint, continuo victimam pro salvo capite mactaturos: elapsi periculo, quod promisere, sacrificant, eaque hostia vitam sibi redemptam credunt. Praeterea fluvios colunt et Nymphas, et alia quedam numina: quibus omnibus operantur et inter sacrificia conjecturas faciunt divinationum. In tuguriis

habitant vilibus et rare sparsis, atque habitationis locum subinde mutant. Quum pugnam invadunt, multi pedibus tendunt in hostem, scutula spiculaque gestantes manibus. Loricam non induunt: quidam nec subuculam habent, nec pallium, sed cum femoralibus tantum, ad virilia usque aptis, hosti se offerunt ad certamen. Una est utrisque lingua admodum barbara. Nec forma corporis inter se differunt. Sunt enim proceri omnes acrobustissimi. Colorem nec summe candidum habet cutis nec flavum coma: neque is plane in nigrum deficit: at subrufus est et quidem omnibus. Vitam aeque, ut Massagetae, victu arido incultoque tolerant, toti, sicut illi, sordibus et illuvie semper obsiti. Ingenium ipsis nec malignum nec fraudulentum; et cum simplicitate mores Hunnicos in multis retinent. Nomen etiam quondam Sclavenis Antisque unum erat: utrosque enim appellavit Sporos antiquitas, ob id opinor, qui σποράδην, hoc est sparsim et rare positis tabernaculis regionem obtinent: quo fit, ut magnum occupent spatium. Et vero ulterioris ripae Istri partem maximam habent. Hactenus de gente illa.

V. *Маврикій*, 582—602 (См. Sp. Шаф. II. 694).

Mauricii Strategicum l. XI. c. 5. in Io. Schefferi Arriani Tactic. et Mauricii Art. milit. l. XII graec. et lat. Upsaliae 1664. p. 272—290.

Quomodo sit congrediendum cum Sclavis et Antis et similibus.

Sclavorum gentes et Antum una vivendi ratione moribusque similibus utuntur, libertatem quoque colunt, nec ulla ratione ad serviendum vel parendum parsuadentur, maxime in regione propria fortes tolerantesque. Sustinent facile frigus et calorem

et nuditatem corporum et victus penuriam. Sunt quoque adversus peregrinos benigni magnoque studio servant incolumes salvosque de uno loco in alium deducunt, quo necesse habent, ut et, si per incuriam ejus, qui servare talem debet, accidat, ut damno peregrinus afficiatur, bellum ipsi inferat vicinus ejus, pietatem arbitratus, sic ulcisci peregrinum. Qui sunt in captivitate apud eos, non omni tempore, ut apud gentes alias, in servitute tenentur, sed certum eis definitur tempus, in arbitrio eorum reliquendo, si oblata mercede velint dein reverti ad suos, aut manere apud ipsos liberi et amici. Abundant copia brutorum omnis generis et terrae nascentium, quae comportant in cumulum, praecipue vero milii et panici. Pudicitiae servantes vero et feminae eorum supra omnem modum erga maritos suos, adeo ut earum multae virorum suorum mortem proprio interitu solari voluerint, seque ipsas suffocarint ultro, non ferentes vitam solitariam. In sylvis autem et ad fluvios et paludes lacusque aditu difficiles habitant. Multifarios exitus faciunt aedium suarum, propter varia, quae forte possunt accidere. Res suas necessarias recondunt sub terra, nihil superfluum palam possidentes, sed viventes instar praedonum. In locis difficilibus et angustis et latebrarum plenis amant confligere cum hostibus. Utuntur autem frequenter incursionibus et repentinis irruptionibus et dolis, tempore nocturno diurnoque, multa variaque per ludibrium simulantes. Inter artes vero eorum est etiam subire flumina. Plus enim quam ceteri homines et melius durant in aquis, adeo ut saepe aliqui versantes in propriis, cum ex improviso invaduntur, per mersos in profundo aquae calamos longos ad hoc factos intusque penitus excavatos, et ab oris ipsorum pertinentes ad summitatem aquae usque, jacentes supini in profundo spiritum ducant, et sic durent longo tempore, ut nulla amplius suspicio sit de iis. Sed et si accidat forte, ut calami exterius cernantur, nati putantur ab iis, que rem hanc ignorant. Itaque illi,

qui hoc noverunt, et calamum ex sexione aut positione dignoscunt, vel compungunt ora ipsorum cum illis, vel avellunt eos, atque sic ex aqua producunt, dum manere diutius in aqua nequeunt. Armantur autem jaculis duobus quilibet, quidam vero ex ipsis etiam scutis, validis quidem, sed quae difficulter huc illucque possunt transferri. Utuntur quoque arcubus ligneis, et sagittis parvis, veneno illitis, quod est valde efficax, nisi theriacae potum sumserit, qui vulneratus est, vel alia praesidia adhibuerit, quę norunt medici periti, aut vulnus statim circumciderit, ne longius venenum serpat, totumque corpus reliquum invadat. Neminem ferunt imperantem, seque mutuo prosequuntur odio. Sed neque ordinem noverunt, nec conjunctim curant pugnare, vel in locis nudis planisque se ostendere. Sique accidat, ut in pugnam contra ire ausint, conclamentes simul parum se movent, et si hostes clamori eorum respondeant, advertunt celerrime. Si vero non, vertuntur, neque curant collato pede vim suorum adversariorum experiri. Verum tendunt in sylvas, a quibus plurimum adjuvantur, ut qui apprime sciant praeliari inter angustias. Sed et non raro praedam offerunt cum simulatione quapiam pavoris, velut desererent eam, conceduntque in sylvas, iisque, qui superveniunt et circum praedam vagantur, magnum afferunt detrimentum, strenue regressi. Hocque diversimode ac ultro facere student, ut sit velut esca, qua hostes capiant. Omnino autem perfidi, nec facile consentiunt in pacta, ut qui terrore magis quam praemiis subigantur. Cum enim contrariae in eis regnent sententiae, aut non conveniunt inter se, aut si qui conveniunt placita eorum statim ceteri transgrediuntur, cum omnes contrarie inter se sint animati, neuterque alteri velit obsequi.... Oportet autem impetus adversus eos fieri hiberno tempore potissimum, cum arboribus nudatis bene nequeunt latere, et nix vestigia fugientium moratur, et res familiaris est exigua, ipsiqui velut nudi praeterea et ob

glaciem flumina transiri posunt.... Cavendum autem, quantum potest, ne in loca impedita difficiliaque aestatis tempore ullatenus transeatur quoquo modo, absque exploratione praevia, maxime si hostes fuerint conglobati, antequam per pedites vel equites fuerint expulsi.... Cum vero multi inter eos sint reguli, neque inter se concordes, non fuerit inconveniens, aliquos eorum trahere in partes suas, vel persuasionibus, vel largitionibus, maxime eos, qui viciniores sunt, et venire ad ceteros solent, ne se omnes hostiliter jungant et sub unius imperium concedant. Oportet quoquo refugos aut profugos, qui se diter monstraturos pollicentur, aut ducturos aliquo, diligenter custodire. Nam et Romani sunt, qui obsequuntur tempori, et suorum obliviscuntur, et gratiam pluris hostium quam suorum faciunt. Quod si fidem bonam servant, beneficiis affici, si malum faciunt, puniri debent. Commeatus vero, qui per regionem inveniuntur, non nimis et intempestive absumendi, verum danda opera, ut in regionem nostram transferantur per jumenta vel navigia. Nam cum fluvii ipsorum se Danubio committant, facile transvectiones possunt fieri per navigia.... Sclavorum quippe atque Antum regiones cum ad flumina continuo sint sitae, quae se mutuo sic contigunt, ut inter ea nullum relinquatur spatium, quod sit memorabile, sylvis aut paludibus aut arundinetis omnia complentibus, accidit fere in universum, ut qui expeditionem suscipiunt contra eos, statim in limine regionis eorum consistere cogantur, cum cetera sint impervia, et densissimis sylvis consita, in quibus facile exaudiunt in propinquo iter facientes, ideo celerrime effugiunt, qui accedere ad ipsos conantur. Cumque juvenes eorum sint expediti, data occasione clam militibus superveniunt, ut sic non multum nocere possint eis hostes, qui expeditionem contra ipsos suscipiunt.... In hujuscemodi incursionibus autem non oportet copias, quae confligunt, ducere captivos, verum obvios quosque

interficere, ac progredi, nec in eodem loco subsistere, maxime qui praecedunt, atque occasiones apprehendere.

VI. *Левъ Философъ*, 886—911 (См. Sp. Шаф. II. 699).

Leonis Imp. Tactica sive de Re militari liber. In Io. Meursii Operibus ex recensione I. Lami Vol. VI. Flor. 1745.

Cap. XVIII. no. 79. Nam et Sclavi quoque olim erant (pagani et liberi), quando trans Istrum, quem Danubium adpellamus, habitabant. Hos expugnabant Romani, quum pastorum more vitam transegerunt, qui antequam Istrum transirent sub jugum Romanae ditionis colla submittebant. Istorum mores atque instituta nullo modo praetermitenda judicavi, sed omnia tibi percensere pro viribus enitar, ut apis instar ex uno quoque, quod optimum atque utilissimum est, delibes.

99. Sclavorum quoque gentes et vitae victusque ratione et moribus aliae aliis sunt persimiles, ingenuae atque liberae, quibus servitus et subjectio nulla unquam ratione persuaderi potuit, praesertim tum, cum ultra Danubium in propria regione habitarent, unde etiam huc traductae et quodammodo servitutem amplecti coactae, nemini alii libentius servire volebant, quam quodammodo suis: melius enim arbitrabantur, a principibus gentis suae atteri et opprimi, quam Romanis parere, subjicique legibus. Quae autem salutaris baptismatis sanctificationem sunt amplexae, hoc ipsum usque ad nostra tempora quantum quidem in ipsis est, pro veteris libertatis consuetudine, retinent atque observant.

100. Abundabant virorum numero et aerumnarum erant patientes, quae scilicet aestum, frigus, pluvias, corporis nuditatem, commeatuum et rerum necessariarum inopiam facile perferrent.

101. His vero noster pater et Romanorum Imperator Basilius, beata nunc quiete perfruens, persuaserat, ut veteres deponerent mores; quos deinde ad Graecorum vite consuetudinem traducens, et Romani regiminis forma Praefectis subjiciens, sacro praeterea baptismate honorans, a principum servitute, quibus ante usi erant, liberavit, et contra gentes Romanis inimicas arma ferre docuit, magno quodam studio ac diligentia eo in negotio versatus: qua re Romanos sollicitudine liberavit, qui saepe antea Sclavorum tumultibus infestabantur, et multa bella ab ipsis illata tolerabant.

102. Erant autem Sclavorum populi hospitalitatis, nescio quomodo dicam, supra modum studiosissimi; quam negligere, neque nunc aequum ducunt, et pari, ut ante, studio, observant.

103. Erga peregrinos, qui ad ipsos advenirent, erant benigni ac mansueti, quos benevole complectendo et hospicio excipiendo salvos atque incolumes praestabant, nec non alternatim de loco in locum comitabantur, quodque ipsos injuriae omnis expertes et sufficienti viatico provisos conservaturi essent, alii aliis spondebant. Itaque si per ejus socordiam, cui peregrinus erat traditus, contigisset eum injuria affici, is, qui tradiderat, bellum illi movebat: peregrini ultionem prae veneranda fide existimans esse potiorem.

104. Alterum quoque ipsis olim multo humanius esse videbatur, nam eos, qui bello capti apud ipsos versabantur, non indefinito tempore, donec scilicet ipsi vellent, in servitute detinebant: sed id ipsum potius captivorum arbitrio relinquebant, certo servitutis tempore illis praescripto, ut post certum illud tempus, si vellent, aut ad suos cum stipulata quadam mercede reverterentur, aut, sin mallent apud ipsos esse, liberi atque amici permanerent.

105. Castitate autem feminae quoque ipsorum erant quam maxima; et tanta quidem, ut earum multae suorum virorum

mortem suam propriam esse existiment, et se ipsae suffocent; viduam tolerare vitam non sustinentes.

106. Utebantur autem ad victum milio, maxime autem etiam temperantiae in cibis erant studiosi; qui alios agriculturae labores permoleste praeterea ferrent; quod liberaliorem et minus laboriosam agere vitam mallent, quam magno labore sum tuosos cibos, vel pecunias adipisci.

VII. *Константинъ Порфирородный*, 945—959 (См. Spisy Шаф. II. 714).

Constantini Porphyrogennetae De administrando Imperio. Въ Anselmi Banduri Imperium Orientale sive Antiquitat. Constantinopolit. Paris. 1711. Fol. T. I.

Cap. IX. De Russis e Russia Constantinopolim in lintribus venientibus. Sclavi autem ipsorum (Russorum) tributarii, Crivitaeini dicti, et Lenzanini, nec non ceteri Sclavinii, in montibus suis monoxyla, sive lintres, hyemis tempore caedunt, ipsosque in aptam formam concinnatos, postquam sudo et sereno aëre soluta glacies est, in proximas paludes deducunt.... Hyberna vero et aspera Russorum vivendi ratio haec est. Ineunte Novembri mense, quam primum eorum principes cum universa Russorum gente egrediuntur Ciavo et in oppida proficiscuntur, quae Gyra appellantur, aut in Sclavica loca Vervianorum, Druguvitarum, Crivitzorum, Serbiorum, reliquorumque Sclavorum, qui Russis tributarii sunt. Illic vero peracta tota hyeme, rursum Aprili mense soluta glacie Danapris fluvii, Ciavum descendunt.

Cap. XXX. De Themate Dalmatiae narratio. Chrovati vero tunc (tempore occupatae ab Avaris Salonae) habitabant ultra

Bagivaream, ubi nunc sunt Belochrovati. Una autem generatio, nempe quinque fratres, Clucas, Lobelus, Cosentzis, Muchlo, Chrovatus, duaeque sorores, Tuga et Buga, una cum suis populis discedens ab ipsis in Dalmatiam venit, ubi Avares incolas invenerunt; belloque per annos aliquot inter eos gesto vicerunt Chrovati; Avarumque alios quidem interfecerunt, alios vero parere sibi coëgerunt: atque ex illo tempore a Chrovatis possessa haec regio fuit, suntque etiamnum in Chrovatia Avarum reliquiae, et Avares esse cognoscuntur. Ceteri vero Chrovati versus Franciam commorabantur, et appellantur hodie Belochrovati, sive Chrovati albi, qui proprio principi subjecti sunt. Parent autem Othoni Magno regni Franciae, quae et Saxonia; baptismique expertes affinitatem cum Turcis et amicitiam contrahunt. At a Chrovatis, qui in Dalmatiam venerunt, pars quaedam secessit et Illyricum atque Pannoniam occupavit: habebantque etiam ipsi principem supremum, qui ad Chrovatiae tantum principem amicitiae ergo legationem mittebat.... Divisa autem est eorum regio in Zupanias XI, quarum nomina Chleviana, Tzentzina, Imota, Pleva, Pesenta, Parathalassia, Brebera, Nona, Tnina, Sidraga, Nina; ipsorumque Banus tenet Cribasam, Litzam et Gutzicam. Et quidem praedicta Chrovatia cum reliquis Sclaviniis ita sita est: Dioclea porro propinqua est Dyrrachii oppidis Elisso, Helcynio et Antibari, extenditurque Decatera usque: montana autem Serbiae finitima sunt. A Decateris vero incipit Terbuniae principatus, porrigitque se Rausium usque, at versus montana Serbiae adjacet. A Rausio Zachlumorum principatus initium habet, et protenditur ad Orontium flumen usque; oraque maritima Paganis montana quae ad septentrionem, Chrovatis, quae in fronte, Serviae contermina est. Ab Orontio flumine Pagania incipit, et porrigitur usque ad Zentinam flumen et Zupanias tres habet, Rastotzam, Mocrum ac Dalen; et quidem duae Zupaniae Rastotza ac Mocrum, ad

mare sitae sunt et sagenas habent; Daleni vero Zupania procul mari sita est, et ejus incolae ex agricultura vivunt, etc.

Cap. XXXII. Principatu autem Serbiae a parte ad duos fratres devoluto, alter sumpta populi parte dimidia ad Romanorum Imperatorem Heraclium confugit, qui et excepto locum ad inhabitandum dedit in Thessalonicae Themate, qui ex eo tempore Serbia nuncupatur.... Aliquanto vero post visum est Serbiis in terram suam redire, et dimisit quoque illos Imperator; sed cum trajecissent Danubium flumen, poenitentia ducti, per Praetorem, qui tunc temporis Belegradum administrabat, ab Heraclio Imperatore petierunt, aliam sibi terram ad inhabitandum assignare vellet.

Cap. XXXIII. Romanorum igitur Imperatori prius parebat Zachlumorum regio, sed ab Avaribus postea subjugata, et in vinculis abductis ipsius incolis, tota haec regio deserta fuit. Qui vero nunc illic habitant Zachlumi, Serbii sunt, ab illo principe, qui ad Heraclium Romanorum Imperatorem confugit....

Cap. XXXIV. Terbuniae vero principes semper Serbiae principi parebant.

VIII. *Титмаръ Мерзебургскій*, 976 — 1018 (См. Spisy Шаф. II. 720).

Dithmari Episc. Merseb. Chronicon. Ed. J. A. Wagner. Norimb. 1807.

Lib. VI. p. 171. Hujus parietes variae deorum dearumque imagines mirifice insculptae, ut cernentibus videtur, exterius ornant; interius autem dii stant manufacti, singulis nominibus insculptis, galeis atque loricis terribiliter vestiti, quorum primus

Zuarasici dicitur et prae ceteris gentilibus honoratur et colitur. Vexilla quoque eorum nisi ad expeditiones necessaria, et tunc per pedites, hinc nullatenus moventur. Ad haec curiose tuenda ministri sunt specialiter ab indigenis constituti, qui cum huc idolis immolare, seu iram eorundem placare conveniunt, sedent hi duntaxat, ceteris adstantibus, et invicem clanculum mussantes terram cum tremore infodiunt, quo sortibus emissis rerum certitudinem dubiarum perquirant.

Quibus finitis cespite viridi eas operientes equum, qui maximus inter alios habetur, et ut sacer ab his veneratur, super fixas in terram duorum cuspides hastilium, inter se transmissorum suplici obsequio ducunt, et praemissis sortibus, quibus id exploravere, prius per hunc quasi divinum denuo augurantur, et si in duabus his rebus par omen apparet, factis completur; sin autem, a tristibus populis hoc prorsus omittitur. Testatur idem antiquitas errore delusa vario, si quando his saeva longae rebellionis asperitas immineat, ut e mari praedicto aper magnus et candido dente e spumis lucescente exeat, seque in volutabro delectatum terribilis quassatione multis ostendat. Quot regiones sunt in his partibus, tot templa habentur, et simulacra daemonum singula ab infidelibus coluntur, inter quae civitas supra memorata principalem tenet monarchiam. Hanc ad bellum properantes salutant, illam prospere redeuntes muneribus debitis honorant, et quae placabilis hostia diis offeri a ministris debeat, per sortes ac per equum, sicut praefatus sum, diligenter inquiritur. Hominum ac sanguine pecudum ineffabilis horum furor mitigatur. His autem omnibus, qui communiter Luitici vocantur, dominus specialiter non praesidet ullus. Unanimi consilio ad placitum suimet necessaria discutientes, in rebus efficiendis omnes concordant. Si quis vero ex conprovincialibus in placito his contradicit, fustibus verberatur, et si forinsecus palam resistit, aut omnia incendio et continua

depraedatione perdit, aut in eorum praesentia pro qualitate sua pecuniae persolvit quantitatem debitae. Infideles ipsi et mutabites ipsi immutabilitatem ac magnam exigunt ab aliis fidem. Pacem abraso crine supremo et cum gramine datisque affirmant dextris. Ad hanc autem perturbandam et facile pecunia corrumpuntur. Hi milites quondam servi, nostrisque iniquitatibus tunc liberi tali comitatu ad regem auxiliandum proficiscuntur. Eorum cum cultu corsortia, lector, fugias, divinarum mandata scripturarum auscultando adimple, et fidem, quam Athanasius profitebatur episcopus, discens, memoriterque retinens, haec, que supra memoravi, nil esse, probabis veraciter.

IX. *Адамъ Бременскій,* 1076 ум. (См. Sp. Шаф. II. 721) [1]).

M. Adami Historia ecclesiastica, въ E. Lindenbrogii Script. rer. german. septemtr., ed. Jo. Fabricius. Hamb. 1706.

De situ Daniae, cap. 221—227. Illarum autem insularum, quae Slavis adjacent, insignores accepimus tres. Quarum prima Fembre vocatur. Haec opposita est Wagris. Altera est contra Wilzos posita, quam Rani vel Runi possident, fortissima Slavorum gens, extra quorum sententiam de publicis rebus nihil agi lex est, ita illi metuuntur propter familiaritatem deorum vel potius daemonum, quos majori cultu ceteris venerantur. Ambae igitur hae insulae piratis et cruentissimis latronibus plenae sunt, qui et nemini parcunt ex transeuntibus. Tertia est illa,

[1]) У Шафарика приведены отрывки, кромѣ того, изъ слѣдующихъ сочиненій: *Plinii Secundi* Naturalis Historiae Libri XXXVII (изд. Sillig, 1831—36); *Ptolemaei Alexandrini* De Geographia (изд. Эразма 1533); *Marciani* Heracleotae Periplus in Geogr. vet. script. graec. (изд. Гудсона 1698); *Pauli Warnefridi* De gestis Longobardorum libri VI (изд. Певтингера 1515); *Mosis Chorenensis* Epit. geogr. 1683; *Kavennatis Anonymi* geogr. 1722; *Helmoldi* Chronica Slavorum (изд. Бангерта 1659) и др.

quae Semland appellari solet, contigua Ruzzis et Polonis: hanc inhabitant Sembi vel Prutzci, homines humanissimi, qui obviam tendunt ad auxiliandum his, qui in mari periclitantur, vel qui a piratis infestantur. Aurum argentumque pro minimo ducunt, pellibus abundant peregrinis, quorum odor nostro orbi lethiferum superbiae venenum propinavit. Et illi quidem ut stercora haec ad nostram forte habent damnationem, qui per fas nefasque ad vestem anhelamus marturinam, quasi ad summam beatitudinem. Itaque pro laneis indumentis, quae nos dicimus paldones, illi offerunt tam pretiosos martures. Multa ergo possent ex illis populis dici laudabilia in moribus, si solam Christi fidem haberent, cujus praedicatores imaniter persequuntur. Apud illos enim illustris Boemorum episcopus Adalbertus martyrio est coronatus. Usque hodie profecto inter illos, cum omnia communia sint nostris, solus accessus prohibetur lucorum et fontium, quos autumant Christianorum pollui accessu. Carnes etiam jumentorum pro cibo sumunt, quorum lacte vel cruore utuntur in potu, ita ut inebriari dicantur. Homines coerulei facie rubea et criniti, praeterea inaccessi paludibus, nullum inter se pati dominum volunt.

X. *Масудu*, 943 — 957 (См. Charmoy, 308).

Mas'oûdy Histoire des siècles passés, des peuples anciens, des nations éteintes et des royaumes anéantis que les vicissitudes de la fortune ont fait disparaître.

Chapitre XXXII (Charm. 312). Ils (Slaves) sont divisés en différentes races, qui se font souvent la guerre et dont chacune a son roi. Les uns professent la réligion chrétienne du rite Jacobite, tandis que d'autres n'ont point de livre

(sacré) et n'obéissent à aucune loi (révélée): ces derniers sont Païents, et n'on point d'idée des lois [1]). Ils se partagent en diverses races, dont une entre autres les dominait toutes dans les temps primordiaux, et dont le roi se nommait *Mâdjik* [2]). C'est à cette race nommée *Wélinâna* qu'obéissaient anciennement toutes les races Slaves, parce que c'était à elle qu'appartenait l'autorité souveraine, et que tous leurs rois lui etaient soumis.

(Стр. 314). Ce que nous avons nommé en fait de rois de ces races forme une catègorie (qui n'est) connue (que) par ses souverains. Quant à la race que nous avons désignée, et qui est connue sous le nom de Serbîne, les Slaves qui en font partie se livrent aux flammes lorsque leur roi et [3]) leur chef sont morts: ils brûlent en outre ses chevaux, et ont des usages semblables à ceux des Indiens.... Il se trouve dans le pays des Khazars, et sous les ordres de leur roi, une foule de Slaves et de Russes qui ont coutume de se brûler.

Quant au premier des rois Slaves, il se nomme *A'd-dîr:* il possède de grandes villes, beaucoup de pays florissants, de nombreuses armées et un attirait de guerre considérable. Les commerçants musulmans fréquentent sa capitale, où ils amènent toutes sortes de marchandises. Ce monarque a pour voisin, en fait de souverains Slaves, le roi *el-Awândj*, qui a (de même) beaucoup de villes et des provainces populeuses, des armées considerables un grand appareil militaire.

(Стр. 315). Les Slaves se partagent en une multitude de races et d'espèces différentes: cet ouvrage ne contiendra pas la description de leurs mombreuses espèces, ni la ramification

[1]) По друг. сп.—des arts.

[2]) По друг. сп.—Mâchal, Mahak.

[3]) Въ друг. спискѣ, вмѣсто „lés Slaves qui en font“ etc, стоитъ: La race la plus brave d'entre eux est appelée: ils se brûlent lorsque leur roi *ou* leur chef est mort.

de leurs diverses branches. Nous avons déjà parlé précédemment du roit auquel ils étaient jadis tous soumis: c'était Mâdjik, prince des Velinâna, une des suches de la nation Slave, qui la révérait généralement. Mais ensuite la discorde éclata entre toutes ces races, et l'ordre y fut troublé: elles furent ruinées, et chacune d'elles se choisit un roi particulier [1]) pour des raisons qu'il serait trop long d'énumérer.

Mas'oûdy Prairies d'or, qui traite entre autre des Khazars (помѣщ. Magasin asiatique, T. I).

Chap. XV. (Charm. 317). Quant aux Païens qui habitent le pays du roi des Khazars, il y en a plusieurs races (espèces), entre autre des Slaves et des Russes, qui habitent, un des deux quartiers (côtés) de cette ville (d'Itil). Ils brûlent leurs morts ainsi que leurs montures, leurs ustensiles et les ornements (qui leur appartenaient). Si un homme venait à mourir, on brûlait avec lui sa femme toute vive; mais si la femme mourait, le mari n'était pas livré aux flammes. Si le défunt était célibataire, on le mariait après son décès, et les femmes s'empressaient de se brûler pour entrer avec leurs âmes au paradis. C'est un des usages des Indiens; mais ceux-ci n'ont coutume de brûler la femme avec son mari que quand elle le juge convenable.

Il y a dans la capitale (d'Itil) sept juges, dont deux sont pour les Mahométans, et deux pour les Khazars: ceux-ci juges d'après le Pentateuque. Deux autres sont nommés pour les Chrétiens qui habitent cette ville, et qui prennent pour base de leur jugements le principes du Christianisme: le septième est pour les Slaves, les Russes et les autres Païens, qui jugent

[1]) По др. сп. — „leur donna un roi", или: „et chacune de leur races eut un roi".

d'après le systeme des Païens ; c'est-à-dire que leurs arrêts sont fondés sur les préceptes de la raison naturelle. Les Russes et les Slaves qui sont Païens font partie des armées du Roi et sont attachés à son service.

XI. *Эдризи,* 1153 (См. Charm. 324)

Chérif Edricy Délassement de l'amateur en parcourant les diverses contrées de la terre.

Le Slaves se divisaient en quatre races, savoir les *Szlâwïé,* les *Bérâszïé,* les *Kérâkertïe* et les *Ertzânïé.* Chacune d'elles, à l'exception des Ertzânïé, avait pris le nom du pays qu'elle habitait : ces derniers mangeaient tous les étrangers qui venaient chez eux ; car ils habitaient, comme des bêtes féroces, dans des bois et des forêts de roseaux situés sur le bord de l'Océan.

XII. *Ирбаимъ,* 1210. (См. Charm. 325).

Ibrahim ben Weszischâh Grand livre des merveilles.

Quant aux Slaves, ils se composent d'une multitude de peuplades. Les uns sont Chrétiens ; d'autres professent le Paganisme (ou Magisme), et adorent le soleil. Ils ont une mer d'eau douce, où les navires entrent du côté du nord, et dont les courants se dirigent vers le sud. . . . La plupart de leurs tribus sont Païennes (Mages), et il se brûlent eux-mêmes. Ils ont un grand nombre de villes et de places fortes, ainsi que des églises où sont suspendues des briques (ou de tuiles), sur lesqueles ils frappent en guise de cloches. Une de leurs peuplades,

qui se trouve entre les Slaves et le Francs, professe la religion chrétienne et révère les astres. Ils ont du génie et de jolies productions de l'art en tous genres.

XIII. *Якутъ*, въ концѣ XII или началѣ XIII в. (См. Charm. 327).

Yaqoût Dictionnaire alphabétique des pays.

(Стр. 330). Les Slaves se partagent en différentes races.... Ils se font souvent la guerre, et ont des rois. Il y en a qui professent la religion chrétienne (du rite) Jacobite; d'autres n'ont point de livre (sacré) ni de loi: ces derniers sont plongés dans l'ignorance. La race la plus brave se nomme *Srby:* ceux — ci se livrent aux flammes, lorsque leur roi et leur cheuf viennent à mourir.... Ils (Slaves) étaient jadis soumis à un seul et même roi; mais ensuite la discorde éclata entre eux, et chaque roi devint indépendant.

XIV. *Казвини*, 1275 (См. Charm. 335).

Zakaria Qazwiny Curiosités des pays et renseignements sur leurs habitants.

(Стр. 342). Abou—Hâmid el-Andaloucy [1]) raconte de son côté (о Славянахъ XII вѣка): Si l'un d'eux insulte la fille ou l'enfant d'un autre, on lui enlève tout ce qu'il possède. Si le coupable est pauvre, on vend ses enfants; et, à défaut de ces derniers, on le vent lui—même: il ne cesse dès lors de servir son maître que quand on le rachête.

[1]) Онъ посѣщалъ Болгарію въ XII вѣкѣ.

Si l'un d'eux fait des affaires de commerce avec un étranger, et qu'il fasse banqueroute (devienne pauvre), on vend sa femme, ses enfants, sa demeure et sa personne même pour acquitter la créance de l'étranger.

Tous les vingt ans, les vieilles femmes de ce pays se rendent coupables de sorcellerie; ce qui occasionne de grands troubles parmi le peuple. On saisit alors toutes celles que l'on trouve dans cette contrée, et on les jette, pieds et poings liés, dans un grand fleuve qui y passe. Celles qui surnagent, sont réputées sorcières et livrées aux flammes: celles, au contraire, qui s'enfoncent, sont déclarées innocentes de toute sorcellerie et remises en liberté.

S'il nait un fils à un homme de ce pays, il lui donne ses soins (mot-à-mot: *il s'occupe de son affaire)* jusqu'à ce que cet enfant atteigne l'âge de puberté. A cette époque, il lui remet un arc et des flèches, en lui disant: va, tâche de te tirer d'affaire (mot-à-mot: *sois ingénieux pour toi — même);* il le renvoie alors de chez lui et le considère comme un étranger. Leurs filles, encore vierges, sortent de leur maison la tête découverte, de sorte que chacun peut les voir: celui qui se sent de l'inclination pour l'une d'elles lui jette une coëffe sur la tête, et elle devient son épouse sans qu'il éprouve aucun refus. Il en épouse vingt et même d'avantage; c'est la raison pour laquelle leur nombre (des Slaves) est si grand qu'on ne saurait le calculer.

(Стр. 344). C'est une grande ville (Macheqa) du pays des Slaves, situés sur le bord de la mer, au milieu de jonchaies impénétrables pour les armées. Le souverain de cette ville se nomme Macheqa: il lui a donné son nom. Elle abonde en comestibles, en miel, en viande et en poisson. Les troupes du roi consist en infanterie, parce que la cavalerie ne peut marcher dans leur pays: il a des steppes dans son royaume.

Le prince distribue chaque mois des vivres à ses troupes; et, en cas de besoin, il leur fournir les cheveaux, les selles, les brides, les armes et tout ce qui leur manque. Celui à qui il nait un enfant, de l'un ou de l'autre sexe, reçoit du roi ses moyens de subsistance; et, lorsque cet enfant a atteint l'âge de puberté, le souverain le marie si c'est un garçon, et reçoit du père de ce jeune homme la dot (couvenue) qu'il remet à celui de la future; car la dot, chez eux, se paie d'avance. Celui à qui il est né deux ou trois filles s'enrichit, tandis que celui qui a deux ou trois fils, devient pauvre. Le mariage se fait au gré du roi, et non à leur choix. Le souverain se charge de fournir à toutes leurs dépenses, et c'est sur lui que pèsent celles de noces. Il est comme un tendre père pour ses sujets; et ceux-ci, contrairement aux autres Turques, sont très-jaloux de leurs femmes.

XV. *Габибъ—Уллахъ* (См. Charm. 346).

Din Habib—Ullah Recueil des sept climats.

Les Slaves habitent les régions les plus élevées des montagnes de Roûm. Le péché de la chair est un des plus grands à leurs yeux; et quiconque s'en rend coupable, quel que soit le sexe auquel il appartient, est mis en pièces à coups de hache. Lorsqu'un enfant atteint l'âge de puberté, le père le traite comme un étranger et lui remet des flèches avec un arc, en lui disant: Va, travaille pour toi.

Máchaqa est une grande ville du pays de Slaves qui a beaucoup de fôrets: on y donne aux femmes une forte dot payable par le père (du futur). Quiconque a beaucoup de garçons, devient pauvre, tandis que celui qui a de filles s'enrichit.

XVI. *Димешки*, 1392 г. (См. Charm. 350).

Imâm Chèms—u'd—din Dimèchcqy (*de Damas*) Essence des siecles sur les merveilles de la terre et de la mer.

Chap. IX. Sec. 4 (Charm. 353). Leur territoire (Slaves) renferme des villes et des châteaux forts.... Ceux-ci brûlent les corps de leurs rois après la mort de ces derniers, et consument avec eux leurs esclaves des deux sexes, leurs femmes et toutes les personnes attachées au service particulier de ces princes, telles que le secrétaire, le Vézîr, le favori (commensal) et le médecin.

Les Slaves, dit Abou-Obeïd el—Bekry, sont une nation redoutable, puissante et impétuese. S'ils n'eussent été divisées en un grand nombre de races et de tribues différentes, aucune nation au monde ne leur eût tenu tête. Ceux qui habitent le pays de Constantinople ne craignent pas le froid et périssent pendant les chaleurs.

XVII. *Бакуеи*, 1403 (См. Charm. 356).

Baqouwy (*de Baqou*) Exposition des choses les plus remarquables.

Ces peuples (Seclab, Slaves) ont une longue barbe, ne paient de tribut à personne et vivent avec leurs femmes comme des animaux.... ils forment plusieurs tribus qui se font la guerre: ils sont chrétiens Jacobites, d'autres Nestoriens; quelques—uns n'ont aucun religion; d'autres adorent le feu.... Il faut l'agrément du roi (du pays des Seklab) pour s'y marier; ce prince est absolu sur tous ses sujets.

XVIII. *Ибнъ-Фодланъ*, ок. 922 г. (См. Frähn. 1—23).

Ibn-Fosslan über die heidnische Russen.

(Стр. 3). *Rus*, auch *Rs* geschrieben, ist ein Volk, dessen Land an das der Slawen und Türken gränzt. Sie haben ihre eigene Sprache und eine Religion und ein göttlich Gesetz, worin si mit keinem andern etwas gemein haben.... Ihre Zahl schätzt man auf hundert tausend. Saaten und Heerden haben sie nicht. Die Slawen thun Streifzüge gegen sie, und nehmen ihnen ihre Habe. Wird einem von ihnen ein Sohn geboren, so wirft er dem ein Schwert hin und spricht: Dein ist nur das, was du dir mit deinem Schwerte erwirbst. Wenn ihr König (melik) zwischen zwei Widersachern einen richterlichen Ausspruch gethan und diese damit nicht zufrieden sind, so spricht er zu ihnen: Richtet unter euch selber mit euren Schwerten. Wessen Schwert dann das schärfste ist, dessen ist der Sieg.

(Стр. 5). Sie (Russen) sind die unsaubersten Menschen, die Gott geschaffen hat: sie reinigen sich nicht, wenn sie ein natürlich Bedürfniss verrichtet, und waschen sich eben so wenig, wenn sie sich nächtlich befleckt; wie wenn sie wild herumlaufende Esel wären.

(Стр. 7). Sie kommen aus ihrem Lande, legen ihre Schiffe im Itil, welches ein grosser Fluss ist, vor Anker und bauen sich an dessen Ufern grosse Häuser von Holz. In so einem Hause leben ihrer zehn oder zwanzig, auch mehr oder weniger, zusammen. Jeder von ihnen hat eine Ruhebank, worauf er und mit ihm seine Mädchen und die Schönen, die zum Verhandeln bestimmt sind, sitzen.

(Стр. 11). Stirbt er aber, so verbrennen sie ihn; jedoch, ist's ein Sklave, lassen sie ihn, wie er ist, bis er endlich eine Beute der Hunde und Raubvögel wird.

Ertrappen sie einen Dieb oder Räuber: so führen sie ihn zu einem hohen dicken Baume, schlingen ihm einen dauerhaften Strick um den Hals, knüpfen ihn damit an denselben auf und lassen ihn hangen, bis er durch Wind und Regen aufgelöst in Stücke zerfällt.

Man sagte mir, sie trieben mit ihren Oberhäuptern Dinge, wovon das Verbrennen noch das geringste ausmache. Ich wünschte diese Cäremonien näher kennen zu lernen, als man mir endlich den Tod eines ihrer Grossen berichtete. Den legten sie in sein Grab und versahen es über ihm mit einem Dache für zehn Tage, bis sie mit dem Zuschneiden und Nähen seiner Kleider fertig waren. Zwar, ist es ein armer Mann, so bauen sie für ihn ein kleines Schiff, legen ihn hinein und verbrennen es. Beim Tode eines Reichen aber sammeln sie seine Habe und theilen sie in drei Theile. Das eine Drittheil ist für seine Familie, für das zweite schneiden sie ihm Kleider zu, für das dritte kaufen sie berauschend Getränk (nabis), um es an dem Tage zu trinken, wo das Mädchen sich dem Tode Preis giebt und mit ihrem Herrn verbrannt wird.—Sie überlassen sich aber dem Genusse des Weins (chamr) auf eine unsinnige Weise und trinken ihn Tag und Nacht hindurch. Oft stirbt ihnen einer mit dem Becher in der Hand.

(Стр. 21). Es ist bei den Königen der Russen Brauch, dass sich mit dem Könige in seiner Burg (oder Pallast) vierhundert der tapfersten und zuverlässigsten von seinem Gefolge befinden, die mit ihm zu sterben oder für ihn ihr Leben zu opfern bereit sind. Ieder derselben hat ein Mädchen, das ihn bedient, ihm seinen Kopf wäscht und Essen und Trinken bereitet; aber neben diesem hat er noch ein anderes Mädchen,

das ihm als Beischläferinn dient. Diese vierhundert sitzen unten an des Königs Hochsitz (serir), welcher gross und mit sich kostbaren Edelsteinen verziert ist. Auf dem Hochsitz selbst lässt er vierzig Mädchen, die für sein Bett bestimmt sind, bei sitzen.... Er hat ein Stellvertreter (Chalifa), der seine Heere anführt, mit den Feinden kriegt, und seine Stelle bei seinen Unterthanen vertritt.

XIX. *Мукаddесu*, 985. (См. Frähn. 51).

Mukaddesy Nachricht über die Russen.

Dasselbe (das Land der Russen) ist von grosser Ausdehnung; doch sind die angebauten und bewohnten Districte von einander getrennt und hängen nicht zusammen. Ein weiter Zwischenraum scheidet eine Stadt von der andern. Die Russen bestehen aus starken Völkerschaften, die keinem Könige, keinem göttlichen Gesetze gehorsamen. Es giebt bei ihnen ein Goldbergwerk. Kein Fremder betritt ihr Gebiet, ohne augenblicklich sein Leben einzubüssen.

XX. *Мирхонд*ъ (См. Frähn. 58).

Mirkhond Jardin de plaisance.

Der Russen Brauch ist's, dass sie all' ihre Habe ihren Töchtern überlassen, ihren Söhnen aber nichts als ein Schwert geben, mit den Worten: diess da ist dein Erbtheil.

XXI. *Абу-Эль-Кассимъ*, 948 (См. D'Ohsson, 85—115).

D'Abou-el-Cassim Des peuples du Caucase et de pays au nord de la mer noire et de la mer caspienne, dans le dixième siècle.

Chap. 85 (D'Ohs., 85). Les Russes et les Sclabes sont divisés en beaucoup de nations qui ont chacune leur roi, et qui se font souvent la guerre.

(Стр. 86). Leur pays est si vaste, qu'à l'orient il fournit des esclaves aux Khorassaniens, et à l'occident aux Andalous. Ces derniers, qui les reçoivent de la Galice, de la France, de la Lombardie et de la Calabre, les réduisent à l'état d'eunuques, et les exportent en Egypte et en Afrique. Tous les eunuques sclabes qu'il y a dans le monde viennent d'Andalousie.

Les Slaves sont, les uns chrétiens, de la secte de Iacob, les autres païens, sans livre sacré ni religion révélée. Le plus nombreux de ces peuples est celui qui s'appelle *Louza'né*. Il va trafiquer jusqu'en Andalousie, à Constantinople et chez les Khazares; mais la principale nation sclabe se nomme *Vélinana*; on peut la considérer comme la souche de Sclabes. Iadis elle les dominait tous, et son roi, nommé *Madjek*, recevait l'hommage des autres princes sclabes; mais la désunion survint et affaiblit la puissance de ces peuples, en leur donnant à chacun un souverain particulier.

(Стр. 88). Chez les Serbines, lorsque le roi meurt, plusieurs de ses sujets se brûlent avec son corps, et l'on fait aussi périr ses chevaux dans les flammes, comme cela se pratique dans l'Inde.

(Стр. 103). Ce roi, lorsqu'il a jugé un différens entre deux de ses sujets, et qu'ils n'en sont pas contents, leur dit: décidez vous—même votre querelle par le sabre. Celui dont

le sabre est le plus tranchant gagne son procés. Ot dit aussi qu'un Russe présente un sabre à son fils nouveau—né et lui dit: tu ne posséderas pas que ce que tu auras acquis par ton sabre. Chez eux le voleur ou le brigand est pendu à un arbre, où son corps reste exposé jusqu'à son entière dissolution.

XXII. *Ибнъ—Дастъ* (См. изданіе Д. Хвольсона въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1868, Дек.).

Абу Али Ахмеда Бенъ Омаръ Ибнъ—Даста Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Русскихъ (начала X вѣка).

Гл. V. Славянская земля.) §. 3. Когда умираетъ кто—либо изъ нихъ (Славянъ), они сожигаютъ трупъ его. Женщины ихъ, когда у нихъ умеръ кто либо, царапаютъ себѣ ножемъ руки и лице. На слѣдующій день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ за тѣмъ на холмъ. Черезъ годъ по смерти покойника берутъ кувшиновъ двадцать меду, иногда нѣсколько больше, иногда нѣсколько меньше, и несутъ ихъ на тотъ холмъ, гдѣ родственники покойнаго собираются, ѣдятъ, пьютъ и за тѣмъ расходятся.

§. 4. Если у покойника было три жены, то та изъ нихъ, которая полагаетъ, что она его (особенно) любитъ, приноситъ къ трупу его два столба и вбиваетъ ихъ стоймя въ землю, потомъ кладетъ третій столбъ поперекъ, перевязываетъ посреди этой перекладины веревку, становится на скамью и конецъ этой веревки завязываетъ накрѣпко вокругъ шеи; тогда скамью вытаскиваютъ изъ—подъ нея, и женщина остается повисшею, пока она не задохнется и не умретъ. Послѣ этаго трупъ ея бросаютъ въ огонь, гдѣ онъ и сгораетъ.

§ 5. Всѣ Славяне — огнепоклонники. Хлѣбъ, наиболѣе ими воздѣлываемый, — просо. Въ пору жатвы кладутъ они просяныя зерна въ ковшъ, поднимаютъ его къ небу и говорятъ: „Господи, ты, который даешь намъ пищу, снабди теперь насъ ею въ полной мѣрѣ.“

§. 6. При сожиганіи покойниковъ предаются шумному веселью, выражая тѣмъ радость свою, что Богъ оказалъ милость покойному (взявъ его къ себѣ). Рабочаго скота у нихъ мало, а верховыхъ лошадей имѣетъ только одинъ упомянутый человѣкъ [1]). Вооруженіе ихъ состоитъ изъ дротиковъ, щитовъ и копій; другаго оружія не имѣютъ.

§ 7. Глава ихъ (Славянъ) зовется *супанечъ* (жупанъ). Ему они повинуются, и отъ приказаній его не отступаютъ. Жилище его находится въ срединѣ земли Славянъ. Упомянутое выше лице, котораго титулуютъ они *главою главъ* (великій князь) зовется у нихъ Святопълкъ. Это лице стоитъ выше супанеча (жупана), который считается лишь его намѣстникомъ. Онъ (великій князь) имѣетъ верховыхъ лошадей.... Городъ въ которомъ онъ живетъ, зовется Джервабъ. Здѣсь у Славянъ происходитъ ежемѣсячно, въ продолженіи трехъ дней, торгъ: продаютъ и покупаютъ

§ 9. Царь ихъ объѣзжаетъ ихъ (жилья Славянъ) ежегодно. Если у кого изъ нихъ есть дочь, она обязана давать (царю) по одному изъ платьевъ своихъ въ годъ. Такимъ образомъ обязанъ давать ему по одеждѣ въ годъ и сынъ, если есть у кого. У кого нѣтъ ни сына, ни дочери, тотъ обязанъ давать по платью въ годъ отъ жены или служанки. Поймаетъ царь въ государствѣ своемъ разбойника,—велитъ, или задушить

---

[1]) Издатель полагаетъ, что здѣсь разумѣется великій князь, какъ это видно изъ слѣдующаго §,—что въ предыдущемъ § (5) рѣчь шла объ этомъ великомъ князѣ, и что какой—то переписчикъ ошибся и пропустилъ это предложеніе.

его, или же отдаетъ подъ надзоръ кого либо изъ правителей на отдаленныхъ окраинахъ своихъ владѣній.

Гл. VI. Русь. §. 1. Что касается до Руси, то находится она на островѣ, окруженномъ озеромъ.

§. 2. Русь имѣетъ царя, который зовется Хаканъ-русъ. Они производятъ набѣги на Славянъ; подъѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, выходятъ на берегъ и полонятъ народъ, который отправляютъ потомъ въ Хозеранъ и къ Болгарамъ и продаютъ тамъ. Пашень Русь не имѣетъ и питается лишь тѣмъ, что добываетъ въ землѣ Славянъ.

§. 3. Когда у кого изъ Руси родится сынъ, отецъ (новорожденнаго) беретъ обнаженный мечъ, кладетъ его предъ дитятею и говоритъ: „не оставлю въ наслѣдство тебѣ никакого имущества: будешь имѣть только то, что́ пріобрѣтешь себѣ этимъ мечемъ“.

§. 4. Русь не имѣетъ ни недвижимаго имущества, ни деревень, ни пашень; единственный промыселъ ихъ — торговля собольими, бѣличьими и другими мѣхами, которые и продаютъ они желающимъ; плату же, получаемую деньгами, завязываютъ накрѣпко въ пояса свои.

§. 6. Гостямъ оказываютъ почетъ и обращаются хорошо съ чужеземцами, которые ищутъ у нихъ покровительства, да и со всѣми, кто часто бываетъ у нихъ, не позволяя никому изъ своихъ обижать или притѣснять такихъ людей. Въ случаѣ же, если кто изъ нихъ обидитъ или притѣснитъ чужеземца, помогаютъ послѣднему и защищаютъ его.

§. 7. Когда проситъ о помощи который либо изъ ихъ родовъ, выступаютъ въ поле всѣ и не раздѣляются на отдѣльные отряды, а борятся со врагомъ сомкнутымъ строемъ, пока не побѣдятъ его.

§. 8. Когда одинъ изъ нихъ имѣетъ претензію на другаго, то зоветъ на судъ къ царю, предъ которымъ и препи-

раются; когда царь произнесетъ приговоръ, исполняется то, что онъ велитъ; если же обѣ стороны приговоромъ царя не довольны, то, по его приказанію, должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. На борьбу эту родственники обоихъ тяжущихся сторонъ приходятъ вооруженными и становятся. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и побѣдитель можетъ требовать отъ побѣжденнаго, чего хочетъ.

§. 10. Когда они (русскіе) нападаютъ на другой народъ, то не отстаютъ, пока не уничтожатъ всего. Женщинами побѣжденныхъ сами пользуются, а мужчинъ обращаютъ въ рабство.

§. 13. Когда умираетъ у нихъ кто—либо изъ знатныхъ, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большаго дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ тѣмъ кладутъ въ туже могилу какъ одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и чеканную монету. Наконецъ, кладутъ въ могилу живую и любимую жену покойника. Затѣмъ отверстіе могилы закладывается, и жена умираетъ въ заключеніи.

XXIII. *Несторъ* (См. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп., изд. Арх. Ком. I. 1846).

(Стр. 4). Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ.

(Стр. 5). Поляномъ же живущемъ особѣ, якоже рекохомъ, суще отъ рода Словѣньска, и нарекошася Поляне, а Древяня же отъ Словѣнъ же, и нарекошася Древляне; Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ.... И живяху въ мирѣ Поляне,

и Древляне, Сѣверъ, и Радимичь, и Вятичи, и Хрвате. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне, а Уличи, Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь.

(Стр. 6). Имяху бо обычаи свои, и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровемъ, и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачныи обычаи имяху: не хожаше зять (женихъ) по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней (что на ней), что вдадуче (дадутъ). А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски, убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака (браченья) у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, твориху трызну надъ нимъ, и посемъ твориху кладу велику, и възложахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, а посемъ собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же твориху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ. Глаголетъ Георгій въ лѣтописаньи: ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи; зане безаконьникомъ отечьствіе мнится, etc.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

I. Древнее чешское сказаніе о *судѣ Любуши*, по изданію (русскими буквами) Импер. Акад. Наукъ (Извѣстія т. I. л. 23—26).

Ай Вльтаво, че моутиши водоу?
Че моутиши водоу сребропѣноу?
За ті-е люта развлаі-аше боурі-а,
Сесыпавши тоучоу шира неба,
Оплакавши главы гор зеленыя,
Выплакавши златопѣскоу глину?
Како бых і-аз воды не моутила,
Кегды сі-е вадита родна братры,
родна братры о *дѣдины отне?*
Вадита сі-е кроуто мезоу собою,
люты Хрудош на Отавѣ кривѣ,
На Отавѣ кривѣ златоносиѣ,
Сті-аглав храбер на Радбоузѣ хладнѣ,
оба братры, оба Клановица,
рода стара Тетвы Попелова,
іен-же приде с *плькы* с Чеховыми
в сі-е-же жирне *власти* прѣс три рѣкы.

Прилетѣше дроужна властовица,
прилетѣше от Отавы кривы,
сѣде на окенце разложито
в Любоушинѣ отнѣ златнѣ сѣдлѣ,
сѣдлѣ отнѣ сві-етѣ Вышеградѣ,
бѣдоуі-е и нарицаі-е моутно.
Кды се слыше і-ею родна сестра,
родна сестра в Любоушенѣ *дворѣ*,
спроси кніежноу оутр' Вышеградѣ
на *поправоу оуставити правдоу*,
и *погнати* братры іеіа оба
и *соудити има по законоу*.

Каже кніежна *выправити послы*—
по Сватослав от Любице бѣле,
иде-же соу доубравины оуне,
по Лютобор с Доброславска хльмца,
иде-же Орлицоу Лабе пиіе,
по Ратибор от гор Крьконоши,
иде-же Троут погоуби сан' лютоу,
по Родован от Камена моста,
по Іарожир от брьд вльторѣчных,
по Стезибор от Сазавы ладны,
по Самород се Мже стребронсне,
по всіе *кмети, лѣхи и владыкы*,
и по Хроудош и по Стіаглав братры,
розвадіема о дѣдины отне.
Кда сіе *сніеху лѣси и владыкы*
въ Вышеградѣ . . . . .
прокни стоупи розеніа дліе свего:
стоупи кніежна в бѣлествоуци ризѣ,

стоупи на *стол отен* в славне *сніемъ:*
. . . . . *двъ въласнъ дъвъ*
въоучень въшчбан витіезовым:
оу іеднеи соу дескы правдодатне,
оу втореи меч кривды каравюи;
против има пламен' правдозвъстен,
и под нима сватоцоудна вода.

Почіе кніежна с отна злата стола:
Мои *кметіе, леси и владыкы!*
Се братрома *разрѣшите правдоу,*
Іа-же вадита сі-е о дѣдины,
о дѣдины отне мезоу собоу.
По законоу вѣкожизных богов
Боудета им оба в-іедно власти,
чи сіе роздѣлита ровноу мѣроу.
Мои *кметіе, лѣси и владыкы!*
розрѣтите моіе выповѣди,
боудетѣ ли оу вас по розоумоу,
не боудетѣ л' оу вас по розоумоу,
оуставите им новы налез,
кы бы смѣрил розвадіена братры.

Кланѣхоу сіе лѣси и владыкы,
и почіехоу тихо говорити,
говорити тихо мезоу собоу,
и хвалити выповѣди іеіе.
Вста Лютобор с Доброславска хльмца,
іе сіе тако слово говорити:
Славна кніежна с отна злата стола!

Выповѣди твоіе розмыслѣхом:
Себер гласи по народоу свему.
и себрастъ гласы дѣвъ судньі,
сбіерастъ іе оу осудіе свате,
и дастъ іе лѣхом проволати.

Вста Радован отъ Камена моста,
іе сіе *гласы числем прѣліедати,*
и вѣчиноу проволати в народ,
в народ к розсоузеніу на снѣм сборен:
Оба родна братры Кленовица,
рода стара Тетвы Попелова,
іен-же приде с плькы с Чеховыми
в сіе-же жирне власти прѣс три реки!
смѣрита сіе тако о дѣдины:
боудета им оба в іедно власти.

Встаноу Хроудош от Отавы кривы,
Жльч сіе іемоу розли по оутробѣ,
трасіехоу сіе ліутостіу вси оуди,
Махноу роукоу, зарве іарым тоурем:
Горе птенцем, к ним-же змиіа в нори,
горе моужем, им-же жена владе!
моужоу власти моужем заподобно:
Прьвенцоу дѣдиноу дати правда.

Вста Любоуша с отна злата стола,
веце: кметіе, лѣси и владыкы!
Слышесте зде поганіеніе моіе:
Соуд'те сами по законоу правдоу,
Оу не боудоу вам соудити свады.

Вол'те моужа мезоу собоу ровна,
кы бы влад вам по железоу. . . .
Дѣвче роука на вы к владѣ слаба.

Вста Ратибор от гор Крьконоши,
іе сіе тако слово говорити:
Не хвално нам в Нѣмцѣх искат правдоу:
оу нас правда по законоу сватоу,
ю-же принесехоу отци наши
в сіе-же . . . . . .

Всіак от свеи челіеди воіеводи.
Моужіе пашоу, жены роубы строіа:
И оумре ли глава челіедина,
Дѣти всіе тоу сбожіем в іедно владоу,
Владыкоу си з рода выбероуце,
Кы пльзніе дліе в сніемы славны ходи,
Ходи с кметми, с лѣхы, владыками.
Встахоу кметіе, лѣси и владыкы,
похвалихоу *правдоу по законоу.*

II. Отрывокъ древней чешской пѣсни — *Zaboj, Slavoj, Ludiek* (См. Vàc. Hanky Rukopis Kralodv. 1843 стр. 69).

Otcik zajde k otcem,
ostavi w dêdinê dietky svoje,
i svoje *lubice.* J nerece nikomu:

„Batio ty mluvi k nim oteckymi slovy.“
J prijde cuzi usilno v dêdinu,
i cuzimi slovy zapovida,
i kak sê zdê v cuzej lasti
ot jutra po vecer, tako bese zdieti
djetkam i ženám.
J *jedinu druzu* nam jmieti
po puti vsej z Vesny po Moranu.

III. Древнія сербскія пѣсни (См. Вука Караджича Српске Народне пјесме. у Бечу. 1845).

1. *На просидби.* (кн. I. стр. 2).

Ој ти коло велико!
Што нас зовеш, малено?
Имате ли djevojak'?—
Има, коло велико!
Дајте нама до двије.
Не дамо вам ни једне;
А камо ли до двије.
А ми чемо и силом.
Сила Бога не моли.
Сјевер гору обломи.
А за ранта обломи?
Зарад' ваши дјевојак'.
А ви два свата, два *уводника*,
Отвор'те врата.
Отворена су јоште с вечера
И пометена.

2. *Бајо Пивлянин и бег Љубовић* (ib. III. 465).

Књигу пише беже Љубовичу
У лијету селу Невесину,
Те је шаље Пиви каменитој
На кољено Пивљанину Бају:
„Чујеш море, Пивљанине Бајо?
Ти си мене за срце ујео,
Ти си мога брата погубио;
Изичи ми на међан јуначки,
. . . . . .
Ако ли ми не смијеш изичи
Послачу ти черчеф и преслицу,
Уз прислицу Мисирско повјесмо
И вретено дрва шимширова,
Те ми преди гаче и кошуљу,
И учкур ми у гаче навези.“
Када Бају ситна књига доче,
И кад виче, што му књига каже,
Он узима дивит и хартију
Те он бегу књигу отписује:
„Господару, беже Љубовичу!
Штета теби погинут'од мене,
Мени жао *умријет'од тебе;*
Него хајде, *да се помиримо:*
Ако сам ти брата погубио,
Мене јесте младост занијела,
И ја сам се давно покајао;
Него хајде, до се помиримо:
Послачу ти лијепу јабуку,
Уз *јабуку стотину дуката*“....

3. *Перовић Батрић* (ib. 215).

Земли паде, пушци огань даде,
Те погоди Перовић Батрића
Посред паса, укиде га с гласа,
Мртав паде у траву зелену;
А Осман му осијече главу.
Глас допаде у село Залути
Милу бабу Петровић Батрића.
Тад' закука синьа кукавица
Усред зиме, кад јој рока није,
У Зальути селу маленоме;
То не била синьа кукавица,
Веч то био Вучичевић Перо,
Мио баба Перовић Батрића:
„Авај мене! до Бога милога!
Че ми Батрић брата не остави,
Који би га мог'о *осветити*“.
Тјети ньега Перовић Радуле:
„Та не бој се, мој мио бабајко!
Чекај мене до чурчева дана,
Док се гора преочене листом,
Црна земља травомъ и цвијетом,
Ја чу једну *чету сакупити*,
Пак чу с ньоме почи у Баньане,
Батрића чу *брата осветити*“.

. . . . . .

„Оj Турчине, чоровић Османе!
Мој је Батрић на *откупе* био,
Ти га не шче пустит' на откупе,
Но му русу осијече глову“.
Па повади ножа од појаса,

Те он Турску осијече главу;
Узе њему главу и оружје,
И његова коња големога.

. . . . . .

Дарова му Османову главу,
Још'те рече Вучичевић Перо:
„Благо мене јутрос и до вјека!
Кад ја виче за живота свога,
Че *освети* мојега Батрича.“

Поправки и опечатки.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
6	18	памятники	памятниковъ
7	14 (снизу)	временн	времени
10	14 (сверху)	на другихъ	па другихъ
10	18 »	появленіи	появленія
14	6 (снизу)	или вовсе	или которыя вовсе
15	9 (сверху)	вало	вали
16	7 »	односторонности	односторонности
16	6 и 7 (снизу)	ниодно	ни одно
18	13 »	быта, вообще	быта и вообще
26	3 (сверху)	монголями	монголами
26	10 »	огдѣльности	огдѣльности
27	2 (снизу)	выставить	возстановить
28	7 (сверху)	Пусской	Русской
29	10 (снизу)	скихъ	кихъ
52	10 »	германскою	германскою
54	1 »	но собходимости	о необходимости
56	8 (сверху)	боткѣ	ботки
56	16 »	изслѣдо—	изслѣдо—
82	3 »	ζάκανον	ζακανον
82	14 (снизу)	[1]) Свидѣгельства	[1]) Порфирородный, по видимому, противополагаетъ законъ обычаю, какъ lex въ отношеніи къ consuetudo: κατὰ τὰ ζακανα, — κατὰ το τῶν χαζὰρων ἔδος καὶ ζάκανον (См. Извѣст. Ак. Наукъ. III. 282), но здѣсь законъ и обычай употреблены въ такомъ же безразличномъ значеніи, какъ и у Нестора. Свидѣльства
90	18 (снизу)	Rechtes in	Rechtes ist
92	3 »	[3]) Вѣщіе люди	[3]) Слѣдуетъ также припомнить названіе Олега *вѣщимъ*. Вѣщіе люди
93	1 »	Wissensch. 1860 и пр.	Wissensch. 1860, въ Запискахъ Имп. Ак. Наукъ 1863, замѣчаніе *Куника* и пр.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
95	10 (снизу)	Ултава	Влтава
95	6 »	оплакавшая	омывшая
95	5 »	выплакавшая	вымывшая
96	17 (сверху)	растворенномъ	просторномъ
96	25 »	призвать	позвать
96	5 (снизу)	лехамъ	лѣхамъ
96	2 »	лехи	лѣхи
97	4 (сверху)	лехахъ	лѣхахъ
97	6 »	правдовѣстнаго	правду испытующаго
97	7 »	чудной	отчистительной
97	17 »	правдовѣстный	правду испытующій
97	18 »	святочудная	святоочистительная
97	20 и 27 »	лехи	лѣхи
97	12 (снизу)	приговоръ	нарядъ
98	19 »	рѣшеніе	большинство
98	1 »	поношеніе	отверженіе
100	22 »	[2]) Главнѣйшіе факты по этому предмету собраны *Макушевымъ*	[2]) Главнѣйшіе факты по этому предмету собраны *Срезневскимъ* (См. изданіе М. Храбра о письменахъ, въ Журн. М. Нар. Пр. 1848) и *Макушевымъ*
101	2 (сверху)	disk (Tisch)	disk (Tisch), слав. *дъска* (ср. отъ доскz до доски).
101	17 (снизу)	I. 152. Нѣкоторые	I. 152. По этимологіи «кънига»—littera, стало быть не матеріалъ. Кънига—одного корня съ каппида (знакъ). Ср. серб. канити. Нѣкоторые
103	5 (сверху)	религіи, ставилось	религіи. Оно сталось
104	18 »	деталяхъ	проявленіяхъ

